

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

K 4P
Φ 54

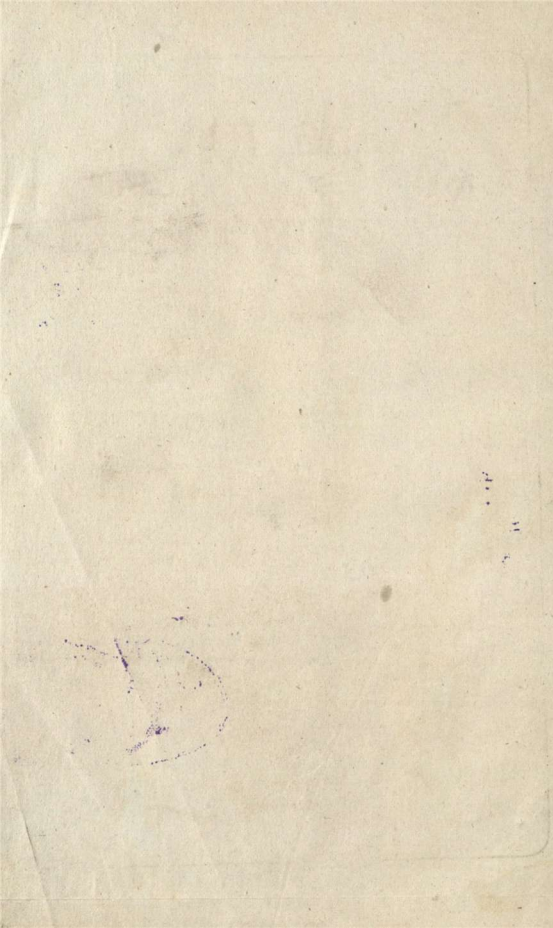
2019796

Книга должна быть возвращена
не позднее указанного здесь срока

36

Колич. предыд. выдачи

Зер

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

05
Ф 54
в к
1889г.

ЖУРНАЛЬ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ
вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по срав-
нительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ.

Изд. А. Хованскимъ.

— ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ —

ВЫПУСКЪ VI.

Воронежъ.

Въ Типографіи В. П. Исая.

1889.

96661 м

Воронежская областная
научная библиотека
имени И. С. Пастернака

— 0578 685 —

80
кр

СОДЕРЖАНІЕ VI ВЫПУСКА.

Объ изданіи «Филологич. Записокъ» въ 1890 году.

Зачатки русской литературной критики. (Продолженіе).

И. М. Бѣлоруссова.

Въ чемъ нуждается наше учебное дѣло по преподаванію русскаго языка

А. А. Хованскаго.

Замѣтка по поводу «Методики» А. Барсова для преподаванія русскаго языка.

.....вѣ.

О мѣрахъ къ усибшному преподаванію древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. II. Гомерическія уподобленія и сравненія. III. Характеристика. IV. Разсужденіе. Какимъ языкомъ и стилемъ нужно переводить Гомера въ гимназіяхъ?

А. П. Лилова.

Опытъ объясненія звуковыхъ измѣненій рѣчи измѣненіемъ работъ органовъ. (Окончаніе).

А. Камскаго.

Значеніе Гомункула въ «Фаустѣ» Гёте.

А. Костицина.

Жанъ-Жакъ Руссо. (Историко-литературный эскизъ).
Публичная лекція въ пользу бѣдныхъ учениковъ Стародубской прогимназіи.

Ф. А. Веревскаго.

Б И Б Л И О Г Р А Ф І Я:

С. Ѳ. Платоновъ. Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII в., какъ историческій памятникъ. С.-Петербургъ. 1888.

(Далѣе см. на 3-ей стр. обертки).

К 41
954

О ВЪ ИЗДАНИИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“

XXIX г.

ВЪ 1890 ГОДУ.

XXIX г.

(Журналъ одобренъ Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи).

Изданіе «Филологич. Записокъ» будетъ продолжаться и въ будущемъ году съ тѣмъ же направленіемъ, съ тѣми же задачами, какія постоянно преслѣдуются Редакціей на пользу русской науки и просвѣщенія—по языку и литературѣ, сравнительному языкознанію, классицизму, славянистикѣ, миѳологии и проч.—съ цѣлію доставлять пособіе для учебныхъ заведеній въ разработанныхъ статьяхъ по разнымъ вопросамъ, особенно по преподаванію отечественнаго языка. Въ этомъ отношеніи Редакціей представлено уже выработанное по новому плану практическое руководство, подъ заглавіемъ: «Живое слово для изученія родного языка. Методика русскаго языка въ разсказахъ и объясненіяхъ по литературнымъ образцамъ, въ связи съ логикой, грамматикой и словесностію, для всесторонняго развитія и воспитанія учащихся, согласно съ требованіями педагогическихъ принциповъ»,—сост. А. Барсовымъ. Подобнаго рода выработанное изданіе практико-методическаго характера для изученія родного языка издавна было нашимъ завѣтнымъ стремленіемъ и желаніемъ. То же можемъ сказать и о разработкѣ предполагаемаго словопроизводственнаго словаря, который въ свою очередь при

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
К. А. С. ПУШКИНА
№ _____

№ 19796

классныхъ устныхъ и письменныхъ занятіяхъ можетъ доставлять необходимое пособіе, какъ средство развивающее мыслительность и вообще весь умственный кругозоръ учащихся.

Относительно собственно языкознанія укажемъ хотя вкратцѣ на помѣщенные нами въ этомъ году слѣд. изслѣдованія: «Основные элементы языка и начала его развитія, проф. В. И. Шерцля;—Изъ лекцій по лат. фонетикѣ, проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенѣ;—Зачатки прикладнаго языкознанія, какъ науки о націонализмѣ, В. М. Добровскаго;—Къ вопросу объ улучшеніи преподаванія русскаго языка, въ связи съ письменными упражненіями, Ю. Н. Верещагина;—Замѣтка о преподаваніи русскаго языка, А. Я. Николаевскаго.—По литературѣ: Объ изученіи исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенности, Вл. Вл. Плотникова;—Зачатки русской литературной критики, И. М. Бѣлоруссова и проч.

«Филологическія Записки» издаются въ **Воронѣжѣ**; выходятъ безсрочными выпусками, — по шести выпусковъ въ годъ.

ЦѢНА годовому изданію **6 руб. 50 к.** съ перес. за-границу **7 руб.**

ПОДПИСКА преимущественно принимается въ Редакціи «Филологическихъ Записокъ», въ **Воронѣжѣ**; желающіе могутъ подписываться также въ извѣстныхъ столичныхъ и другихъ книжныхъ магазинахъ. Изданіе Фил. Зап. можно выписывать и за прежніе годы.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій.**

ЗАЧАТКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ.

(Продолженіе).

Разсмотрѣнію неологизмовъ и барбаризмовъ въ русскомъ языкѣ Сумароковъ посвятилъ двѣ статьи: „О коренныхъ словахъ русскаго языка“ и „О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка“. Замѣчательно слѣдующее мѣсто въ первой статьѣ. „На что намъ чужія слова вводить, спрашиваетъ Сумароковъ, когда мы по естеству и по примѣру предковъ нашихъ, своихъ изъ первоначальныхъ словъ довольно произвести можемъ? Чужія слова всегда странны будутъ, и знаменованія ихъ не такъ изъяснительны и слѣдственно введутъ слабость и безобразіе въ сильный и прекрасный языкъ нашъ. А еще и страннѣе, когда мы то называемъ или еще и пишемъ чужестранными словами, чему у насъ есть точныя свои названія, и имѣя древній и несмѣшанный языкъ, портя его, слова изъ новыхъ и смѣшенныхъ языковъ вводимъ... Еще страннѣе производить изъ русскаго языка новыя слова, давая имъ непристойныя предлоги, несвойственныя окончанія, производить слова, или не свойственное имущія знаменованіе, или противъ естества сложенныя и въ новомъ образѣ никакого знаменованія не имущія, кромѣ тѣни своего первоначалія. Таковыя слова бесполезно на будущее употребленіе уповаютъ: они у потомковъ будутъ въ презрѣніи или попортятъ языкъ“⁷⁹⁾. Этотъ же взглядъ отчасти подтверждаетъ, отчасти же—далѣе развиваетъ Сумароковъ и въ статьѣ О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка. „Воспріятіе чужихъ словъ, а особливо безъ необходимости, говоритъ онъ, есть не обогащеніе, а порча языка... Честолюбіе возвратитъ насъ когда нибудь съ сего пути несумнѣннаго заблужденія; но языкъ нашъ только сею зараженъ язвою, что и теперь уже вычищать его трудно; а ежели сіе мнимое обогащеніе еще нѣсколько лѣтъ продлится, такъ совершеннаго очищенія не можно будетъ больше надѣяться“⁸⁰⁾. Впрочемъ, ревнуя о чистотѣ русскаго языка, Сумароковъ не доходилъ до нетерпимости: онъ вооружался противъ тѣхъ только бар-

⁷⁹⁾ Соч. Сумарокова ч. IX, стр. 282, 283. Ср. ч. X, стр. 14.

⁸⁰⁾ Ibid. стр. 274—275.

баризмовъ и неологизмовъ, которые въ русскомъ языкѣ являлись излишними, о словахъ же необходимыхъ и не портящихъ языка отзывался съ благоразумною похвалою и одобреніемъ. „Греческія слова, говоритъ онъ, введенны въ нашъ языкъ по необходимости и дѣлають ему украшеңіе, а нѣмецкія и французскія намъ не надобны, кромѣ названія такихъ животныхъ, плодовъ и прочаго, какихъ Россія не имѣетъ“⁸¹⁾. И потомъ далѣе продолжаетъ: „греческія слова, какъ напр. порфира, скипетръ, діадима, имена наукъ, болѣзней и прочія надобныя слова для изъясненія точности потребны нашему языку. Они жъ въ латинскій и во всѣ европейскіе языки войти право имѣли; ибо стараніе грековъ въ нужныхъ именованіяхъ на верхъ совершенства возшло и получило почтеніе быть воспріято римлянами, а потомъ и всею Европою для избѣжанія великія трудности въ изъясненіи новыхъ нужныхъ именованій... И тако воспріятыя греческія слова присвоены нашему языку достохвально, а нѣмецкія и французскія языкъ нашъ обезображиваютъ“⁸²⁾. — Столь здравыя сужденія не преминулъ нашъ критикъ-стилистъ облечь и въ стихотворную форму. Въ „Наставленіи хотящимъ быти писателями“ онъ въ слѣдующихъ стихахъ характеризуетъ пѣнговъ, обезображивающихъ русскую рѣчь барбаризмами:

Одинъ, послѣдую несвойственному складу,
Въ Германію влечетъ російскую Палладу,
И мня, что тѣмъ онъ ей пріятство придаетъ,
Природну красоту съ лица ея сотретъ.
Другой, не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
По-русски, думаетъ, всего сказать не можно,
И взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплетаетъ рѣчь
Языкомъ собственнымъ, достойну только сжечь⁸³⁾.

Въ томъ же „Наставленіи“, немного дальше, Сумароковъ преподаетъ совѣтъ и относительно правильнаго син-

⁸¹⁾ Ibid. стр. 276.

⁸²⁾ Ibid. стр. 277.

⁸³⁾ Соч. А. П. Сумарокова, ч. I, стр. 363, 364.

таксического строя рѣчи, въ особенности для переводчиковъ.

Имѣеть склада всякъ различіе народъ.

Что очень хорошо на языкѣ французскомъ,

То можетъ скаредно во складѣ быти русскомъ.

Не мни перевода, что складъ тебѣ готовъ;

Творецъ даруетъ мысль, но не даруетъ словъ.

Хотя передъ тобой въ три пуда лексиконъ,

Не мни, чтобъ помощью тебя снабжалъ и онъ,

Коль рѣчи и слова поставишь безъ порядка.

И будетъ переводъ твой нѣкая загадка,

Которую никто не отгадаетъ въ вѣкъ,

Хотя и всѣ слова исправно ты нарекъ ⁸⁴⁾.

Статья Сумарокова о стопосложеніи ⁸⁵⁾ представляетъ собою разсужденіе его о русскомъ стихосложеніи. Полемизируя съ Ломоносовымъ и особеоно съ Тредьяковскимъ относительно частностей русскаго стихосложенія, критикъ нашъ совершенно согласенъ съ ними въ общемъ и основномъ. Извѣстно, что Тредьяковскій и Ломоносовъ признавали русское стихосложеніе тоническимъ; того же взгляда держался и Сумароковъ: „Россійское стопосложеніе, говоритъ онъ, основано единственно на естественной тонической долготѣ“ ⁸⁶⁾. — Признавъ въ тоническомъ стихосложеніи пять стопъ: хорей, ямбъ, дактиль, амфибрахій и анапестъ, Сумароковъ даетъ понятіе о каждой изъ нихъ и приводитъ для сей цѣли соотвѣтствующіе примѣры. Разсужденія его о стопахъ съ технической стороны не представляютъ ничего оригинальнаго; но взглядъ на спондей, свойственный собственно метрическому стихосложенію, и на внутреннее значеніе и смыслъ употребленія того или другаго рода стопъ заслуживаетъ того, чтобы сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

⁸⁴⁾ Ibid. стр. 364. Ср. съ «Эпистолой о русскомъ языкѣ», ч. I, стр. 333.

⁸⁵⁾ Соч. Сумарокова ч. X, стр. 50—77.

⁸⁶⁾ Ibid. стр. 50.

Спондеи признаетъ Сумароковъ не свойственными русскому стопосложенію, а потому и пользованіе ими считаетъ очень труднымъ. „Спондеи, говоритъ онъ, обезображивали и самыя лучшія г. Ломоносова строфы“⁸⁷⁾. Для того чтобы по-русски вышелъ спондей, нужно поставить рядомъ два слога съ удареніемъ, которое, какъ извѣстно, въ языкахъ пользующихся тоническимъ стопосложеніемъ, замѣняетъ долготу слога языковъ съ метрическимъ стопосложеніемъ. Но и тогда все-таки выходитъ не спондей, а ямбъ или хорей, по свойству русскаго языка. „Г. Тредьяковскій, замѣчаетъ Сумароковъ, колико много онъ отъ меня ни слышался о спондеяхъ, никакъ не могъ понять, что спондей у насъ иногда—хорей, иногда—ямбъ“⁸⁸⁾. „Ежели спондей состоитъ изъ двухъ существительныхъ, такъ который слогъ къ выраженію автора важнѣе, тотъ и длиннѣе, т. е., тотъ силу у другаго и возьметъ. Напр.:

Огнь, адъ, ($\overset{\vee}{\quad}$ $\overset{\vee}{\quad}$)

Меня страшать. ($\overset{\vee}{\quad}$ $\overset{\vee}{\quad}$ $\overset{\vee}{\quad}$ $\overset{\vee}{\quad}$).

Адъ больше устрашати долженъ, нежели огнь, слѣдовательно адъ долгимъ слогомъ положенъ, а огнь короткимъ“⁸⁹⁾. Значитъ, въ данномъ случаѣ спондей выраженъ по-русски ямбомъ. А для того, чтобы выразить спондей хореемъ, то, по словамъ Сумарокова, нужно „разнести слова: адъ и огнь“ въ слѣдующемъ порядкѣ:

„Адъ и огнь меня страшать“.

„Въ который слогъ бьетъ разумъ, добавляетъ нашъ критикъ, тотъ и долѣе изъ двухъ долгихъ“.

Стопы должны быть употребляемы сообразно съ внутреннимъ значеніемъ ихъ, а не какъ попало. Такъ, говоритъ Сумароковъ, „хорей есть нѣжная стопа сама собою и лучше

⁸⁷⁾ Ibid. стр. 52, 88.

⁸⁸⁾ Ibid. стр. 53.

⁸⁹⁾ Ibid. стр. 67—68.

всего къ самымъ нѣжнымъ и сочиненіямъ принадлежить“.—
 „Ямбъ есть гордая, живая и великолѣпная стопа... и больше
 эпической поэмъ, трагедіи и сатиръ принадлежить“⁹⁰⁾.—
 „Дактиль есть та стопа, которая у грековъ и римлянъ была
 больше всѣхъ въ употребленіи, но они ее всегда мѣшали
 со спондеями и хорейми ради различности изображенія, и
 сею смѣсью различныя и чувства изображали, ибо сія стопа
 сама собою нѣсколько унывна, и отъ сея смѣси была она
 иногда живѣе, иногда великолѣпнѣе, важнѣе и проч. Но
 у нихъ она не тоническою долгою произносилася, какъ у
 насъ, но по сопряженію литеръ и по правилу нѣкоторыхъ спо-
 собности и узаконенія“⁹¹⁾.— „Амфибрахій—стопа изобра-
 жающая сама собою и живность, и нѣжность“. „Анапестъ—
 гордая и живая стопа, могущая употребляема быти въ
 одахъ, ежели бы наши строфы не присвоили себѣ отъ
 г. Ломоносова, по примѣру нѣмецкихъ одъ, ямба, чему и
 я во время моей молодости участникомъ сталъ, послѣдуя
 тѣмъ же нѣмцамъ. Но ямбъ не извержется уже изъ нашихъ
 одъ, хотя совершенное онаго изверженіе и не надобно.
 Г. Ломоносовъ и хорей никогда не употреблялъ, но я, под-
 ражая и естеству, и французамъ, хорейскія оды сочинялъ,
 хотя французское лирическое стопосложеніе и не имѣетъ
 точной гармоніи, но только хорейскими тонами отзы-
 вается.... Хорей и дактиль суть нѣжныя стопы, ямбъ и
 анапестъ—живостныя, амфибрахій—нѣжности и живности
 смѣсь, и всѣ русскому языку и свойственны, и полезны“⁹²⁾.
 Такъ вѣрно судилъ Сумароковъ о русскомъ стихосложеніи
 какъ съ технической, такъ и со стороны внутренняго зна-
 ченія того или другаго вида стопосложенія. Но широта
 возрѣнія на стихотворное искусство проявилась у нашего
 критика еще глубже во взглядѣ его на стихи безъ риемы.
 Въ то время какъ не только современники Сумарокова, но
 и послѣдующіе поэты, вплоть до самаго Пушкина, призна-
 вали риему неотъемлемою принадлежностью стихотворства,

⁹⁰⁾ Ibid. стр. 62.

⁹¹⁾ Ibid. стр. 63.

⁹²⁾ Ibid. стр. 64, 65.

онъ не усомнился заявить, что можно писать хорошіе стихи и безъ риѣмы. „Объщаль я, говоритъ онъ въ примѣчаніи къ одной эпиграммѣ, сочинити трагедію безъ риѣмъ. Сей родъ писанія у насъ съ лучшимъ успѣхомъ, нежели у французовъ быть можетъ; но кто, не проникая, повѣритъ тому, что сочинити стихи безъ риѣмы еще труднѣе, нежели съ риѣмами? Риѣмы, когда онѣ хороши и непринужденны, суть подпора бѣднымъ риѣмачамъ, хотя риѣмы и лишняго труда стоятъ; а хорошимъ стихотворцамъ, ежели они при томъ и хорошіе стопослагатели, риѣмы труда мало приносятъ. Положенное вмѣсто риѣмы слово должно не риѣмуя толико же сильно быти, сколько риѣма, а это требуетъ весьма искуснаго писателя“⁹³⁾.

Все, сказанное до сихъ поръ, касалось Сумарокова, какъ стилиста въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но во многихъ сочиненіяхъ выражены у него и взгляды на теорію поэзіи, чего также нельзя пройти молчаніемъ, для того чтобы имѣть болѣе полное понятіе о нашемъ критикѣ. Правда, систематическое изложеніе теоріи поэзіи, содержащееся въ „Эпистолѣ о стихотворствѣ“⁹⁴⁾, заключаетъ въ себѣ большею частію перифразъ L'Art poétique Буало, тѣмъ не менѣе какъ въ этомъ, такъ и другихъ сочиненіяхъ онъ высказываетъ иногда взгляды оригинальные и самостоятельные. Приведемъ ихъ въ нѣкоторую систему. Сперва укажемъ, какъ онъ смотрѣлъ на поэзію вообще, а за тѣмъ—на разные роды и виды поэзіи.

Научнаго опредѣленія поэзіи Сумароковъ нигдѣ не даетъ; но въ разныхъ его стихотвореніяхъ и статьяхъ высказываются такіа сужденія, на основаніи которыхъ можно видѣть, какое имѣлъ онъ понятіе о поэзіи. Прежде всего

⁹³⁾ Соч. Сумарокова, ч. IX стр. 178.

⁹⁴⁾ Соч. Сумарокова ч. I, стр. 336—348. Ср. «Эпистолу о русскомъ языкѣ» (ч. I, стр. 331—335) и «Наставленіе хотящимъ быти писателями» (ч. I, стр. 363—369), которыя представляютъ выборку разныхъ мѣстъ изъ «Эпистолы о стихотворствѣ».

смотрѣлъ онъ на поэзію, какъ на искусство свободное и свойственное только нѣкоторымъ натурамъ.

„О вы, которые стремитесь на Парнасъ,
„Нестройнаго гудка имѣя грубый гласъ“!

начинаетъ Сумароковъ свою эпистолу о стихотворствѣ:

„Престаньте воспѣвать: пѣснь ваша не прелестна,
„Когда музыка вамъ прямая не извѣстна...
„Стихи слагать не такъ легко, какъ многимъ мнится:
„Незнающій—одной и рифмой утомится.
„Не должно, чтобъ она (рифма) въ плѣнь нашу мысль брала,
„Но чтобы нашею невольницей была ⁹⁵⁾... —
„Все хвально—драма ли, эклога или ода:
„Слагай, къ чему тебя влечетъ твоя природа ⁹⁶⁾.

Поэзія должна быть исполнена граціи, простоты и естественности:

„Витійство лишнее природѣ злѣйшій врагъ...“

„Благоуханные рви тамъ (на Парнасъ) себѣ цвѣты.

„И украшай одними

„Ими

„Свои поэмы ты...“

„Коль нѣтъ во чьихъ стихахъ приличной простоты,

„Такъ тѣ стихи—лишены красоты

„И полны пустоты.“ ⁹⁷⁾

„Мнѣ стихотворная пріятна простота!“ говоритъ Сумароковъ въ Эпистолѣ о стихотворствѣ ⁹⁸⁾. А въ другомъ мѣстѣ онъ такъ развиваетъ тѣже мысли и особенно—естественность поэзіи: „Счастливы тѣ, которыхъ искусство

⁹⁵⁾ Соч. Сумарокова ч. I стр. 336.

⁹⁶⁾ Ibid. стр. 348.

⁹⁷⁾ Соч. Сумарокова, ч. IX, стр. 225: Отвѣтъ на оду В. П. Майкова.

⁹⁸⁾ Соч. Сумарокова ч. I, стр. 345.

не ослѣпляетъ и не отводитъ отъ природы, что съ слабостію разума человѣческаго нерѣдко дѣлается. А говоря о стихотворствѣ, которое чистѣйшимъ изображеніемъ естества назваться можетъ, оно больше всего ослѣпленію искусства подвержено, что ясно доказали старающіеся превзойти Гомера, Софокла, Виргилія и Овидія. Останемся лучше въ границахъ природы и разума... Природное чувствіе изъясненіе изъ всѣхъ есть лучшее⁹⁹⁾. Нельзя также не привести одного характернаго мѣста, гдѣ нашъ критикъ высказываетъ свой взглядъ на поэтическую правду. „Поэтамъ, говоритъ онъ, позволено изображать кажущееся истиною. Логика дѣла свои выводять основательными заключеніями, физики—опытами, математики—выкладками; но сколько философовъ, составившихъ системы поэтическія!.. Между поэта и физика такое различіе, какое между митологика и историка,¹⁰⁰⁾ т. е., говоря другими словами, Сумароковъ допускалъ въ поэзіи вымыселъ или творчество.

Уже изъ этихъ немногихъ мѣстъ можно видѣть, что критикъ нашъ смотрѣлъ на поэзію, какъ на словесное творчество, исполненное граціи, простоты и естественности. Этого же взгляда держался Сумароковъ и относительно разныхъ родовъ и видовъ поэзіи.

Относительно романовъ онъ говоритъ: „романы, писанные невѣжами, читателей научаютъ притворному и безобразному складу и отводятъ отъ естественнаго (склада), который одинъ только важенъ и пріятенъ“¹⁰¹⁾.

Идиллическимъ писателямъ преподается въ Эпистолѣ о стихотворствѣ такой совѣтъ:

„Оставь свой пышный гласъ въ идилліяхъ своихъ
И въ паствахъ не глуши трубой свирѣлокъ ихъ:

⁹⁹⁾ Соч. Сумарокова, ч. IX, стр. 277: «О стихотворствѣ камчадаловъ».

¹⁰⁰⁾ Соч. Сумарокова, ч. IX, стр. 323.

¹⁰¹⁾ «О чтеніи романовъ». Соч. Сумар. ч. VI, стр. 371.

- „Панъ скроется въ лѣсахъ отъ звучной сей погоды,
 „И нимфы у потокъ уйдуть отъ страха въ воды.
 „Любовну-ль пишешь рѣчь или пастушій споръ,
 „Чтобъ не былъ ни учтивъ, ни грубъ ихъ раз-
 „ говоръ,
 „Чтобъ не былъ твой пастухъ крестьянину примѣромъ,
 „И не былъ-бы опять придворнымъ кавалеромъ.
 „Вспѣвай въ идилліи мнѣ ясны небеса,
 „Зеленые луга, кустарники, лѣса,
 „Біющіе ключи, источники и рощи,
 „Весну, пріятный день и тихость темной ночи.
 „Дай чувствовати мнѣ пастушью простоту
 „И позабыть, стихи читая, суету.“¹⁰²⁾

Съ такою же точностію и послѣдовательностію съ основ-
 нымъ взглядомъ на поэзію характеризуетъ Сумароковъ и пѣ-
 сню съ элегіей:

- „Слогъ пѣсенъ долженъ быть пріятенъ, простъ и
 „ ясенъ;
 „Витійствъ не надобно: онъ самъ собой прекра-
 „ сенъ“¹⁰³⁾.
 „Противнѣ всего элегіи притворство,
 „И хладно въ ней всегда безъ страсти стихотвор-
 „ ство“¹⁰⁴⁾.

Но съ особенною рельефностію проявился основной
 взглядъ Сумарокова на поэзію въ сужденіяхъ его объ одѣ.
 При разборѣ статьи его: „Нѣкоторыя строфы двухъ
 авторовъ“ мы указали уже, какъ справедливо пори-
 цаетъ Сумароковъ „пухлыя“ и не естественныя оды. Тоже
 самое высказываетъ онъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ
 статьѣ: „Къ несмысленнымъ римотворцамъ“¹⁰⁵⁾ онъ вос-
 клицаетъ: „что похвальнѣе естественныя просто-

¹⁰²⁾ Соч. Сумарокова ч. I, стр. 338. Ibid. стр. 366.

¹⁰³⁾ Ibid. стр. 346.

¹⁰⁴⁾ Ibid. стр. 366. Эти стихи составляютъ, между про-
 чимъ, эпиграфъ къ элегіямъ Сумарокова: ч. VШ, стр. 346.

¹⁰⁵⁾ Соч. Сумарокова ч. IX, стр. 308.

ты, искусствомъ очищенныя, и что глупѣе сихъ людей, которые внѣ естества хитрости ищутъ! Но когда такихъ людей много,—слагайте несмысленныя, виршесплетатели, оды; лишь только темнѣе пишете.“ Или въ другомъ мѣстѣ: „Слово: громкая ода къ чести автора служить не можетъ; да сіе же изъясненіе значить галиматію, а не великолѣпіе... Г. Ломоносовъ со мною нѣсколько лѣтъ имѣлъ короткое знакомство и ежедневное обхожденіе, и нерѣдко слыхалъ я отъ него, что онъ самъ часто гнушался, что нѣкоторые его громкимъ называли. Его достоинство въ одахъ не громкость“¹⁰⁶). Понятнымъ становится поэтому, почему нашъ критикъ подвергаетъ осмѣянію громогласную оду въ причтѣ своей: Обезьяна-стихотворецъ:

„Нѣтъ мыслей—за слова приняться надлежитъ.

„Вселенная дрожить,

„Во громы громы бьютъ, стремятся тучи въ тучи,

„Гиганты холмиковъ на небо мечутъ кучи.

„Горамъ даетъ она толчки.

„Зевесъ надѣлъ очки

И ноздри раздуваетъ,

„Зря пухлаго пѣвца,

„И хочеть истребить нещадно до конца

„Пустыхъ рѣчей творца,

„Который дерзостно героевъ воспѣваетъ“¹⁰⁷).

Что касается драматической поэзіи, то Сумароковъ смотритъ на нее глазами французскихъ классиковъ: онъ требуетъ соблюденія единства мѣста и времени¹⁰⁸), полного очарованія во время представленія¹⁰⁹), торжества добродѣтели надъ порокомъ¹¹⁰) и отсутствія смѣшенія комическаго

¹⁰⁶) Ibid. стр. 247.

¹⁰⁷) Ibid. стр. 182.

¹⁰⁸) Соч. Сумарокова ч. I, стр. 341: Эпистола о стихотворствѣ.

¹⁰⁹) Ibid. стр.

¹¹⁰) Ibid. стр. 340.

съ драматическимъ ¹¹¹⁾. Тѣмъ не менѣе и въ сужденіяхъ о драмѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выказался здравый смыслъ и пониманіе нашего критика. Такъ напр. онъ порицаетъ прологи, въ которыхъ мало дѣйствія и преобладаетъ эпическій элементъ ¹¹²⁾, требуетъ полного соотвѣтствія музыки и пѣнія представляемому дѣйствию, называя пѣніе душою, а дѣйствіе—тѣломъ въ драматическихъ представленіяхъ ¹¹³⁾, и вообще—считаетъ драму высшимъ и труднѣйшимъ родомъ поэзіи.

Такимъ образомъ, изъ предложеннаго разсмотрѣнія статей и замѣтокъ Сумарокова мы приходимъ къ слѣдующему заключенію:

1. Статьи его частію посвящены исключительно литературской критикѣ, частію же касаются теоретическихъ взглядовъ на русскій языкъ и поэзію, служа въ то же время прямымъ дополненіемъ и разъясненіемъ къ статьямъ критическимъ.

2. Большая часть собственно-критическихъ статей Сумарокова касается лишь стила. Статьи эти, сами по себѣ, безцвѣтны, однообразны, шаблонны и безъ системы, но онѣ имѣютъ важное историко-литературное значеніе, будучи вызваны духомъ времени и, такъ сказать, насущною потребностью современной литературы: порча русскаго языка и не-

¹¹¹⁾ Ibid., ч. VII, стр. 364. Ср. предисловіе къ «Димитрію Самозванцу» и письмо Вольтера къ Сумарокову, о чемъ сказано выше.

¹¹²⁾ Соч. Сумарокова, ч. IV, стр. 330: «Миѣнія во сновидѣніи о французскихъ трагедіяхъ».

¹¹³⁾ Соч. Сумарокова, ч. IX, стр. 155:

Я въ драмѣ пѣнія не отдѣляю

Отъ дѣйства никогда....

Музыка голоса коль очень хороша,

Такъ то—прекрасная душа,

А дѣйство—тѣло.

брежное отношеніе къ нему современныхъ писателей какъ разъ требовали такого критика-стилиста, какимъ является Сумароковъ.

3. Поэтому, узкія задачи нашего критика-стилиста не должны отнимать отъ него своего историко-литературнаго значенія. Не нужно забывать при этомъ, что съ одной стороны Сумароковъ своею дѣятельностію предупредилъ даже Россійскую Академію, въ уставѣ которой начертано было требованіе—очищать русскій языкъ и устанавливать употребленіе словъ и свойственное русскому языку витійство и стихотворство, а съ другой, по справедливому замѣчанію Вѣлинскаго, Сумароковъ ни чѣмъ не хуже былъ многихъ знаменитыхъ критиковъ въ Европѣ того времени ¹¹⁴).

4. Чего Сумароковъ не имѣлъ возможности и подходящаго случая вмѣстить въ свои собственно-критическія статьи, то обстоятельно и съ большою подробностію развилъ онъ въ отдѣльныхъ статьяхъ, посвященныхъ русскому языку и стихосложенію, такъ что дополнительными этими статьями еще болѣе выясняется историко-литературное значеніе нашего критика-стилиста.

5. Но рядомъ съ общими и частными стилистическими замѣчаніями встрѣчаются иногда у Сумарокова и теоретическіе взгляды на поэзію; таковы взгляды его на слезную комедію, на эпическій характеръ прологовъ и на необходимость увеличенія числа дѣйствующихъ лицъ въ драматическихъ произведеніяхъ, на хоры въ греческихъ трагедіяхъ, на лирической безпорядокъ въ одахъ и т. п., только взгляды эти не приведены у него въ систему и лишь изрѣдка примѣняются къ разбираемымъ сочиненіямъ.

И. Бѣлоруссовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹¹⁴) Соч. Вѣлинскаго, т. VI, стр. 247. А

ВЪ ЧЕМЪ НУЖДАЕТСЯ НАШЕ УЧЕБНОЕ ДѢЛО ПО ПРЕПОДАВАНИЮ РУССКАГО ЯЗЫКА?

Современное положеніе нашего учебнаго дѣла по предмету русскаго языка, относительно постановки его, нельзя назвать удовлетворительнымъ, оно давно нуждается въ иной, лучшей постановкѣ, болѣе цѣлесообразной съ природой учащихся.

Въ послѣднее время Редакціей обращено было особенное вниманіе на то, что у насъ, при изобиліи учебниковъ или, вѣрнѣе сказать, при излишествѣ, недостаетъ такого практическаго руководства, которое 1) болѣе удовлетворяло бы педагогическимъ и филологическимъ требованіямъ науки о языкѣ, 2) которое не обременяло бы учащихся, а заключало въ себѣ легкій, простой и общедоступный способъ передачи строя и формъ языка въ живыхъ разсказахъ и объясненіяхъ, велось бы въ видѣ собесѣдованія, 3) чтобы оно могло заинтересовать учащихся и возбуждало бы въ нихъ любовь къ родному языку и 4) заключало бы въ себѣ всѣ условія для развитія и воспитанія учащихся не только въ отношеніи умственномъ, но нравственно-религіозномъ и эстетическомъ, словомъ,—у насъ недостаетъ методики и дидактики, какъ идеала, къ которому нужно стремиться всѣмъ преподавателямъ. Въ настоящее же время едва-ли не преимущественный способъ при занятіяхъ преобладаетъ—это погоня за подлежащимъ и сказуемымъ и т. под. и схоластика съ зубристой, обременяющая и подавляющая память учащихся, а разсудокъ, сознаніе—едва-ли принимаютъ надлежащее участіе въ работахъ надъ изученіемъ языка.

Въ виду всего выказаннаго Редакція представляетъ выработанную «Методику» въ связи съ логикой, грамматикой и словесностію для всесторонняго развитія

и воспитанія учащихся, составленную А. Барсовымъ. На сколько она будетъ соотвѣтствовать предполагаемымъ цѣлямъ, судить не намъ, но, въ интересахъ учебнаго дѣла, нужно сказать, что подобнаго рода методическіе приемы практиковались предварительно самимъ составителемъ и другими двумя-тремя преподавателями,—и результаты оказались вполне удовлетворительными, а нѣкоторые изъ педагоговъ на объясненія составителя отзывались прямо, что такіе приемы преподаванія «вносятъ жизнь въ школу». Къ этой «Методикѣ» готовится Редакціей соотвѣтственная «Хрестоматія». Та и другая предназначаются для 1-го класса. Для слѣдующихъ классовъ также будутъ постепенно готовиться соотвѣтственныя руководства.

Мы отъ души желаемъ, чтобы преподаваніе роднаго нашего языка, какъ непосредственнаго двигателя нашего просвѣщенія, поднялось на подобающую ему высоту,—это давно желанная и завѣтная задача Редакціи,—и мы первые порадовались бы этому направленію и успѣхамъ учащихся.

Въ дальнѣйшей разработкѣ и приготовленіи этого пособія для слѣдующихъ классовъ, согласно требованіямъ программы, будутъ представляться для развитія разные вопросы языковѣдѣнія и литературы на столько, на сколько это нужно для того или другого класса.

Какъ бы то ни было, но пора обновить дѣло преподаванія роднаго языка и избавить учащихся отъ зубрилки и облегчить умственный трудъ.

Для болѣе успѣшнаго веденія учебнаго дѣла необходимо прежде всего заинтересовать учащихся даннымъ предметомъ, возбудить въ нихъ охоту и любовь къ изученію языка, но какъ достигнуть этого? Каждый преподаватель рус. языка предварительно долженъ выяснитъ учащимся пользу изученія своего роднаго языка, указать на значеніе его для науки и жизни, на его свойства и особенности, раскрыть картину, какія содержатся

богатства и красоты—въ литературномъ языкѣ и въ разговорномъ,—въ пословицахъ и поговоркахъ указать на мѣткія и многозначительныя слова и выраженія, на русскій самородный умъ, отражающійся въ нихъ, и вообще указать на психическія проявленія чувствъ, скрывающіяся въ литературныхъ произведеніяхъ или ясно выражающіяся—то радостнымъ, то грустнымъ и заунывнымъ тономъ (напр. въ пѣсняхъ, причитаніяхъ, плачахъ); всѣ подобныя выраженія богатства красоты языка можно раскрыть на литературныхъ образцахъ. Для этого слѣдуетъ прочесть нѣсколько небольшихъ отрывковъ изъ нихъ болѣе увлекательныхъ, высокопоэтическихъ, трогательныхъ или веселыхъ и пр. и пр.,—что безъ сомнѣнія благотворно воздѣйствуетъ на чувства учащихся. Нужно коснуться, хотя въ краткихъ чертахъ, и того,—какое важное и могущественное орудіе имѣемъ мы въ языкѣ,—въ устномъ и письменномъ, въ этомъ живомъ нашемъ словѣ, въ которомъ выражается и отражается, какъ въ зеркалѣ, вся жизнь и дѣятельность человѣка, и его душа, словомъ весь міръ; посредствомъ языка мы сближаемся со всѣми окружающими насъ живыми разумными существами и отдаленными отъ насъ народами, современными и древними, обмѣниваемся мыслями, желаніями, узнаемъ, гдѣ, когда и какія сдѣланы открытія въ области наукъ и искусствъ, узнаемъ движенія планетъ и проч. и проч. словомъ, посредствомъ языка, устного и письменнаго, мы получаемъ разныя впечатлѣнія—пріятныя и непріятныя, радостныя и грустныя все это можно найти въ литературной сокровищницѣ нашей, поучающей насъ, утѣшающей и оживляющей, особенно въ духовной литературѣ, этой великой воспитательницѣ нашей въ жизни. Какъ же послѣ этого не полюбить свой родной языкъ, какъ можно игнорировать его, какъ не изучать его во всѣхъ отношеніяхъ, какъ не интересоваться имъ? Подобнаго рода предварительныхъ объясненій у насъ въ школахъ, навѣрное можно сказать, никогда не дѣлалось преподавателями и не дѣлается, а слѣдовало бы дѣлать не только предваритель-

но съ перваго урока, но полезно напоминать и въ продолженіе учебнаго года раза два. Это будетъ большая подмога и подспорье учебному дѣлу *). Только тогда, когда учащіеся будутъ вполнѣ заинтересованы многозначеніемъ и важностію изученія языка,—и успѣхи пойдутъ быстрыми шагами.

Мы только что хотѣли отпечатать представляемый набросокъ, какъ получили Ноябрьскую книжку журнала „Пантеонъ Литературы“, въ которой первой статьёй является трудъ нашего знаменитаго учителя-языковѣда Ѳедора Ивановича Буслаева, подъ заглавіемъ „Общій планъ и программы обученія языкамъ и литературѣ въ женскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ“ **). Редакція Ф. З. сожалѣетъ, что ей не пришлось раньше сообщить объ этомъ почтенномъ трудѣ, который присланъ былъ намъ назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ, но за множествомъ непрерывныхъ и спѣшныхъ работъ, особенно по вопросу о методикѣ русскаго языка, къ печатанію которой было уже приступлено, все это вмѣстѣ взятое отвлекло насъ отъ помѣщенія вышеозначеннаго труда Ѳ. И. Буслаева, такъ что, къ сожалѣнію, не удалось даже подробно ознакомиться съ этимъ планомъ, такимъ образомъ волей-неволей пришлось отложить на нѣкоторое время. За то теперь, просмотрѣвши напечатанное въ „Пантеонѣ Литературы“ можемъ сказать,—сѣтованіе наше выкупается особеннымъ удовольствіемъ и радостію, именно тѣмъ, что напечатанная нами „Ме-

*) Пользу изученія отечественнаго языка и его значеніе едвали у насъ многіе понимаютъ безъ объясненій и въ высшихъ классахъ.

**) Планъ этотъ и программы составлены были Ѳ. И. Буслаевымъ въ 1886 году по просьбѣ Московскаго дворянства для предпологавшагося тогда Института благородныхъ дѣвиць. Трудъ этотъ отпечатанъ былъ въ незначительномъ количествѣ экз. и въ продажу не постуналъ.

тодика“ въ главныхъ принципахъ совершенно совпадаетъ съ мнѣніемъ и приемами, изложенными О. И. Буслаевымъ въ его „Планъ и программы“.

Приводимъ нѣсколько пунктовъ изъ только что появившихся программъ для сличенія съ тѣмъ, что имѣется и что высказано въ вышедшей уже „Методикѣ“.

Такъ на 6 стр. говорится:

„Нѣтъ ничего вреднѣе въ педагогическомъ отношеніи, какъ чрезмѣрное преобладаніе утомительнаго для ума и памяти безплоднаго заучиванья наизусть грамматическихъ правилъ, отрѣшенныхъ отъ живой, осмысленной рѣчи какъ въ младшихъ классахъ, такъ и особенно въ старшихъ, гдѣ время должно быть сберегаемо для предметовъ, болѣе обязательныхъ по ихъ образовательному дѣйствію въ умственномъ и нравственномъ отношеніи“.—Эта задача „Методики“ самая главная: именно задача эта состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ живыхъ разсказовъ и объясненій, въ видѣ собесѣдованій съ дѣтьми,—во 1-хъ, заинтересовать молодыхъ слушателей и тѣмъ избавить ихъ отъ зубрилки; и во 2-хъ, дать болѣе широкое направленіе и образованіе не только умственное, но и нравственное воспитаніе. Современная школа болѣе учитъ, чѣмъ воспитываетъ, а нужно уравновѣсить и то и другое.

„Конечно, грамматика изучается во всѣхъ классахъ, но болѣе практически, нежели теоретически, а учебникъ служить справочною книгою, а особенно въ старшихъ классахъ, въ которыхъ (учащіяся) должны уже умѣть находить въ ней, что имъ нужно для справокъ. Такая сноровка, воспитанная практикою, несравненно полезнѣе и дороже безсмысленнаго долбленія параграфовъ. Она пригодится потомъ и въ жизни“.—Это преслѣдуется и въ Методикѣ, что высказывается и въ нашей статьѣ.

На стр. 10-й говорится: „Надобно стараться въ видахъ педагогическихъ, чтобы книга, т. е. учебникъ, какъ можно менѣе заслоняла собою жизнь.“

На стран. 11 говорится: „Теоретическое руководство служить только пособіемъ, и именно преимущественно грам-

Воронежская областная
научная библиот. ка
имени И. С. Никитина

—0518685—

матика, такъ какъ при опытномъ и дѣльномъ преподавателѣ не окажется для учащихся нужды въ теоріи словесности, а исторія литературы проходитъ на изученіи самихъ писателей".—И въ Методикѣ учащіеся будутъ знакомиться съ языкомъ на литературныхъ образцахъ, что принято за необходимое требованіе.

Далѣе на 12 стран. читаемъ:

„По самому свойству родного языка учитель русск. грамматики и словесности беретъ на себя обязанность въ обученіи всей грамматической, стилистической и литературной терминологіи... знакомство съ періодами, съ тропами и фигурами, насколько это нужно для яснѣйшаго уразумѣнія читаемыхъ и изучаемыхъ произведеній словесности и для письменныхъ работъ".—Все это входитъ и въ изданную „Методику“.

На стр. 21 говорится: „Что же касается до теоретическаго обученія синтаксису, то оно должно быть начато краткими свѣдѣніями изъ формальной логики о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ".—Составитель „Методики“ не внесъ этихъ свѣдѣній въ вышедшій 1-й курсъ, да и не было надобности для этого курса, но имѣетъ въ виду внести для слѣдующихъ классовъ, съ этою цѣлю въ V вып. Фил. Зап. напечатана уже особая статья подъ заглавіемъ: „Приложеніе свѣдѣній изъ логики къ чтенію и писанію сочиненій“.

Кажется, довольно и этихъ выписокъ для иллюстраціи преподаванія родного языка по предлагаемой (вышедшей уже) „Методикѣ“. Не подтверждается ли выписками этихъ сопоставленій педагогическое значеніе „Методики“, какъ руководства для средне-учебныхъ заведеній? Въ интересахъ же самаго дѣла намъ остается пожелать, чтобы эта метода поскорѣе привилась къ нашимъ средне-учебнымъ заведеніямъ, какъ метода, по увѣренію практиковавшихъ ее, легкая, гармонически развивающая всѣ силы умственные и духовныя. Надѣмся, что она обратитъ на себя вниманіе педагоговъ.

А. Хованскій.

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ „МЕТОДИКИ“ А. БАРСОВА ДЛЯ ПРЕПОДАВАНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Такъ какъ страницы «Фил. Зап.» любезно открыты для передачи мнѣній, соображеній и замѣтокъ по установкѣ преподаванія русскаго языка, то считаю долгомъ своимъ подѣлиться и своими соображеніями, основанными на многолѣтнихъ занятіяхъ съ дѣтьми въ области русскаго языка.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ поручено мнѣ было подготовить десятилѣтняго мальчика въ классическую гимназію. Такъ какъ имѣлось въ виду преслѣдованіе разъ намѣченной цѣли—поступленія во второй классъ гимназіи, то и пришлось главнымъ образомъ обратить вниманіе на выработку орфографіи. Путемъ объяснительныхъ и повѣрочныхъ диктантовъ съ краткимъ синтаксическимъ разборомъ и особенно подробнымъ и постояннымъ грамматическимъ разборомъ, при помощи близкаго знакомства съ корнесловіемъ, мнѣ удалось достигнуть этой цѣли: ученикъ мой къ концу года писалъ уже почти безошибочно. Грамматическія формы языка русскаго были уже настолько усвоены, что казалось своевременнымъ начать изученіе языка латинскаго. Основательность этого послѣдняго предположенія усиливалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что мальчикъ былъ довольно серьезный, любознательный, трудолюбивый и въ высшей степени добровѣстный по отношенію къ своему дѣлу. Но не смотря на всѣ шансы на успѣхъ, дѣло изученія латинскаго языка стало на первыхъ же порахъ. Изученіе словъ при массѣ потраченныхъ труда и времени, становилось просто невозможнымъ; переводы самыя простыя приводили въ отчаяніе. Не считая себя въ правѣ предрѣшить вопросъ о неспособности моего ученика къ изученію латинскаго языка и не рѣшившись въ виду индивидуальныхъ особенностей его, поступить по пословицѣ: «капля точитъ камень не силою, а постоянствомъ», я счелъ за лучшее оставить на время изученіе латинскаго языка. Мнѣ показалось въ то время,

что неудача наша была слѣдствіемъ увлеченія грамматическими формами языка русскаго. Предположенія эти скоро оправдались. Занявшись въ теченіе цѣлаго полугодія изученіемъ языка русскаго въ томъ именно направленіи, какое придаетъ г. Барсовъ въ своей методикѣ, я рѣшился вновь начать заниматься языкомъ латинскимъ. Съ самаго же начала дѣло приняло совершенно иной оборотъ—латинскій языкъ, если можно такъ выразиться, полетѣлъ быстрымъ потокомъ, разливаясь въ ширь и въ глубь. Осмысленный и продуманный переводъ фразъ облегчилъ изученіе словъ. Ясное пониманіе словъ и ихъ отношеній между собою рѣзко отчеркивало особенности латинскаго языка, дѣлая изученіе его интереснымъ. Къ концу года намъ удалось пройти весь курсъ 1-го класса и сверхъ того прочесть около двадцати басенъ съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. Экзаменъ сданъ былъ вполне удовлетворительно; мальчикъ поступилъ во второй классъ, шель все время въ числѣ лучшихъ учениковъ и наконецъ, болѣе чѣмъ благополучно окончивъ курсъ ученія, поступилъ въ университетъ. Примѣровъ подобныхъ вышеприведенному въ моей практикѣ было еще нѣсколько, но дѣло нѣсколько тормозилось вслѣдствіе того, что многое приходилось дѣлать ощупью, такъ какъ подъ руками не было такой методики, которая бы помогала, какъ вѣрнѣе и цѣлесообразнѣе взяться за дѣло. Въ настоящее время методика г. Барсова дополняетъ этотъ пробѣлъ и, пользуясь ею, кажется, можно русскому языку возратить то почетное мѣсто среди другихъ предметовъ, которое онъ долженъ занимать по своему значенію и по праву, какъ языкъ родной, выразитель нашихъ мыслей, языкъ стройный, могучій и гармоничный.

Методика г. Барсова по своей разносторонности и жизненности настолько нова въ примѣненіи, что родители или вообще интересующіеся дѣломъ преподаванія, (присутствуя на частныхъ домашнихъ урокахъ) удивлялись, что они въ свое время не слыхивали подобныхъ

объясненій словъ и ихъ значеній и сочетаній въ языкѣ. Въ одномъ только высказывали сомнѣнїе, именно— въ удобопереваримости дѣтми свѣдѣній, относящихся, по ихъ мнѣнїю, къ теорїи словесности, которая и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ имъ самимъ настолько трудно давалась, что отъ нея въ большинствѣ случаевъ и у нихъ осталось лишь смутное воспоминанїе. Недоумѣнїе это впрочемъ скоро проходило и замѣнялось полнѣйшимъ сознаниемъ того, что все сообщенное переваривается одиннадцатилѣтними слушателями очень легко и усваивается на столько, что дѣлается вполне ихъ достоянїемъ. Учащіеся сами нерѣдко сознавались, какъ они не понимали того, что такъ легко раскрывается въ разсказѣ при правильномъ разъясненїи словъ посредствомъ синонимовъ и уясненїи выраженій посредствомъ раскрытїя метафоръ, олицетвореній и сравненій. Пониманїе размѣра и рїемъ въ стихахъ доставляетъ не малое удовольствїе и удивленїе.

Не подтверждать ли гг. преподаватели древнихъ языковъ того, что неуспѣшность въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій главнымъ образомъ зависитъ отъ весьма малаго развитїя учащихся, неспособныхъ подчасъ осмыслить надиктованнаго русскаго текста?

Не подтверждать ли гг. преподаватели отечественнаго языка того, что пассивное воспрїятїе слишкомъ преобладаетъ въ учащихся, а самостоятельное, сознательное воспроизведенїе совершенно отсутствуетъ?

Думается намъ, что методика г. Барсова, вырабатывая въ ученикѣ навыкъ сознательно относиться къ каждому слову путемъ подыскиванїя синонимовъ, приучая комментировать каждое выраженїе,—должна дать умѣнье обращаться также и съ текстомъ классиковъ. На урокѣ русскаго языка учащїйся научится, какъ относиться къ изученїю языка иностраннаго. Обладая простотою, глубиною, а главное жизненностью, методика г. Барсова разбудитъ наконецъ дѣтей нашихъ усыпляющихся на урокахъ роднаго языка; пробудитъ въ нихъ

интересъ знакомства съ языкомъ роднымъ и заставитъ ихъ отказаться отъ безсмысленнаго и притупляющаго репетиторства. Когда матеріалъ, задаваемый для разработки на домъ будетъ осмысленъ въ классѣ, тогда ни одинъ ученикъ, изъ чувства наслажденія своимъ трудомъ, не позволитъ никому выполнить за себя посильную и очевидно для него плодотворную работу.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ присоединиться ко всѣмъ пожеланіямъ, высказаннымъ г. Николаевскимъ въ замѣткѣ о преподаваніи русскаго языка, помѣщенной во II выпускѣ «Фил. Зап.» за 1889 г. Съ своей стороны прибавимъ еще пожеланіе автору не пожалѣть своего плодотворнаго труда для составленія 2-го и 3-го выпусковъ методики и хрестоматіи.

.....НЪ.

О МЪРАХЪ КЪ УСПѢШНОМУ ПРЕПОДАВАНІЮ ДРЕВНИХЪ ЯЗЫКОВЪ ВЪ НАШИХЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

У.

II. Гомерическія уподобленія и сравненія.

Эпитетъ, являющійся, обыкновенно, въ формѣ грамматическаго опредѣленія, выраженнаго однимъ словомъ (им. прилагательнымъ или существительнымъ), можетъ развиваться—а) въ цѣлое предложеніе (полное или сокращенное); б) въ цѣлый періодъ. Случай а) пораждаетъ простое уподобленіе; изъ случая б) получается сравненіе. Уподобленіе есть только намѣкъ, выраженный въ общихъ чертахъ, безъ всякаго развитія; сравненіе есть развитое въ небольшую словесную картину уподобленіе.

Объяснимъ это на примѣрахъ. Для этого мы избираемъ 5-ю рапсодію Илиады, гдѣ изображается грозный на полѣ брани Діомедъ, сынъ Тидея, этотъ могучій герой, который не только между людьми не находилъ себѣ равнаго по силѣ и мужеству, но ранилъ даже и нѣжную красавицу-богиню Киприду, устроительницу браковъ, и грозно-жестокаго Арея, бога брани. Въ многочисленныхъ сравненіяхъ и уподобленіяхъ разсѣянныхъ по этой рапсодіи, мы увидимъ выясненными разными положенія лицъ, здѣсь дѣйствующихъ, и черты ихъ характеровъ.

I. ДІОМЕДЪ.

а) Сила и блескъ Діомеда.

Діомедъ пользовался особеннымъ покровительствомъ богини Аѣины. Богиня непременно хотѣла, чтобы ея любимецъ сдѣлался выдающимъ героемъ изъ всѣхъ ахейцевъ (ἔχθρηλος μετὰ πάντων). Съ этой цѣлью, она вложила въ его душу много силы и отваги (δῶκε μένος καὶ θάρσος). Снаружи она также отличила его ото всѣхъ. Голову (шлемъ) и плечи его (щитъ), она окружила особеннымъ блескомъ, который никогда не уменьшался (ἀκάματον πῶρ). Блескъ этотъ былъ похожъ на

блескъ осенней звѣзды, когда она искупавшись въ волнахъ океана, въ яркомъ блескѣ и сіяніи появляется на небѣ (*μάλιστα λαμπρόν ταμφαίνουσι*), ст. 1—6.

b) Быстрота дѣйствій Діомеда и его всеокрушающая сила.

Діомедъ скоро далъ почувствовать свою всеокрушающую силу на всемъ бранномъ полѣ, силу, которою его надѣлила богиня. Уже въ началѣ почти рапсодіи поэтъ о немъ замѣчаетъ:

«Что касается Тидида, то ты (за нимъ наблюдая), не узналъ бы (пожалуй), съ кѣмъ онъ дѣйствовалъ теперь за одно (*μετείη*), былъ ли онъ на сторонѣ троянъ или ахейцевъ (*ὀμιλέσι*). Свирѣпо носился онъ по бранному полю, подобно рѣкѣ многоводной, что сильно разлилась въ половодье отъ таянья снѣговъ (*χευμάρρω*). Бурный ея разливъ уже разметалъ мосты. А когда она, раздувшись еще отъ дождя Зевесова, внезапно ринется на поле, то ни крѣпкіе мосты ее не удержатъ, ни ограды цвѣтущихъ полей: уничтожить она всѣ прекрасные труды юношей».

«Такъ гналъ передъ собою Тидидъ густыя фаланги троянъ, хоть и много ихъ было». Ст. 85—94.

c) Новое воодушевленіе Діомеда.

Но вотъ и отважный герой Діомедъ раненъ рукой героя Пандара. Взмолился онъ вновь Аѳинѣ, —своей покровительницѣ, о помощи (ст. 95—120); услышала его богиня, и явилась помочь ему.

Излечивъ Діомеда отъ раны, Аѳина снова прибавила ему силы.

«И прежде горѣлъ онъ неудержимымъ желаніемъ сразиться съ троянцами, говоритъ поэтъ, а теперь набрался онъ такой силы втрое».

«Подобно тому, какъ пастухъ легко поравить, но совсѣмъ не убьетъ (*υραύστη μὲν, οὐδέδαμάσθη*) льва, перепрыгивавшаго на полѣ черезъ ограду (въ хлѣвѣ) къ овцамъ руконоснымъ, а этимъ еще больше возбудитъ въ немъ ярость, такъ что, испугавшись, и самъ уже овецъ не защищаетъ, а прячется гдѣ-нибудь въ клѣтѣ (*κατὰ σταδμῶς δόεται*), и овцы, имъ покинутыя, трепещутъ, тѣсно жмутся другъ къ другу, а левъ (между тѣмъ) быстро назадъ перепрыгиваетъ чрезъ ограду широкаго двора.—Съ такимъ озлобленіемъ напалъ теперь могучій Діомедъ на тройнь». (Ст. 137—143).

д) Безпощадность Діомеда.

Увидѣлъ Діомедъ на полѣ брани двухъ сыновей Пріамовыхъ Ехемона и Хромія, безъ жалости и состраданія къ нимъ онъ отнесся.

«Какъ левъ, напавши на быковъ, въ чащѣ лѣсной (мирно) пасущихся, безжалостно перегрызаетъ шею быка или телка, такъ Діомедъ беспощадно ссадилъ своимъ копьемъ съ колесницы обоихъ сыновей Пріама, и снялъ съ нихъ доспѣхи, коней же поручилъ друзьямъ своимъ гнать къ кораблямъ». Ст. 160—165.

е) Неотвязчивость Діомеда.

Діомедъ замѣтилъ на бранномъ полѣ героя Энея, Анхизова сына. Считалъ онъ за особенную славу убить столь извѣстнаго героя, какъ Эней, и завладѣть его доспѣхами. И вотъ онъ нападаетъ на него разъ, другой, третій. Ничего не можетъ сдѣлать. Эней находился подъ особеннымъ покровительствомъ бога Аполлона, который отражалъ всѣ удары отъ Энея. Но Діомедъ былъ очень настойчивъ. Въ четвертый разъ онъ на-

падаетъ на Энея, какъ демонъ (*δαίμων ἴσος*). Ст. 432—438. Тутъ уже не вытерпѣлъ Аполлонъ, не отступно находившійся при Энеѣ, и грозно приказалъ Діомеду отступить. (Ст. 439 и дал.)

f) Отступление Діомеда.

Діомедъ устранился словъ Аполлона и отступилъ. Въ другой разъ Діомедъ тоже отступилъ, когда увидѣлъ, что Гектору помогаетъ бурный Арей, богъ войны.

«Подобно тому, какъ человѣкъ, когда идетъ по широкому полю и видитъ быстро текущую въ море рѣку, останавливается, и видя какъ она бурлитъ и пѣнится, и не находя въ себѣ силъ съ ней бороться (*ἀπάλαμνος*), отступаетъ; такъ, увидавши Ароя, началъ отступать Тидидъ (ст. 597—600).

g) Войско, окружавшее Діомеда.

«Вокругъ могучаго Діомеда-конеукротителя стояло много отборнаго войска, подобнаго лвамъ плотояднымъ или кабанамъ неукротимымъ (*τῶν τε σθένος ἀλαπαδόνον*),— ст. 780—783.

Каковъ былъ предводитель, таково было и войско!

h) Впечатлѣніе, которое Діомедъ производилъ вообще на троянъ.

Діомедъ умѣлъ вселить къ себѣ въ троянахъ великій страхъ. Даже такой—герой, какъ Гекторъ, опора Трои, и тотъ за свою бездѣтельность на полѣ брани заслужилъ упрекъ отъ Сарпедона (который, какъ союзникъ, пришелъ съ войскомъ сражаться за Трою изъ далекой Ликии).

«Ты когда-то хвастался, говоритъ Сарпедонъ Гектору, что ты одинъ, безъ союзниковъ, только при содѣйствіи твоихъ зятьевъ да братьевъ, можешь отстоять

Трою! Гдѣ жъ твоя храбрость? Гдѣ теперь твои родственники? «Всѣ они со страху попрятались, какъ псы передъ львомъ» (т. е. передъ Діомедомъ, χαταπτώσσοισι κύνες, ὡς ἀμφὶ λέοντα, ст. 476).

II. ЭНЕЙ (АНХИЗИДЪ).

а) Его заступничество за трупъ Пандара.

Діомедъ былъ раненъ Пандаромъ ликійскимъ (см. выше I, с.), но его исцѣлила Аѣина. Послѣ этого послѣдовала вторая встрѣча Діомеда съ Пандаромъ на полѣ битвы, но эта встрѣча была уже несчастна для Пандара. Аѣина, не оставлявшая Діомеда, направила копье Діомеда Пандару въ носъ, возлѣ глаза. Паль Пандаръ съ боевой колесницы. Былъ въ то время обычай, что побѣдитель снималъ съ убитаго доспѣхи, какъ законную добычу, и овладѣвалъ также его колесницей и конями. А кони у Пандара были лихіе. «Если мы завладѣемъ этими конями, говорилъ еще прежде Діомедъ Сѣенелу, своему спутнику, то приобрѣтемъ громкую славу (εἰ τοῦτο κέ λάβοιμεν ἀροίμεθα κέ κλέος εσθλόν, ст. 273).

Но Эней, сопровождавшій въ битвѣ Пандара, зналъ цѣну своимъ конямъ. Ему не хотѣлось еще больше отдать на поруганіе врагамъ—ахейцамъ трупъ своего друга Пандара. И вотъ онъ очутился теперь въ трудной роли: защитить отъ ограбленія трупъ друга и отстоять лихихъ коней. Рѣшимость и озлобленіе Энея были велики.

«Около мертваго ходя, замѣчаетъ поэтъ, какъ левъ, могуществомъ гордый, (λέων ὡς ἀλκί τε τοιδῶς; собств. какъ левъ, увѣренный въ своей силѣ, ст. 298), онъ передъ нимъ и копье уставлялъ и щитъ круговидный, каждаго кто бъ ни приблизился, душу исторгнуть грозящій крикомъ ужаснымъ», ст. 298—302).

б) Обморокъ раненаго Энея.

Какъ ни страшень былъ Эней, защищавшій собой трупъ Пандара, но это не остановило Діомеда. Схватиться въ рукопашную съ Энеемъ Діомедъ и не поду-

маль, а рѣшился дѣйствовать издали и прибѣгнулъ къ слѣдующему средству: онъ схватилъ огромный камень (такой, который съ трудомъ подняли бы съ мѣста двое мужчинъ) и, размахнувшись, пустилъ его въ Энея. Камень съ силой попалъ въ колѣно Энея и повалилъ его на землю. Ударъ былъ такъ силенъ, что «темная ночь закрыла его глаза» (ἀμφὶ δὲ ὄσσε κελαινὴ νύξ ἐχάλυψεν, ст. 310).

По русски: въ глазахъ у него потемнѣло; онъ упалъ въ обморокъ.

Отъ неминуемой смерти спасла Энея мать его Афродита и богъ—Аполлонъ.

с) Смерть двухъ храбрецовъ.

Когда Аполлонъ исцѣлилъ рану Энея и возстановилъ его силы, герой снова явился неукротимымъ воителемъ. Такъ онъ безжалостно сразилъ двухъ близнецовъ Орсилоха и Креоова, сыновей богача Диоклеса, ведущаго родъ свой отъ рѣки Алфея.

Эти два героя были искусны въ разнородныхъ битвахъ, но пришелъ и ихъ конецъ.

«Подобно тому, говоритъ поэтъ, какъ два льва, вскормленные матерью на вершинѣ горы, въ тущобахъ обширнаго лѣса, (тѣмъ и забавляются, что), нападая на человѣческія жилища, похищаютъ быковъ и жирныхъ овецъ до тѣхъ поръ, пока, попавшись въ руки храбрыхъ людей, сами не погибнутъ отъ острой мѣди, такъ и эти близнецы пали пораженные рукой Энея, словно высокія сосны». Ст. 554—560.

III. Г Е Р А.

а) Гера и ея кони.

Гера, съ разрѣшенія Зевеса, отправилась съ Олимпа на своей колесницѣ туда, гдѣ бились трояне и ахейцы. Она стояла за ахейцевъ. Ей очень непріятно было

видѣть, какъ свирѣпый богъ войны Арей, усердно помогая троянамъ, истреблялъ ахейцевъ. Она повѣхала укротить его. И что за чудные у ней были кони! Какъ быстро они мчались!

«Сколько обнимаетъ своимъ взоромъ воздушнаго пространства человекъ, сидящій на высокой скалѣ и смотрящій оттуда на темное море, такіе скачки дѣлали громко-голосые божьи кони», ст. 770—770.

б) Гера и Геба.

Гера не одна пріѣхала на поле битвы. Съ ней была еще Геба. Гера оставила коней и колесницу тамъ, гдѣ сливаются рѣки Скамандръ и Симоисъ, окруживъ это мѣсто темнымъ облакомъ. Сами же богини, горя нетерпѣливымъ желаньемъ помочь ахейцамъ, отправились пѣшкомъ на поле сраженія. Можно было бы полюбоваться ихъ походкой.

«Въ своихъ движеньяхъ онѣ похожи были на кроткихъ голубокъ» (*αἱ δὲ βᾶτην τρήρωσι πελειάσιν ἴθυμαθ' ὁμοίαι*), ст. 778.

в) Голосъ Геры.

Явившись на поле битвы, Гера хотѣла возбудить храбрость въ ахейскихъ дружинахъ. Она должна была сказать имъ ободрительную рѣчь. Чтобы слова ея были всѣмъ слышны, она приняла на себя видъ Стентора, славившагося очень громкимъ голосомъ (*γαλχεοφώνος*), а онъ говорилъ такъ громко, какъ если бы заравъ крикнули 50 человекъ (*ὅς τόσον αὐδήσασχ' ὅσον ἄλλοι πεντήχοντα*, ст. 786).

IV. А Р Е Й.

а) Его голосъ.

Кромѣ Геры, на полѣ битвы находилась также и Аѣна. Ей, какъ и Герѣ, хотѣлось непременно удалить съ поля Арей за то, что онъ прежде обѣщался

помогать ахейцамъ, а теперь измѣнилъ своему слову (ст. 832) и сталъ на сторону троянъ. Слѣдовало наказать Арея за такое вѣроломство. Съ этой цѣлью, Аена на, въ качествѣ возницы, стала на колесницу Діомеди, ободривъ его къ нападенію, помчалась на Арея. Чтобы быть не замѣтной, она окружила себя густымъ туманомъ (δῶν Ἄϊδος χυέην, = шлемомъ Аида покрылась). Смѣло, подъ такой защитой, Діомедъ всадилъ въ Арея свое копьѣ «и безсмертную плоть растерзалъ». Арей, хоть былъ и богъ, но не могъ не чувствовать сильной боли.

«Завопилъ мѣдный Арей такимъ голосомъ, какъ будто вскрикнули девять или десять тысячъ человѣкъ воиновъ, когда вступаютъ въ кровавую схватку (ст. 859—860).

b) Видъ раненаго Арея.

Страшно было смотрѣть на раненаго Арея.

«Сколь мрачнымъ кажется воздухъ отъ тучъ, когда, послѣ жаровъ, соберетъ ихъ на небѣ сильный вѣтеръ, такимъ показался Діомеду мѣдный Арей, когда онъ, окруженный облаками, подымался (раненый) на широкое небо» (ст. 864—867).

c) Лечение Арея.

Когда раненый Арей явился на Олимпъ предъ Зевесомъ, то получилъ прежде всего отъ отца строгій выговоръ за буйный, любящій ссоры и кровавыя распри, характеръ. Потомъ уже Зевесъ, не желая даже видѣть страданій сына своего, приказалъ врачевать его Пеону. Врачевство шло быстро:

«Какъ сокъ дикой смоквы, если его пустить въ жидкое молоко и скоро мѣшать, быстро сгущаетъ молоко, съ такой быстротой Пеонъ вылечилъ бурнаго Арея. Ст. 903—905.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Какъ на примѣрѣ простого уподобленія можно указать въ вышеизложенномъ слѣдующее:

I) а. Уподобленіе блеска, окружавшаго Діомеда, сіянію осенней звѣзды.

I) е. Діомедъ такъ неотвязчиво нападалъ, какъ демонъ.

I) г. Войско, окружавшее Діомеда, было похоже на львовъ или кабановъ.

I) h. Труссы попрятались со страху отъ Діомеда, какъ псы ото льва.

II) а. Эней защищаетъ трупъ Пандара, какъ самовѣренный левъ.

II) б. Когда Эней былъ раненъ, темная ночь закрыла его глаза. Битва происходила днемъ, о ночи не могло быть и рѣчи. Но здѣсь есть скрытое уподобленіе.

Глаза Энея покрылъ такой мракъ, какой бываетъ только въ темную ночь!

III) в. Гера и Геба идутъ развалистой походкой голулубокъ. Здѣсь тоже скрытое уподобленіе.

III) с. Голосъ Геры, какъ крикъ 50 человѣкъ.

VI) а. Голосъ Арея, какъ крикъ 10 тысячъ человѣкъ.

Всѣ прочія, приведенныя нами мѣста, суть не что иное, какъ развитыя уподобленія, иначе—сравненія.

Ученикамъ можно назначать для письменной работы слѣдующее:

а) Развить въ періодическую рѣчь указанныя уподобленія.

б) Пріискать на тѣ же темы другія уподобленія изъ современной, окружающей насъ, природы, или пріискать похожія уподобленія изъ русскихъ авторовъ.

в) Извлечь изъ приведеннаго матеріала все, что относится къ характеристикѣ тогдашняго быта, религіозныхъ понятій, и проч.

г) Воспользоваться приведеннымъ матеріаломъ для болѣе обширнаго и солиднаго труда, какъ напр. характеристики разныхъ лицъ и ихъ положеній.—Но при этомъ не нужно забывать, что нельзя выписывать изъ автора только голыя уподобленія или сравненія. Ихъ нужно, такъ сказать, окружить обстановкой, среди которой они возникли, (что мы

выше и сдѣлали). Тогда только уподобленіе и сравненіе будутъ понятны и пріятны. Каждое изъ такихъ, въ надлежащей обстановкѣ изложенныхъ уподобленій или сравненій, будетъ представлять собою не большое ученическое сочиненіе.

Когда довольно накопится матеріалу изъ эпитетовъ, сравненій и уподобленій, тогда уже можно приступить къ болѣе сложному труду, — къ характеристикѣ.

III. Характеристика.

Для составленія характеристики недостаточно только того матеріала, о которомъ до сихъ поръ шла рѣчь (эпитеты, уподобленія, сравненія). Нужно еще видѣть характеризуемое лицо въ его жизни, въ дѣйствіи, въ соотношеніи съ другими личностями, въ разныхъ положеніяхъ; слышать его рѣчи и вникнуть въ его разсужденія. Для этого Иліада и Одиссея представляютъ очень богатый матеріалъ въ лицѣ многочисленныхъ дѣйствующихъ лицъ, — своихъ героевъ.

Важнѣйшій изъ героевъ Иліады Ахиллесъ. Вся огромная Иліада представляетъ собой лишь одинъ случай изъ жизни этого лица, — его ссору съ Агамемнономъ и послѣдствія этой ссоры для греческаго войска подъ Троей.

Вотъ богатый матеріалъ для характеристики. Попробуемъ воспользоваться для нашей цѣли хоть частью этого обширнаго матеріала.

1. Ссора Ахиллеса съ Агамемнономъ.

Агамемнонъ, строитель рати ахейской, грубо обошелся «съ непорочнымъ» жрецомъ Апполоновымъ — Хризомъ. Хризь приходилъ въ греческій лагерь смиренно умолять ахейцевъ, особенно же Атридовъ «могучихъ», возвратить ему дочь, взятую въ плѣнъ, и предлагалъ за это «безчисленный выкупъ». Агамемнонъ, которому, по раздѣлу, досталась въ рабыни Хризеида, не только не уважилъ просьбы жреца и не принялъ его «безчи-

сленнаго» выкупа, но даже выгналъ его изъ греческаго лагеря съ угрозою.

За оскорбленіе Хриза сталъ мстить грекамъ богъ-Аполлонъ. Онъ наслалъ на греческій лагерь моровую язву, губившую во множествѣ и скоть, и людей.

По внушенію Геры, Ахиллесъ созываетъ народное собраніе, чтобы разъяснить причины гибели народа. Никто еще не зналъ, и не подозрѣвалъ даже, что виной всему поступокъ Агамемнона. Зналъ объ этомъ только одинъ «верховный птицегадатель» — Калхантъ. Поэтому, когда Калханту пришлось въ народномъ собраніи дѣлать разъясненія по данному случаю, онъ не прежде рѣшился сказать свое обличительное слово, какъ напередъ заручившись защитой Ахиллеса.

Ахиллесъ ни мало не задумался въ народномъ собраніи дать торжественную клятву защищать Калханта противъ кого бы то ни было, хоть бы даже противъ Агамемнона, лишь бы узнать правду. Въ этомъ быстромъ рѣшеніи высказались сразу уже двѣ черты Ахиллесаго характера: 1) высокое мнѣніе о своемъ положеніи среди собравшихся подъ Троею грековъ: никто не смѣетъ осмѣлиться тронуть того, кого привялъ подъ свою высокую защиту Ахиллесъ; самъ Агамемнонъ на это не отважится; 2) а еслибы онъ и другой кто изъ героевъ осмѣлился, то у Ахиллеса такъ много силы, что ея достанетъ обуздать всякаго, и даже Агамемнона «властью верховною горящагося среди рати ахейской.»

Столь рѣзко и рѣшительно высказанная самонадѣянность не могла не задѣть самолюбія Агамемнона. Впрочемъ, онъ это скрылъ пока и на заявленіе Калханта объявилъ въ народномъ собраніи, что волю боговъ исполнить непрекословно, — Хризеиду возвратитъ отцу ея; но Ахейцы должны вознаградить его за потерю этой добычи другою равной наградою.

Ахиллесъ разъяснилъ Агамемнону, почему такая замѣна теперь невозможна и при этомъ не пропустилъ случая сказать предводителю ахейцевъ рѣзкость, назвавши его самымъ корыстолюбивымъ челоуѣкомъ.

Агамемнонь, вторично задѣтый, конечно, не согласился на предложеніе Ахиллеса. Его самолюбіе теперь требовало поставить во что бы то ни стало на своемъ^{*)}. Теперь онъ уже рѣшительно объявилъ, что въ вознагражденіе себѣ за Хризеиду онъ не стѣснится отнять у любого изъ ахейскихъ героев добычу, равноцѣнную отнятой у него (ὅπως ἀντάξιον γέρας ἔσται). При этомъ онъ, не безъ намѣренія, поименовалъ героевъ самыхъ знатныхъ и могучихъ: Ахиллеса, Аякса, Одиссея, и прибавилъ: «не понравится, къ кому я приду.» Агамемнонь, очевидно, хотѣлъ показать передъ всѣмъ народомъ, что онъ не только не боится никого, даже такого свирѣпаго человѣка (ἐκπαγλώτατος πάντων), какъ Ахиллесъ, но и стоитъ выше всѣхъ и все, что ему вздумается, можетъ сдѣлать.

Всѣ молчали; никто изъ царей-героевъ не рѣшался возражать Агамемнону. Но Ахиллесу совсѣмъ была не по-сердцу такая надменность Агамемнона. Онъ не замедлилъ разъяснить предъ собраніемъ, какъ не справедливо въ этомъ случаѣ поступаетъ Агамемнонь. «Я и другіе цари-союзники, говорилъ онъ, не за себя же здѣсь пришли ратовать; мы ищемъ чести лишь тебѣ—Агамемнону, да Менелаю. Кромѣ того, когда дѣлать Ахейцы добычу, что получше (τὸ γέρας πολὺ μείζον), тебѣ же отдають, а я довольствуюсь тѣмъ, что дадутъ мнѣ, хоть я больше всѣхъ тружусь, и добычи достаю своими руками больше всѣхъ,—и то ты у меня грозисься отнять. Нѣтъ, не хочу я такого сраму переносить: лучше отправлюсь со своимъ войскомъ на родину!» При этомъ свою рѣчь Ахиллесъ приправилъ такими словами, которыя нельзя назвать иначе, какъ грубою бранью (ἀναίδειον ἐπιειμένε = нахаль; κερδαλέοφρον = ненасытная душа; ὦ μὲν' ἀναίδες = наглець. κυνώπα = собачьи глаза, псиная рожа. Такъ былъ нетерпѣливъ и не воздерженъ на языкъ царь-герой Ахиллесъ!

*) Что здѣсь словами и дѣйствіями Агамемнона, дѣйствительно, руководило оскорбленное самолюбіе, это ясно раскрылось въ послѣдствіи. См. ст. 185—187; 277—279; 287—289.

Агамемнонъ не остался у него въ долгу. Въ своей отвѣтной рѣчи, не прибѣгая къ грубой брани *), съ пренебреженіемъ отнесся онъ къ заносчивому самохвальству Ахиллеса и рѣшительно объявилъ, что послѣ этого онъ ни у кого другого, а именно у Ахиллеса, отниметь его красивую плѣнницу—Бризеиду. «Я самъ приду за ней въ твою палатку, прибавилъ Агамемнонъ, чтобы зналъ ты, насколько я тебя выше (φέρτερός ἐμι), и чтобы никто другой не осмѣлился со мной равняться и спорить!»

Разсерженный Ахиллесъ схватился уже за мечъ; сталъ его вынимать, чтобы убить Агамемнона на мѣстѣ, но подоспѣвшая богиня Аѣина его удержала. «Бравись на словахъ сколько хочешь, а мечъ оставь», сказала она Ахиллесу.

Ахиллесъ послушался; мечъ вложилъ въ ножны; за то языку своему далъ еще больше воли. Въ рѣчи своей онъ особенно настойчиво указывалъ въ Агамемнонѣ на два нравственныхъ недостатка: трусость въ военномъ дѣлѣ и страсть къ неправедной наживѣ. «Ахъ ты пьяница, съ собачьими (безстыжими) глазами, съ душою оленя (трусиска)! Какъ куда на битву вмѣстѣ съ знатнѣйшими ахейцами идти, такъ тебя нѣтъ; это для тебя сущая смерть (τόδε τοι χῆρ εἶδεται εἶναι). А вотъ какъ по лагерю бродить, да отнимать подарки, такъ это для тебя самое почетное занятіе! Ахъ, ты царь грабитель! (δημοβόρος βασιλεύς)! Въ заключеніе, Ахиллесъ бросилъ на землю свой царскій посохъ и поклялся имъ, что больше не приметъ никакого участія въ войнѣ и доведетъ Агамемнона до горькаго раскаянія въ нанесенной ему обидѣ.

Послѣ примирительной рѣчи краснорѣчиваго Нестора, Ахиллесъ согласился выдать Бризеиду Агамемнону. Что же касается прочаго имущества, хранящагося на

*) Агамемнонъ только назвалъ Ахиллеса самымъ ненавистнымъ человѣкомъ за то, что онъ любитъ ссоры, войны, да битвы.

корабляхъ его глубокихъ, то Ахиллесъ объявилъ, что никого къ нему даже и не подпустить. «Попробуй, скажешь онъ Агамемнону, приди,—черная кровь твоя вокругъ копья моего заструится!» Ахиллесъ сдержалъ свое слово: безпрекословно онъ выдалъ Бризеиду посланцамъ Агамемнона, когда тѣ явились въ палатку Ахиллеса.

Но невыносимо тяжела была для его самолюбія эта жертва властолюбію Агамемнона. Огорчившись, онъ удалился даже отъ друзей въ уединенное мѣсто, на берегъ моря. Здѣсь онъ не выдержалъ: этотъ гордый, непреклонный, заносчивый человѣкъ такъ глубоко чувствовалъ свое оскорбленіе, что заплакалъ, и, призвавши свою мать, излилъ въ слезахъ предъ ней сердце свое, и просилъ—помочь отомстить Агамемнону.

Какой же общій выводъ мы сдѣлаемъ о характерѣ Ахиллеса по этой рапсодіи?

Это былъ человѣкъ, высоко себя цѣнившій (вслѣдствіе силы, какой былъ одаренъ, и непобѣдимости), отъ этого—гордый, заносчивый, нетерпѣливый, грубый и очень впечатлительный.

Мы сильно бы ошиблись, если бы настоящую нашу характеристику ограничили только этимъ эпизодомъ. Нужно посмотрѣть на нашего героя еще и при другихъ обстоятельствахъ.

Ахиллесъ сдержалъ свое слово. Онъ отстранился отъ участія въ битвахъ, но это продолжалось не долго. Блестательный Гекторъ убилъ дорогого друга Ахиллеса—ва Патрокла,—и картина совершенно измѣнилась!

2. Огорченіе Ахиллеса.

При первой же вѣсти объ этомъ несчастіи, Ахиллесъ высказалъ всѣ признаки глубокаго огорченія.

«Мрачное облако скорби покрыло лицо его. Обѣими руками насыпалъ онъ чернаго пеплу на свою голо-

ву; имъ же обезобразилъ и свое красивое лицо; и вообще—весь онъ своимъ громаднымъ тѣломъ, въ дорогомъ хитонѣ, валялся на черномъ пеплѣ, а руками въ отчаяніи рвалъ на себѣ волосы. (XVIII, 22—27).

Антилохъ, одинъ изъ приближенныхъ, держалъ Ахиллеса за руки: боялся онъ, чтобы Ахиллесъ въ отчаяніи не перерѣзалъ себѣ горла мечемъ. Ахиллесъ стоналъ такъ ужасно, что мать услышала его изъ глубины моря, гдѣ въ то время она находилась. (Ст. 33—36).

«О чемъ ты такъ страшно рыдаешь, дитя мое, спросила Ѳетида сына. Вѣдь всѣ твои желанья исполнилъ Зевесъ-громовержець: ахейцы уже прогнаны троянами до кораблей; они терпятъ позорныя бѣдствія!»

«Все это знаю я, дорогая мать, отвѣчалъ, стоная, Ахиллесъ. Но какая мнѣ въ томъ радость, когда потерялъ я Патрокла, дорогого моего друга».

«Его изъ друзей всѣхъ больше я любилъ, какъ своей головой я имъ дорожилъ; и—его я потерялъ! Гекторъ-убійца даже опозорилъ его: онъ сорвалъ съ него тѣ доспѣхи дивныя, драгоценныя, которые боги даровали когда-то отцу моему Пелею.... О! сердце мое не велитъ мнѣ больше жить и въ обществѣ человѣческомъ вращаться, ежели Гекторъ-убійца первый мною не будетъ убитъ и за ограбленіе дорогого Патрокла мнѣ не заплатитъ!»

«Что мнѣ въ жизни, когда я не спасъ Патрокла отъ смерти? И за чѣмъ я съ Агамемнономъ ссорился!...

Я рѣшился теперь вытти на поле битвы: мнѣ нужна голова убійцы моего друга...»

«Я готовъ умереть во всякое время, когда мнѣ судили боги, вообще—мнѣ не долго по словамъ твоимъ, мать, жить, но прежде я добуду себѣ громкой славы. Прежде, чѣмъ умереть, я еще не одну троянку заставлю разрывать грудь тяжкими вздохами и въ горѣ съ нѣжныхъ щекъ отирать обѣими руками слезы. И такъ,—я въ бой выхожу; не удерживай меня, мать: ничѣмъ не отклонишь!» (Ст. 68—126).

Здѣсь мы видимъ уже совсѣмъ другого человѣка. Это уже не тотъ, что прежде, — сухой, черствый, непреклонный, грубый эгоистъ. И прежде мы видѣли въ Ахиллесѣ глубокую чувствительность, а теперь — это нѣжный и глубокопреданный другъ. Когда онъ лишился Патрокла, отчаяніе его не знало границъ, онъ, можно сказать, не зналъ, чѣмъ его и выразить. Его терзала мысль, что онъ, можетъ быть, невольная причина Патрокловой смерти: зачѣмъ онъ поссорился съ Агамемнономъ? За чѣмъ пустилъ Патрокла одного, а не пошелъ ему помогать; онъ спасъ бы друга! Кромѣ того, ему чрезвычайно было непріятно представлять, что врагъ теперь торжествуетъ: онъ снялъ дорогіе доспѣхи съ его друга, наругался надъ нимъ! Самая жизнь теперь опротивѣла Ахиллесу: зачѣмъ жить, когда все самое дорогое потеряно?

Но вдругъ приходитъ ему мысль: все это отъ того, что уже давно онъ ничего не дѣлаетъ, не участвуетъ въ битвахъ! Эта мысль, какъ новое, сильнѣйшее побужденіе, мгновенно охватила все существо его, воодушевила, подняла упавшія отъ горя силы... и онъ летитъ мстить за смерть друга! Въ этомъ подвигѣ какъ будто нашелъ онъ цѣль своей жизни. Вотъ признакъ глубоконѣжнаго и сильно-потрясеннаго чувства!

IV. Разсужденіе.

Вѣнцомъ письменныхъ работъ гимназиста должно быть разсужденіе, въ которомъ приобрѣтенный долговременнымъ чтеніемъ и изученіемъ автора матеріалъ перерабатывается духовными силами ученика самостоятельно. Тема можетъ быть выбрана или указана учителемъ изъ того, что онъ проходилъ со своими учениками, можетъ быть указанъ и новый матеріалъ, но обработка должна быть предоставлена самому ученику.

Важно особенно то, какую молодой авторъ вло-

жить отъ себя мысль въ указанный матеріалъ и потомъ, какія онъ обнаружитъ архитектурно-художественныя способности при постройкѣ (группировка матеріала, систематизація въ изложеніи, послѣдовательность, связь и симметрія отдѣльныхъ частей, слогъ, соотвѣтствующій важности предмета, и пр.). Для примѣра представляемъ здѣсь Разсужденіе на тему:

«Судьба», по изображенію Гомера, и значеніе Одиссеи.

Въ поэмахъ Гомера часто упоминается слово «Судьба». У него есть два, наиболѣе имъ употребительныхъ, термина для выраженія этого понятія, именно: *Μοῖρα* и *Αἷσα*. На основаніи филологическихъ изслѣдованій, первое изъ этихъ словъ имѣетъ въ своемъ корнѣ (*μερ*, *μέρος*, *μόρος* —) понятіе о дѣленіи и потому вполне соотвѣтствуетъ русскому слову—удѣлъ; напр. въ выраженіи: «таковъ мой удѣлъ»; второе въ своемъ корнѣ заключаетъ понятіе о равной части (*ἴσος*) и соотвѣтствуетъ слову участь. Такимъ образомъ слово Судьба, на основаніи собственно филологическаго, теоретическаго разслѣдованія, описательно, по Гомеру могло бы быть выражено такъ: «судьба есть то, что въ жизни удѣлено на часть, на долю каждаго.»

По Гомеру, Судьба является на свѣтъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Онъ говоритъ: *Μοῖραν δ' οὐτινά φημι πεφυγμένον ἔμμεναι ἀνδρῶν, οὐ κακόν, οὐδέ μὲν ἐσθλόν, ἐπὴν τὰ πρῶτα γενήται*. Это, по переводу Гнѣдича, значить: «Судьбы, какъ я мню, не избѣгъ ни одинъ земнородный мужъ, ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ родится» (Иліад. VI, ст. 488—489). И такъ, судьба каждаго человѣка неразлучна съ нимъ во всю его жизнь. Это есть нѣчто прижизненное. Ея владычество надъ человѣкомъ устраняется лишь неумолимою богинею *Κήρ* т. е. смертію. За предѣлами жизни Судьбы уже нѣтъ. У Гомера есть мѣста, гдѣ Судьба и Смерть, при концѣ жизни человѣка, являются вмѣстѣ.

Судьба, по изображенію Гомера, не олицетворяется въ какомъ либо опредѣленномъ образѣ, какъ про-

чіе боги, принявшіе въ его поэмахъ человѣкообразный видъ. Судьба, — это нѣчто неопредѣлимое, но при богѣ и человѣкѣ живущее. Да и можетъ ли Судьба быть опредѣлима вообще, когда она у каждаго человѣка и бога своя?

Судьба имѣетъ рѣшительное вліяніе на все живущее, живое: на боговъ и людей одинаково. Ея рѣшенія не отмѣнимы; боги, особенно владыка боговъ и людей—Зевсъ, должны приводить опредѣленія Судьбы въ исполненіе. Для этого они собираются иногда на Олимпѣ; въ общемъ собраніи разсуждаютъ о судьбѣ того или другаго лица и постановляютъ свое рѣшеніе (*θέσφατος*). Людямъ даже кажется иногда, что въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ не сама Судьба, а только боги—олимпійцы; такъ велико ихъ участіе въ жизни человѣка! Но, на самомъ дѣлѣ, принципиальное, такъ сказать, рѣшеніе относительно участи каждаго человѣка, рѣшеніе общаго плана его жизни, направленіе ея теченія,—зависитъ отъ Судьбы, богамъ же предоставлено приводить планы Судьбы въ исполненіе и развивать ихъ въ подробностяхъ. Отсюда являются среди боговъ тѣ, которые облегчаютъ иному человѣку, своему любимцу, Судьбу, и тѣ, которые другому ее отягощаютъ, какъ враги. Зевсъ же смотритъ за тѣмъ, чтобы повелѣнія Судьбы исполнялись—вообще. Общее собраніе боговъ поддерживаетъ его особенно въ этомъ, когда въ немъ возникаютъ колебанія, сомнѣнія, напр. относительно его любимцевъ. Но когда собранія боговъ нѣтъ, а дѣло рѣшить надо, особенно о двухъ спорящихъ, состязающихся личностяхъ или сторонахъ, тогда Зевсъ прибѣгаетъ, чтобы узнать волю Судьбы, къ особому средству: онъ беретъ золотыя вѣсы, олицетвореніе судьбы, кладетъ на нихъ жребій тяжущихся сторонъ и, при помощи этого, рѣшаетъ исходъ дѣла. Зевсъ посредствомъ вѣсовъ рѣшаетъ судьбу не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ, напр. Гектора, Патрокла, Ахилла, преобладаніе грековъ или троянъ въ битвахъ, и пр. Судьба нѣкогда посредствомъ жребія распредѣлила даже между богами—

Зевсомъ, Гадесомъ и Посейдономъ владычество надъ землей.—Съ чѣмъ жребіемъ чашка вѣсовъ опустится внизъ (по направленію къ Аиду), тотъ, значить, и осужденъ на погибель Судьбой. Судьбу отдѣльнаго лица на землѣ можетъ рѣшить иногда и человѣкъ, по внушенію Судьбы.

Боги и люди склонны стремиться къ тому, чтобы нарушить опредѣленія Судьбы, когда они имъ не нравятся. Они поступаютъ иногда «противъ велѣній Судьбы» (ὄπερ μοῖραν). Но этимъ они уже навѣрное себя губятъ, обрекаютъ на тяжкія мученія. Людей на землѣ и боговъ на небѣ за отступленія отъ Судьбы тяжело преслѣдуютъ ужасныя богини мщенія — Эринніи.

Но большею частію все живое увлекается своей Судьбой. Поэтъ-Гомеръ, смотря на своего героя, увлекаемаго Судьбой, иногда высказываетъ ему искреннее сожалѣніе. И самъ человѣкъ, въ рѣшительные моменты жизни, по невольному трепету сердца, чувствуетъ, что Судьба его наступила.

Вотъ въ общихъ чертахъ представленіе о Судьбѣ, какое мы находимъ у Гомера. Онъ часто упоминаетъ о Судьбѣ, при разныхъ обстоятельствахъ жизни выдающихся своихъ героевъ. Собрать воедино всѣ эти черты, изложить ихъ, систематизировать, разъяснить, задача очень обширная для одной работы. Въ настоящемъ случаѣ остановимся лишь на одномъ изъ Гомеровскихъ героевъ—Одиссеѣ, героѣ, Судьба котораго служить предметомъ изложенія въ цѣлой, огромной поэмѣ—Одиссеѣ. Въ ней, какъ извѣстно, описывается возвращеніе Одиссея на родину, его странствованіе, въ теченіе 10 лѣтъ, по морямъ и разнымъ землямъ. И изъ этой поэмы остановимся только на небольшомъ эпизодѣ, обнимающемъ собой 20 дней изъ жизни Одиссея. Изъ этого эпизода можно видѣть, какое глубокое содержаніе кроется въ этой поэмѣ. Здѣсь Гомеръ, раскрывая дѣйствія Судьбы въ жизни избраннаго героя, вмѣстѣ съ тѣмъ возводитъ наши мысли къ судьбамъ всего человѣчества, и тѣмъ научаеъ насъ мудрости житейской, прак-

тической, тому, какъ каждый изъ насъ долженъ относиться къ своей личной, частной Судьбѣ.

Шель уже 20-й годъ послѣ того, какъ Одиссей, — этотъ несчастный странникъ, все еще не могъ возвратиться изъ - подъ Трои на родину. Онъ изнывалъ вдали отъ нея, какъ бы въ плѣну, у нимфы Калипсо, на островѣ Огигіи. Богиня эта спасла Одиссея послѣ великаго кораблекрушенія, въ которомъ онъ потерялъ всѣ корабли, спутниковъ и остался совершенно одинокимъ. Мѣстечко, гдѣ жила эта прекраснокудрявая нимфа, было, по описанію Гомера, настоящимъ земнымъ раемъ. Описавши богатство и красоту этого мѣста, поэтъ замѣчаетъ: «Когда бы въ то мѣсто зашелъ и бессмертный богъ, то онъ изумился бы и радость проникла бы въ его сердце» (Одисс. V, 73—74). Такъ хорошо было это мѣсто! Кромѣ прелестей природы, на Одиссея могли искусительно дѣйствовать и другія обстоятельства. Нимфа—богиня, одаренная бессмертной красотой, страстно добивалась оставить Одиссея на своемъ островѣ, желая сдѣлать его своимъ супругомъ. Всѣ средства употребляла она склонить Одиссея къ этому: обѣщала ему и бессмертіе, и вѣчноцвѣтущую младость, только бы онъ согласился на ея предложеніе и остался на островѣ. Въ этихъ увѣщаніяхъ и настояніяхъ прошло семь лѣтъ. Но ничто не могло преклонить въ бѣдахъ постоянную душу Одиссея. Не могъ онъ освободиться самъ изъ плѣна Калипсо. Но тѣмъ сильнѣе разгоралось въ немъ, послѣ 20 ти лѣтней разлуки, желаніе возвратиться на родину, увидать свою семью, домъ и близкихъ людей. Ничто не привлекало его на островѣ Огигіи: ни прелестная природа, ни божественная нимфа. «Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ и очи были въ слезахъ: утекала медлительно капля за каплей жизнь для него въ непрестанной тоскѣ по отчизнѣ; проводилъ онъ дни свои горемъ, и плачемъ, и вздохами сердце питая, и очи, полныя слезъ, обративъ на пустыню безплоднаго моря» (Одисс. V, 151—158). Такъ твердъ, непреклоненъ былъ въ своихъ стремленіяхъ Одис-

сей богоравный, подѣ ударами своей Судьбы! Онъ плачетъ, вздыхаетъ, но мы не слышимъ ни одной жалобы и никакого ропота! Противъ Судьбы ничего не подѣлаешь.

Такъ продолжалось до того дня, который Судьбой былъ назначенъ.

Въ этотъ роковой день покровительница Одиссея, богиня Аѣина, на Олимпѣ, въ собраніи боговъ, заявила, какое великое горе терпитъ мудрый, добрый, благодушный царь-страдалецъ. Она напомнила, что ему пора бы возвратиться домой. Зевсъ, которому принадлежало предсѣдательство въ совѣтѣ боговъ, который, какъ видно и изъ другихъ случаевъ, ревностно приводилъ въ исполненіе велевія судьбы, поторопился и въ этомъ случаѣ успокоить Аѣину. Онъ объявилъ ей и всѣмъ богамъ, что наступило время, по волѣ Судьбы, Одиссею—увидѣть свою землю, близкихъ сердцу людей и свой домъ. Мало этого, Зевсъ объявилъ также и о нѣкоторыхъ подробностяхъ Одиссеева возвращенія. «Путь свой онъ свершитъ безъ участія свыше и безъ помощи смертныхъ, моремъ, на крѣпкомъ плоту; повстрѣчавши опаснаго много; въ день 20-й достигнетъ онъ берега Схеріи тучной, гдѣ обитаютъ родные богамъ феакійды, и будетъ ими ему, какъ безсмертному богу, оказана почестъ. Въ милую землю отцовъ съ кораблемъ ихъ отплывъ, онъ въ подарокъ мѣди и злата и разныхъ одеждъ драгоцѣнныхъ получить много, столь много, что даже изъ Трои подобной добычи онъ не привезъ бы, когда-бъ безпрепятственно могъ возвратиться (Одисс. V, 31—40). Всѣ эти подробности возвращенія Одиссея на родину Зевсъ передаетъ, какъ опредѣленія Судьбы. Но эти подробности далеко не исчерпываютъ, какъ послѣ увидимъ, всего, что случилось. Несомнѣнно для насъ только то, что отъ Судьбы, какъ понимаетъ ее Гомеръ, зависѣло назначеніе общаго плана жизни и дѣятельности человѣка. Этотъ планъ называется въ поэмѣ *νημερτής βουλή*, т. е. приговоръ рѣшительный, безповоротный; подробности же исполненія этого пла-

на зависѣли отъ боговъ и отъ самого человѣка. Такъ, Зевсъ въ данномъ случаѣ (ст. 23—24) говоритъ, что Аѣина составила планъ, какъ Одиссей, возвратясь на родину, погубить своихъ враговъ. И Аѣина, дѣйствительно, въ послѣдствіи помогала Одиссею привести этотъ планъ въ исполненіе.

При ревностномъ исполненіи богами, особенно Зевсомъ, опредѣленій Судьбы, людямъ могло казаться, что Зевсъ исполняетъ не волю Судьбы, а свою собственную, или то, что было постановлено на совѣтѣ боговъ (θέσφατον=божескій приговоръ). Въ этомъ смыслѣ разсуждаетъ и Калипсо. Ей очень не хочется разставаться съ Одиссеемъ, а между тѣмъ сдѣлать это необходимо. И она винитъ во всемъ боговъ: называетъ ихъ злыми, завистливыми (χσέθλιοί ἐστε, θεοί, ζηλήμονες, ἔσχαρον ἄλλων, Одис. V, 118). Въ особенности она винитъ Зевса-эгидодержавца, веленій котораго не смѣетъ между боговъ ни одинъ отклонить отъ себя, ни нарушить (ст. 137); она подчиняется распоряженіямъ Зевса, хотя находитъ ихъ, такъ сказать, ни съ чѣмъ несообразными. «Нѣтъ, говоритъ она, ни корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы Одиссей безопасно пройти по хребту многоводнаго моря (ст. III—142).

Въ необходимости во чтобы то ни стало исполнить волю Зевеса поддерживаетъ богиню и Гермесъ, вѣстникъ безсмертныхъ. «Волю Зевеса, говоритъ онъ нимфѣ, ты уважь, иначе,—боговъ раздраживъ, на себя навлечешь наказанье (ст. 149—147).

Провожая Одиссея въ дорогу, Калипсо старается смягчить всячески суровое опредѣленіе Судьбы. Она подаетъ Одиссею совѣтъ, какъ устроить плотъ, на которомъ онъ долженъ отплыть, снабжаетъ его на дорогу обильно хлѣбомъ, водой, пурпурнымъ виномъ и разной лакомой пищей, посылаетъ ему попутный вѣтеръ и даетъ, наконецъ, совѣтъ, какого ему пути держаться (ст. 160—274).

Но насколько искренно Калипсо желаетъ облегчить судьбу Одиссея, на столько же ревностно другой богъ—

Посейдонъ, — владыка безпредѣльнаго моря, старается сдѣлать путнику какъ можно больше зла. Прошло уже 17 дней, какъ Одиссей благополучно совершалъ путь на своемъ плоту. Передъ нимъ вдали уже виднѣлась земля феакіанъ, которые должны были оказать ему почести, какъ безсмертному богу (ст. 36). Въ ихъ землѣ Одиссей встрѣтитъ конецъ напастей, свыше ему назначенныхъ (*ἐνθα οἱ αἴσα ἐκφυγέειν μέγα πείρας οἴζυρος, — ἡμῖν ἴκαναι,* ст. 289). Посейдонъ зналъ объ этомъ опредѣленіи Судьбы относительно Одиссея, видѣлъ, что жертва его ненависти готова ускользнуть изъ рукъ его, зналъ, что Олимпійскіе боги, пока онъ праздновалъ въ землѣ Эвѳіоповъ, согласились помочь Одиссею, — содѣйствовать его возвращенію на родину и, не смотря на все это, Посейдонъ съ удовольствіемъ принимается преслѣдовать Одиссея на морѣ. «Пока онъ, ненавистный, достигнетъ земли феакійской, говоритъ Посейдонъ, я еще успѣю его горемъ насытить» (ст. 290). И вотъ онъ воздвигаетъ на морѣ бурю столь страшную, что даже Одиссей, много видѣвшій и испытывшій на своемъ вѣку «въ ужасъ пришелъ; задрожали его колѣни и сердце» (ст. 297). Но Одиссей приписываетъ свою бѣду не Посейдону, а Зевсу-туче-собирателю. «Наступила теперь погибель моя», говоритъ онъ (ст. 305). Онъ уже завидуетъ тѣмъ грекамъ, которые погибли подъ стѣнами Трои смертью храбрыхъ воителей. «Нынѣ-жь Судьба мнѣ безславнопечальную смерть посылаетъ (*νῦν δέ με λευγαλέω θανάτῳ εἴμαρτό ἀλῶναι,* ст. 312). Но надъ нимъ сжалилась морская богиня Левкоѳея. Она объяснила Одиссею, что его теперь преслѣдуетъ не Зевсъ, а Посейдонъ, но не сможетъ погубить его, какъ бы ни желалъ» (ст. 341).

Одежда, данная Одиссею на дорогу нимфой Калипсо, оказалась теперь лишнею, даже вредною. Она мѣшала Одиссею въ борьбѣ съ моремъ. Въместо нея, Левкоѳея даетъ Одиссею чудотворное покрывало; имъ онъ долженъ обвязать грудь, броситься въ море, вплавь добраться до берега феакійской земли, гдѣ ему суждено укрываться, спастись (*ὅθι τοι μῶϊρ' ἐστὶν ἀλύξαι,* ст. 345).

Одиссей принялъ покрывало, но богинѣ не повѣрилъ. Подозрѣвая тутъ какую нибудь хитрость съ ея стороны. Онъ рѣшился не бросаться въ море, а остаться на своемъ плоту. Но Посейдонъ наслалъ на плотъ волну «го, роогромную», плотъ разбитъ, бревна разлетѣлись въ разныя стороны. За одно бревно, впрочемъ, Одиссей успѣлъ схватиться. Усѣвшись на немъ, какъ на конѣ, Одиссей перемѣняетъ на себѣ одѣяніе; сбрасываетъ одежду Калипсо, надѣваетъ покрывало Левкоѳеи и потомъ уже бросается въ море, чтобы достигнуть Феакійскаго берега. Увидавши это, Посейдонъ остался доволенъ: мстительность его была удовлетворена. «Плавай себѣ теперь, говоритъ онъ, пока не спасешься! будетъ съ тебя! Не останешься, думаю, мной недоволенъ» (ст. 377—379). Но тутъ опять выступаетъ на помощь Одиссею богиня, его всегдашняя покровительница, Аѳина-Паллада. Она укрощаетъ вѣтры и море, чтобы Одиссей могъ благополучно достигнуть земли феакійской, «смерти и паркъ избѣжавши» (ст. 387). Два дня послѣ этого плаваетъ Одиссей, борясь съ моремъ; на третій лишь день море стихло; Одиссей увидѣлъ, наконецъ, на разстояніи человеческого голоса, берегъ земли феакійской. Радость его была несказанна. Но встрѣтилось новое препятствіе у самаго берега. «Гладкой стѣной возвышается берегъ высокій; море-жъ вблизи глубоко, и нѣтъ мѣста, гдѣ было-бъ возможно твердой ногой опереться, чтобы гибели вѣрной избѣгнуть» (ст. 412—414). Тутъ его выручила богиня Аѳина. Слѣдуя ея указаніямъ, Одиссей приплываетъ къ тому мѣсту, гдѣ рѣка впадала въ море. Здѣсь Одиссей молится богу рѣки, который и помогаетъ ему выйти наконецъ на берегъ (ст. 451—453). Несчастливаго, измученнаго странника начинаютъ теперь волновать новыя мысли: гдѣ ему провести ночь? на берегу ли моря, или въ близъ лежащемъ лѣсу? Ему показалось удобнѣй послѣднее (ст. 474—475). Забрался Одиссей въ лѣсъ и «подъ листьями зарывшись, грѣлся; и очи сладкой дремотой Аѳина смежила ему, чтобы скорѣй въ немъ оживить изнуренныя силы» (ст. 491—492).

Вотъ небольшой эпизодъ изъ жизни Одиссея; — жизнь, исполненной разныхъ волненій, постоянныхъ превратностей и страданій! Ихъ очень много; однако и они имѣютъ свой конецъ. Они разрѣшаются побѣдой надо всѣми препятствіями; торжествомъ надъ могущественнымъ врагомъ. Они даже вознаграждаются достиженіемъ завѣтной цѣли всѣхъ его 20 лѣтнихъ стремленій, возвращеніемъ въ лоно тихой семейной жизни, гдѣ утомленнаго страдальца встрѣчаютъ наконецъ, какъ мы знаемъ изъ дальнѣйшей исторіи Одиссея, неизмѣнно вѣрная жена, разумный взрослый сынъ, глубокочтимый старецъ отецъ, множество преданныхъ слугъ и почтительно-любящій и уважающій царя Одиссея народъ!

Этотъ, только что рассказанный нами, эпизодъ изъ жизни Одиссея не есть ли также и страничка, вырванная изъ жизни каждаго изъ насъ? Чья жизнь свободна отъ волненій, тревогъ, страданій, физическихъ и нравственныхъ мученій? Напротивъ, не есть ли жизнь каждаго изъ насъ постоянный и непрерывный рядъ болѣе или менѣе печальныхъ перемѣнъ? Море житейское не похоже ли на то бурное, беспокойное море, съ которымъ боролся физически Одиссей?

Крѣпкозданный руками богоравнаго Одиссея плоть и покровительство богини, ему преданной, не устояли противъ ярости волнъ бурнаго моря и мстительности могучаго врага-Посейдона. Не также ли часто и обыкновенно разрушаются въ жизни всѣ наши планы и надежды о неожиданныя преграды, созидаемыя ухищреніями враговъ, завистниковъ, зложелательныхъ людей и, наконецъ, даже стихіями природы? Одиссея даетъ намъ понять, что цѣль зла въ природѣ безконечна, что борьба со всякимъ видомъ зла неизбежна, что въ этомъ-то и есть жизнь, судьба каждаго.

Но въ жизни каждаго есть и свѣтлыя минуты; только ихъ надо завоевать, взять, такъ сказать, съ бою. Одиссею во всѣхъ его превратностяхъ помогаетъ его геній, сообразительность, опытность, терпѣніе и скепти-

цизмъ по отношенію даже къ преданнымъ ему личностямъ. Не то же ли мы видимъ и въ жизни каждаго изъ насъ? Чѣмъ крѣпче, испытаннѣе, закаленнѣе, такъ сказать, натура человѣка въ страданіяхъ и превратностяхъ, чѣмъ меньше она подвержена малодушію и отчаянію, тѣмъ больше она можетъ вывести, тѣмъ обезпеченнѣе ея торжество надъ зломъ, тѣмъ болѣе для нея вѣроятностей благополучно переплыть житейское море. Такимъ образомъ, геній человѣка есть первое средство для борьбы съ окружающимъ насъ зломъ.

Вторую защиту и опору въ своей бурной жизни Одиссей постоянно находитъ въ богахъ и богиняхъ. Между ними у него есть враги, но больше друзей-доброжелателей, которые постоянно помогаютъ ему выбраться изъ бѣды или опасности. Эти друзья стараются даже смягчить для Одиссея рѣшенія суровой судьбы. Въ трудную минуту Одиссей обращается къ нимъ съ молитвой и получаетъ просимое. Итакъ, религіозное чувство и помощь боговъ—были вторымъ, сильнѣйшимъ оплотомъ Одиссея въ превратностяхъ жизни. Не то же ли самое происходитъ и въ нашей душѣ въ минуту жизни трудную? Когда всѣ пути испробованы, когда кругомъ все холодно, безучастно, эгоистично-жестоко, а тяжелое положеніе продолжается, кажется безвыходнымъ, гдѣ каждый находитъ себѣ опору, утѣшеніе и силы, какъ не въ религіи?

Итакъ, Одиссея есть поэма, поэтическое изображеніе зла, борьбы съ нимъ и торжества побѣды, вообще человѣческой жизни со всѣми ея физическими и нравственными страданіями, волненіями и превратностями, а Одиссей—это олицетвореніе человѣческаго генія, который въ своей крѣпкой физической природѣ и въ глубинѣ своего богатаго и разнообразно—одареннаго духа находитъ неисчерпаемый источникъ средствъ для борьбы со зломъ, ограниченностію, несовершенствомъ, и въ концѣ концовъ—торжествуетъ!

VI.

Какимъ языкомъ и стилемъ нужно переводить Гомера въ гимназіяхъ?

«Должно переводить нравы также, какъ и языкъ».

Н. И. Гиѣдичъ.

Мы уже прежде касались вопроса, какимъ языкомъ вообще нужно въ гимназическихъ классахъ переводить древнихъ классическихъ писателей? Отвѣтъ—«литературнымъ», не только напрашивался, такъ сказать, самъ собою (вслѣдствіе отдѣлки, которую наложили на свои произведенія древніе писатели), но былъ необходимъ уже и потому, что гимназія, ведущая къ университету, только и знаетъ, что языкъ литературный. Подъ рубрику тѣхъ же произведеній должны быть отнесены и двѣ поэмы Гомера—Иліада и Одиссея. Отъ другихъ писателей древности этотъ поэтъ отличается развѣ тѣмъ, что онъ очень близокъ къ жизни и весьма разнообразенъ въ изображеніи лицъ и предметовъ.

Въ немъ слышится и рѣчь презрѣннаго Тѣрситы, и твердая рѣчь такого мужа, какъ Агамемнонъ, строитель рати ахейской, и краснорѣчіе Нестора, и грубый языкъ Ахилла, и проза жизни, и романтическая мечтательность высокоразвитаго поэта; словомъ, въ немъ чувствуется вся жизнь со всѣми ея мелочами, незначительными подробностями и серьезными стремленіями къ идеаламъ, превозносящимъ, украшающимъ человѣческую жизнь. Съ другой стороны, что касается въ тѣсномъ смыслѣ языка, то нельзя не помнить, что вообще надъ Гомерическими произведеніями, надъ ихъ отдѣлкою, трудолюбивые, добросовѣстные ученые провели вѣка, прежде чѣмъ Гомеръ дошелъ до насъ въ своемъ настоящемъ видѣ; что у грековъ Гомеръ былъ настольною книгою, предметомъ изученія въ школахъ, источникомъ общественнаго развитія, во времена самаго широкаго распространенія образова-

нія въ греціи, что Александръ Великій съ обожаніемъ относился къ произведеніямъ этого поэта. Неужели же при наличности такихъ условій, мы можемъ въ языкъ Гомера отвергнуть всякую печать вкуса, приличія и литературности вообще. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, Иліада и Одиссея такія же высоко-художественныя во всѣхъ отношеніяхъ произведенія, какъ и всѣ другія произведенія древности, которыя мы въ своихъ школахъ изучаемъ, какъ образцы литературнаго искусства, языкъ ихъ входитъ въ общую рамку художественной картины, какъ одна изъ составныхъ ея частей. Онъ не можетъ не быть художественнымъ, такъ какъ онъ есть оболочка высокохудожественнаго содержанія. Вотъ, по нашему мнѣнію, съ какими мыслями должно приступать къ переводамъ Гомера.

Эти мысли невольно приходятъ въ голову, когда читаешь русскіе переводы Иліады и Одиссеи на русскомъ языкѣ, особенно три изъ нихъ, самые замѣчательные въ русской литературѣ: Н. И. Гнѣдича, В. А. Жуковскаго и Б. И. Ордынскаго. Каждый изъ этихъ писателей, переводя Гомера по своему, со своей такъ сказать, точки зрѣнія, имѣлъ и свои на то основанія; онъ во всякомъ случаѣ много трудился, стремился сдѣлать дорогой вкладъ въ родную литературу, сослужить службу отечеству. Почтимъ эти труды благодарнымъ воспоминаніемъ!

Каждый изъ нашихъ трехъ знаменитыхъ переводчиковъ дѣлалъ попытку знаменитаго поэта разработать, объяснить своимъ переводомъ для русской читающей публики.

1) Но мы думаемъ, что Гомеръ не есть рассказчикъ для нашего простонародья и что его поэмы, воспитавшія собою эпическую литературу европейскихъ народовъ въ теченіе многихъ вѣковъ, не есть русская простонародная сказка (въ родѣ Бовы Королевича и Еруслана Лазаревича), которая можетъ служить лишь для потѣхи и забавы русскаго мужичка въ часы досуга. Если наши знаменитые переводчики, какъ мы указывали прежде,

сознавали (и совершенно справедливо), что перевода Гомера, даже для образованной публики, нельзя обойтись безъ различныхъ объясненій и толкованій на него, то чтоже сказать о нашемъ простолюдинѣ? Что онъ пойметъ въ Гомерѣ? Хватить ли у него охоты и времени изучать поэта, который и въ древности, и теперь, давалъ и даетъ даже глубокомысленнымъ ученымъ для разработки самыя разнообразныя темы: историческія, географическія, археологическія, литературныя, психологическія, и пр. Поэтому, съ нашей точки зрѣнія, становится понятнымъ, почему попытка Б. И. Ордынскаго обратить Илиаду въ простонародную русскую сказку, рассказать ее языкомъ русскаго темнаго мужичка, прибѣгая даже къ оттѣнкамъ областныхъ говоровъ, къ языку разныхъ темныхъ русскихъ захолаустьевъ (такъ что оказывалось необходимымъ даже толковать употребленныя слова изъ этого языка), эта оригинальная попытка, стоившая громаднхъ трудовъ даже для почтеннаго ученаго профессора, осталась безплодною, или лучше сказать совершенно одинокою въ нашей литературѣ. Этотъ переводъ никѣмъ не былъ прочитанъ, развѣ нѣсколькими записными учеными, которые обязаны все читать и за всѣмъ въ области ихъ дѣятельности слѣдить. Этотъ переводъ не сошелъ со страницъ журнала, въ которомъ впервые былъ напечатанъ; онъ не явился въ публикѣ, на литературномъ рынкѣ; онъ не вызвалъ себѣ подражателей; онъ не былъ принятъ въ интеллигентной русской публикѣ; онъ, наконецъ, не вошелъ и въ русскую хату, чтобы нашъ захолаустный мужичокъ, въ часы досуга, при свѣтѣ лучины, могъ наслаждаться красотами гомеровскаго генія.

2) Другой нашъ переводчикъ. Н. И. Гнѣдичъ, посвятившій своему труду 20 лучшихъ лѣтъ своей жизни, дѣйствовалъ по отношенію къ Гомеру, въ совершенно противоположномъ направленіи. Подъ вліяніемъ господствовавшей еще въ его время литературной теоріи (это были еще отголоски идей Ломоносова), онъ, увлекаясь тѣмъ, что въ переводимой имъ поэмѣ (Илиадѣ)

главныя дѣйствующія лица называются богами, царями, героями, что они совершаютъ важные подвиги, иногда выходящіе изъ обыкновеннаго уровня, онъ заставилъ дѣйствующихъ лицъ Иліады выражаться, сообразно съ ихъ величіемъ, не просто, какъ обыкновенные люди говорятъ, а непременно—высокимъ стилемъ, искусственнымъ церковно-славянскимъ языкомъ, а равно и повѣствованіе о ихъ подвигахъ и взаимныхъ отношеніяхъ изложилъ на томъ же языкѣ. И вышло у него все—и напыщенно, и торжественно, и ходульно. Эти простые люди,—цари, полагавшіе всю славу въ томъ, чтобы захватить побольше чужого добра и красивыхъ плѣнницъ, во время совершенія ими особенныхъ, славныхъ подвиговъ, а дома—вкусяще поѣсть, обильно выпить, и вообще пожить въ свое удовольствіе; ихъ сыновья, занимающіеся еще тѣмъ, что пасутъ домашній скотъ на окрестныхъ горахъ, лугахъ и въ лѣсахъ;—ихъ дочери, отправляющіяся со служанками на рѣчку мыть бѣлье;—ихъ жены, усердно занимающіяся, наравнѣ съ прислугой, домашнимъ хозяйствомъ; ихъ боги, постоянно дѣйствующіе между людей, отличающіеся отъ людей только болѣе широкимъ размахомъ своихъ человѣческихъ страстей; боги, то завидующіе людямъ и входящіе съ ними во враждебныя отношенія, то, напротивъ, ищущіе слишкомъ интимныхъ съ ними отношеній, особенно съ женщинами, всѣ эти необыкновенно простыя существа плоти и земной жизни, подъ перомъ Гнѣдича, вдругъ заговорили церковно-славянскимъ языкомъ Псалтыри и Октоиха! Затѣя передать Гомера такимъ языкомъ, гдѣ вы постоянно слышите: понеже, поелику, зане, аще, рамо, чадо, перси, стегно, стогны, влагалище, и пр. едва ли лучше той затѣи, которою позже (въ 40 годахъ) увлекся профессоръ Ордынскій.

3) Переводъ Одиссеи Жуковскаго занимаетъ, можно сказать, средину между двумя, только что указанными, крайностями. Онъ уже читается легче, пріятнѣе, съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ переводъ Гнѣдича.

Но слѣды той дороги, по которой двигался Гнѣдичъ, въ немъ еще очень чувствительны, хотя уже не такъ многочисленны. Вы встрѣтите у него: а) славянизмы, въ родѣ: его-же, ему-же, воспріемлю, радуйся (въ смыслѣ — здравствуй), ниже, понеже, поелику, сугубый, воздаяніе, паче, вѣжды, возсѣсть, иго, агнецъ; в) слова нововыдуманныя (неологизмы): обволнитель земли, незамедленно, ошумляющій море, сладострастноубійственный голосъ сирень, пурпурногрудый корабль, мягкоупругое ложе, когда ты бываешь отсутственна, кони громкозвучнокопытные, вѣтеръ — надуватель нарусовъ, и пр. Но, такъ какъ такихъ барбаризмовъ и неологизмовъ въ языкѣ Жуковскаго сравнительно меньше, чѣмъ у Гнѣдича, то говоря вообще, языкъ Жуковскаго въ переводѣ Одиссеи нужно считать уже крупнымъ шагомъ впередъ сравнительно съ языкомъ Гнѣдича.

Такимъ образомъ, во всѣхъ трехъ переводахъ есть свои замашки, особенности, объясняемая той точкой зрѣнія, на которой стоялъ каждый переводчикъ. Нужно достаточно вчитаться въ переводъ, чтобы съ нимъ болѣе или менѣе примириться. Эти замашки, особенности, усилія каждаго переводчика есть ли худо? Отнюдь нѣтъ! Они также необходимы, какъ ступеньки лѣстницы, которая ведетъ васъ на верхъ высокой башни, которую вы задумали построить изъ русскаго словеснаго матеріала, посвященнаго гениальнымъ произведеніямъ Гомера. Башня эта, которая впоследствии составитъ большую славу русскимъ строителямъ, еще далеко не достроена. Наше дѣло (дѣло педагоговъ, комментирующихъ безсмертнаго Гомера, нашимъ будущимъ переводчикамъ его) помогать достраивать эту башню. Для нашего времени уже достаточно ясно, что гомеровскихъ — Агамемнона, Ахиллеса, Аякса, Діомеда, Зевеса рядить въ подризникъ русскаго псаломщика — звонаря, или въ лапти, онучи и зипунъ русскаго захолустнаго мужика, а Геру, Аѳину, Елену, и др. въ сарафаны, понявы и коты русской бабы одинаково невозможно.

Далѣ, согласитесь, что даже самая мысль возстановить въ гомеровскихъ поэмахъ въ наше время языкъ того времени, въ которое дѣйствуютъ его боги и герои, эта мысль, нельзя сказать, чтобы была удачна. Во-первыхъ, нѣтъ никакой надобности въ этомъ возстановленіи; во-вторыхъ, какъ бы вы ни усиливались совершить это возстановленіе, цѣли никогда не достигните, потому что и время слишкомъ далекое отдѣляетъ насъ отъ гомеровскаго, да и условія быта нашего совсѣмъ, совсѣмъ уже не тѣ....

Наконецъ, какъ мы уже замѣтили раньше, переводъ поэмъ Гомера, предназначается не для чтенія въ деревенской хатѣ, а или для школы (гимназіи), гдѣ мы имѣемъ дѣло съ зрѣющими, будущими членами нашего образованнаго общества, или уже для совсѣмъ зрѣлыхъ слоевъ нашего образованнаго, развитого (интеллигентнаго) общества, гдѣ господствуетъ не какойнибудь искусственный, дѣланный, придуманный книжный языкъ, а языкъ жизни, «всей русской жизни». Этотъ языкъ имѣетъ двѣ живыхъ струи: одна, которая шибко бьетъ снизу и служитъ выразительницею жизни тѣхъ народныхъ слоевъ, которыхъ еще мало коснулась рука цивилизаціи; другая струя это та, языкъ которой складывается уже подъ вліяніемъ цивилизаціи, подъ дѣйствіемъ началъ приличія, выбора, вкуса. Обѣ эти струи дѣйствуютъ нераздѣльно и одновременно, переплетаясь и перепутываясь въ самыя разнообразныя формы и виды. Вообще-же, законы ихъ соединенія тѣ, что а) чѣмъ больше струя народнаго говора поднимается снизу вверхъ, тѣмъ она становится чище, свѣтлѣе, тѣмъ болѣе на верху (уже въ языкѣ образованнаго общества) изъ нея остается тѣхъ элементовъ, которые можно назвать лишь красотою, напр. бойкость, мѣткость, выразительность, гибкость, и пр. Поднимаясь выше и выше, этотъ разговорный языкъ образованнаго общества, наконецъ, преобразуется въ языкъ книжный, такъ называемый—литературный, отличающійся особенно тщательной отдѣлкой,

чистотой, правильностью, художественностію, иногда даже изысканностію.

Литературный языкъ, въ свою очередь, имѣеть два потока: одинъ—строго-литературный, каждое выраженіе, слово котораго строго обдуманно, взвѣшено и поставлено на свое мѣсто не безъ внимательнаго обсужденія (примѣромъ такого языка могутъ послужить: «Слова и рѣчи» Филарета, митрополита московскаго, и вся вообще литература нашихъ духовныхъ писателей; исторія Государства Россійскаго, Карамзина, и пр.). Этотъ литературный пуризмъ можно указать также и во многихъ или въ нѣсколькихъ или въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ нашихъ другихъ писателей; онъ всегда стоитъ довольно далеко отъ языка живого, разговорнаго. Другой потокъ литературнаго нашего языка есть языкъ нашего образованнаго общества, сближенный даже съ простою разговорною рѣчью. Блистательнымъ представителемъ этого литературнаго русскаго языка, необыкновенно легкаго, плавнаго и понятнаго, въ наше время служить знаменитый писатель нашъ Л. Н. Толстой, особенно въ своей безсмертной поэмѣ «Война и Миръ». Въ этой высоко-художественной поэмѣ, которая, какъ обширное море, охватила собой всю русскую жизнь, со всѣми ея явленіями—важными, высокими, торжественными, и самыми ничтожными, обыденными, вы найдете также и неразлучный съ этой жизнію русскій языкъ, какъ необходимаго выразителя этой жизни во всѣхъ и всякихъ ея моментахъ, на всѣхъ ея ступеняхъ отъ верху до низу. Онъ, этотъ нашъ русскій Гомеръ, этотъ великій бытописатель русской земли, онъ знаетъ, благодаря своему высоко-художественному чувству, гдѣ, при какомъ случаѣ, въ какой средѣ, какимъ языкомъ говорить ему съ читателемъ такъ, чтобы картина его вышла простою, вполне понятною, поражающею сразу картиной, говорящею и глазамъ, и уму, и сердцу. Не даромъ онъ, этотъ поэтъ—волшебникъ, пока вы читаете его обширное повѣствованіе о русской землѣ и ея обитателяхъ, какъ бы держитъ по-

стоянно въ своей рукѣ ваше сердце, заставляетъ его неумолчно трепетать, биться усиленно, и почти постоянно, до самого конца своей повѣсти поддерживаеъ этотъ трепеть и замираніе сердца!

Тамъ, въ этой русской поэмѣ, дѣйствуютъ и говорятъ: и русскій царь, повелитель полвселенной, и высшія государственныя лица, его окружающія, — всѣ государственныя званія и сословія, отъ великаго до малаго; изображено все, и все говоритъ со всѣми своимъ всѣмъ понятнымъ, живымъ языкомъ. Въ этомъ языкѣ нѣтъ ничего неприличнаго, рѣжущаго ухо, опошляющаго, смѣшнаго, неестественнаго, словомъ нѣтъ языка фальшиваго

Выдающаяся черта гомерическаго языка есть его гибкость: онъ безъ затрудненія выражаетъ всякую мысль и о всякомъ возвышенномъ, утонченномъ предметѣ, о всякомъ благородномъ движеніи чувства, и о предметѣ ежедневномъ, даже низменномъ; онъ иногда грубъ и рѣзокъ, когда и гдѣ это нужно. Таковы всегда свойства языка, выхваченнаго поэтомъ изъ жизни, а не придуманнаго, не сочиненнаго, не книжнаго. Этимъ-то языкомъ самой жизни, но все-таки прошедшимъ школу приличія, выбора вкуса, по нашему мнѣнію, и долженъ быть переводимъ Гомеръ. Этотъ языкъ вбираетъ въ себя изъ живыхъ источниковъ рѣчи все то, что особенно умѣстно въ данномъ случаѣ, при извѣстномъ обстоятельстве, въ томъ или другомъ положеніи лицъ изображаемыхъ *).

Также гибокъ, послушенъ, выразителенъ и языкъ

*) Мы уже выше могли видѣть, сколь существенно въ своемъ характерѣ отличается, напр. рѣчь Ахиллеса, когда слушаемъ его во время ссоры съ Агамемнономъ и его же рѣчь, когда онъ пораженъ извѣстіемъ о смерти друга своего Патрокла, какъ первая пышитъ гнѣвомъ, груба и рѣзка, такъ вторая исполнена нѣжности, преданности и сознанія несчастья! — Равнымъ образомъ, всякій понимаетъ въ нашемъ языкѣ сразу разницу между словами: кушать, вкусить и жрать! И нашъ поэтъ В. А. Жуковскій

гр. Л. Н. Толстаго. Приемы его выраженій, словесный его матеріалъ, его стиль, какъ нельзя больше, по нашему мнѣнію, пригодились бы, какъ хорошіе путеводители переводчику Гомера.

Наконецъ, въ подтвержденіе нашей мысли, что языкомъ въ переводѣ Гомера на русскій языкъ долженъ быть литературный языкъ, близкій къ разговорному, мы можемъ указать также на то, что сами наши знаменитые переводчики сознавали, что выбирая для своихъ переводовъ или церковно-славянскій, или книжный, или простонародный языкъ, они впадали въ крайность, въ односторонность. Они искали выхода изъ этой крайности, и вслѣдствіе этого дѣлали постоянныя отступленія въ другія сферы, изъ которыхъ заимствовали иные элементы рѣчи, чѣмъ тѣ, которые были указываемы имъ избранною ими односторонностью.

Такимъ образомъ, Гнѣдичъ о своемъ переводѣ Иліады говоритъ: «Прошу объ одномъ—не осуждать, если какой либо оборотъ, или выраженіе, покажется страннымъ, необыкновеннымъ, но прежде—или свѣрнуть съ подлинникомъ, или вспомнить, что самые предметы, въ Иліадѣ изображаемые, многіе для насъ чужды, странны. Для перевода такой поэмы, исполненной подробностей и предметовъ техническихъ, безъ сомнѣнія, невозможно, и не должно было ограничиваться языкомъ гостиныхъ (какъ будто, замѣтимъ отъ себя, въ гостиныхъ того времени говорили на церковно-славян-

всѣ эти три слова умѣстно употребилъ: «кушайте, свѣты мои, на здоровье!» сказалъ онъ въ своемъ Овсяномъ киселѣ, ласково приглашая дѣтей. «Пищи охотно вкусилъ благовѣстникъ, говорить онъ о Гермесѣ, посланномъ Зевсомъ къ нимфѣ Калипсо (Одисс. пѣснь 5, ст. 94). «Имъ удобнѣй, говоритъ Телемакъ о женихахъ Пенелопы, ежедневно, въ теченіе многихъ лѣтъ, разорвавшихъ его домъ своими пирами, всѣдневно врываяся въ домъ нашъ толпою, нашихъ быковъ и барановъ и козъ откормленныхъ рѣзать, жрать до упада, и свѣтлое наше вино безпощадно тратить (тамъ же, пѣснь 2-я, стр. 55 и д.).»

скомъ языкѣ) и скудными еще нашими словарями. Я осмѣлился пользоваться и нарѣчіями областными...

Пользованіе областными нарѣчіями Б. И. Ордынскій повелъ еще далѣе, но, какъ увидимъ, онъ тоже не могъ ограничиться этимъ, онъ долженъ былъ обращаться и къ составленію новыхъ словъ, и къ языку книжному, и къ языку разговорному.

В. А. Жуковскій, говоря о своемъ переводѣ Одиссеи, сдѣлалъ общее заключеніе такое: «я вездѣ старался сохранить простой сказочный языкъ, избѣгая всякой натяжки, избѣгая всякаго славянизма, и, по возможности, соглашаясь съ формами оригинала формы языка русскаго, такъ чтобы гомеровскій стихъ былъ ощутителенъ въ стихѣ русскомъ, не заставляя его кривляться по-гречески». Такъ ли это, читатель можетъ уже судить по сдѣланной нами выше замѣткѣ о переводѣ Жуковскаго. По нашему мнѣнію, которое мы уже выразили, языкъ Жуковскаго гораздо болѣе свободенъ отъ славянизмовъ, понятнѣе и пріятнѣе языка Гнѣдича, но все-таки языкъ Жуковскаго назвать простымъ сказочнымъ невозможно, онъ, напротивъ, производитъ еще сильное впечатлѣніе языка искусственнаго, книжнаго, довольно тяжелаго, мало-гибкаго *), хотя въ немъ уже чувствуется переходъ къ языку живому, разговорному **).

*) Чтобы яснѣе почувствовать это, сравните съ гекзаметромъ Одиссеи гекзаметръ Жуковскимъ же написанной поэмы — «Война мышей и лягушекъ». Какая въ послѣднемъ произведеніи простота, игривость, юморъ, легкость! и почти ничего этого нѣтъ въ переводѣ Одиссеи.

**) Къ выраженіямъ, уже близкимъ къ русскому разговорному языку и согласнымъ съ духомъ его; мы можемъ отнести слѣдующія находимыя у Жуковскаго, въ его Одиссеѣ; напр.: «рѣчь притворно обидная; маслина пышно-густая; сердце нѣжно уступчивое; стройно-живая пляска; неводъ мелкоплетистый; море глубоко-

Изъ всего сказаннаго доселѣ для насъ дѣлается очевиднымъ, что 1) установившагося перевода поэмъ Гомера на русскій языкъ у насъ еще нѣтъ; 2) что Гомера должно переводить на языкъ литературный, наименѣе книжный, дѣланный, а на языкъ болѣе близкій къ живой разговорной рѣчи, наблюдая при томъ отъишки, обусловливаемые внутреннимъ содержаніемъ переводимаго.

Эти два положенія неизбежно приводятъ къ третьему:—изучая гомерическія произведенія въ школахъ (въ гимназіи), въ числѣ прочихъ письменныхъ упражненій, нужно производить также и сличенія текстовъ различныхъ переводовъ съ подлинникомъ. Тутъ работа учителя и ученика будетъ заключаться въ томъ, чтобы, такъ сказать, взвѣсить каждую фразу данныхъ переводовъ (или только одного), и, слѣдуя указаніямъ эстетическаго чутья и вкуса, выбрать изъ готоваго лучшее, или же подобрать свое новое слово или выраженіе изъ того запаса, который есть у каждаго учителя и ученика, изъ запаса, который временемъ накапливается въ душѣ каждаго изъ нихъ отъ чтенія книгъ, отъ обращенія въ образованномъ обществѣ и отъ соприкосновенія съ жизнію вообще.

Мы представимъ сейчасъ опытъ такого сличенія текстовъ, который можетъ безъ труда быть производимъ въ гимназіяхъ, въ числѣ другихъ письменныхъ работъ. Для этого мы избираемъ ту-же пятую рапсодію Илиады, отчасти уже намъ знакомую.

зеленое; вы, деревенщина грубая, стрѣла быстросмертельная, и пр. Есть также и много отдѣльных мѣстъ, отличающихся близостью къ языку разговорному, напр. описаніе, какъ стрѣлялъ Одиссей, XXII, 405, и т. д. допросъ Пенелопы, XIX, 215, и д.; рѣчь Телемака, II, 45, пр.

1. Въ оное время а) Аѳина Тидея великаго сыну б)
2. Крѣпость и смѣлость дала, да отличѣйшимъ онѣ между всѣми
3. Аргоса воями будетъ в) и громкую славу стяжаетъ.
4. Пламень ему отъ щита и шелома г) зажгла неугасный д).
5. Блескомъ подобной звѣздѣ той осенней, которая въ небѣ
6. Всѣхъ свѣтозарнѣе блещеть, омывшись въ волнахъ океана е).

Примѣчаніе: Всѣ слова и фразы, напечатанныя въ разрядку надъ чертой,—это слова и фразы, характеризующія стиль Гнѣдича; подъ чертой—стиль Ордынскаго.

а) Не напоминаетъ ли это выраженіе нѣсколько измѣненное другое выраженіе: «во время оно»? у Ордынскаго проще: «тутъ-то» (*ἐνθ' αὖ*).

б) Орд.: «Диомеду Тидеичу». Это руссизмъ, напрасно введенный. Греческое «Тидидъ» чѣмъ хуже русскаго «Тидеича»? Но первое умѣстно и національно для грека, второе же не національно, а потому—неумѣстно.

в) «Да будетъ» — славянизмъ. Орд.: «чтобы онѣ выказался». Но *iv' ἔχθηλος μετὰ πάντων ἕνεοιτο*—не лучше ли перевести: «чтобы онѣ сдѣлался выдающимся изъ всѣхъ грековъ,—отличился больше всѣхъ прочихъ».

г) «Шеломъ»—руссизмъ.

д) Орд.: «неусталый». То и другое—выраженія дѣланныя, искусственныя. Въ русскомъ языкѣ есть очень употребительное, можно сказать, ходячее выраженіе: «неугасимый» (неугасимая лампада).

е) Ст. 5 и 6, у Гнѣдича совершенно удачны и болѣе подходятъ къ поэтическому произведенію Гомера, чѣмъ болѣе прозаическій, холодный способъ выраженія у Орд.: «огонь, звѣздѣ осенней подобный, звѣздѣ, что всѣхъ ярче свѣтитъ, въ океанѣ испулавшись».

7. Пламень подобный зажгла вокругъ главы и
рамень Діомеда,
8. И устремила въ средину а), въ ужасное
брани волненье б).
9. Былъ въ Иліонѣ Даресь, непорочный священ-
никъ в) Гефеста,
10. Мужъ г) богатый и славный, и было у старца
два сына:
11. Храбрый Фегесь и Идеи, въ разнородныхъ искус-
ные битвахъ д).
12. Оба они, отдѣлясь, полетѣли противъ Діомеда е).
13. Но они на коняхъ: Діомедъ устремляется
пѣшій ж).
14. Только лишь стали сближаться, идущіе другъ про-
тивъ друга з),
15. Первый троянецъ Фегесь устремилъ и) длинно-
тѣнную пику.

а) Орд.: «судила его въ средину». Оба выраженія не-
удачны и темны; ὄρσε=направила.

б) Это выраженіе лучше, чѣмъ у Орд.: «туда, гдѣ
и уще ряды мѣшались» ὄθι πλείστοι κλονέοντο=туда, гдѣ наи-
болѣе битва кипѣла, гдѣ былъ самый разгаръ битвы.

в) Это слово въ христіанскомъ обществѣ употреби-
тельно объ извѣстныхъ только лицахъ. Поэтому—здѣсь оно
неумѣстно. «Жрецъ» здѣсь слово неизбѣжное.

г) Слово книжное, изъ церковно-славянскаго языка.
Оно и у Орд.

д) Лучше, чѣмъ у Орд.: «на всякое дѣло ратное го-
раздо».

е) Стихъ хорошій. У Орд.: «пустились супротивъ
Діомеда на коняхъ».

ж) У Орд. проще: «шелъ пѣшій» Οὐδ' ἀπό χθονός ὄρνωτο
πεζός=не просто «шелъ», а «бросился на врага по землѣ,
пѣшій».

з) «Идущіе другъ на друга»—ἐπ' ἀλλήλοισιν ἰόντες на-
ступаая другъ на друга.

и) У Орд. лучше—«пустилъ» (ποίησι).

16. Низко, блестящая жаломъ а) надъ лѣвымъ плечомъ б) Діомеда;
17. Мѣдь в) пронеслася, не ранивъ его; и воздвигнулся г) съ пикой;
18. Онъ и его ненапрасно копье изъ рукъ полетѣло д)
19. Въ грудь, межъ сосцевъ, поразилъ е) и противника сбиль съ колесницы ж).
20. Спрянулъ Идей з), побѣжалъ, колесницу и) прекрасную бросивъ;
21. Въ трепегъ сердца і) не смѣлъ защитить и уби-таго брата;
22. Онъ бы и самъ не избѣгъ отъ грозящаго чернаго рока к).
23. Но исторгнулъ Гефестъ л) и покрытаго мрач-ностью ночи ѓ)
24. Спасъ, да не вовсе отецъ сокрушится пе-чалью о дѣтяхъ.
25. Коней межъ тѣмъ изловивъ, Діомедъ, воеватель могучій,
26. Ввѣрилъ м) дружинѣ, да гонягъ къ судамъ многомѣстнымъ.

а) «Влестящ. жаломъ» соответствующихъ словъ въ подлинникѣ нѣтъ. Ἀχωνὴ ἔγχυτος = остріе копья, какъ у Ордынскаго.

б) Почему-же «не надъ рамомъ», какъ въ ст. 7. Непослѣдовательно!

в) т. е. остріе копья; см. сл. прим.

г) Орд. «пустился съ мѣдью» (мѣдь = мѣдныя деньги?) ἄρνωτο χαλκῶ = набросился съ мѣднымъ копьемъ:

д) Орд.: «не пбпусту копье изъ руки умчалось». У Гивѣдича переводъ лучше.

е) Угодило Фегею посередъ груди. Ἐζαλε = ранилъ.

ж) Орд. «сшибло съ коней» — неточно.

з) Орд.: «соскочилъ» (ἀπόρρισε) — лучше.

и) Слово «колесница» — славянизмъ. Оно есть и у Орд. Непослѣдовательно! Слѣдовало бы — «съ телѣги»!

і) Соответствующихъ словъ нѣтъ въ подлинникѣ.

к) Κῆρ μελαῖνα = черная, мрачная смерть. Орд.: «не ушелъ бы отъ керы черной», — Грецизмъ!

л) Орд.: «Гефестъ оборонилъ», ἔρωτο.

м) νόκτι καλύψας = закрывши темнымъ, какъ ночь, облакомъ.

н) Орд. лучше = «отдалъ дружинѣ».

26. Трояне.
27. Бодрые въ битвѣ до толъ, узрѣвъ, а) что Даресова чада—
28. Тотъ уstraшенный бѣжитъ, б), а другой съ колесницы низверженъ в);
29. Духомъ смутились всѣ г); и тогда Паллада Дѣнва
30. За руки взявши, воскликнула д) къ бурному богу Арею:
31. Бурный Арей, истребитель народовъ е), стѣвъ сокрушитель ж),
32. Кровью покрытый! з) Не бросимъ ли мы и) и Троянъ и Ахеянъ
33. спорить однихъ, да Кронидъ промыслитель имъ славу присудить і).
34. Сами-жъ съ полей не сойдемъ ли, да Зевсова гнѣва избѣгнемъ?
35. Такъ говоря, изъ сраженія вывела бурнаго бога,
36. И посадила его на возвышен. брегъ Скамандра к).

а) У Орд. тоже слово, — славянизмъ. Непослѣдовательно!
 б) Орд.: «тотъ увернулся» (ἀλευόμενον).
 в) Славянизмъ.
 г) Орд.: «помутилась у всѣхъ у нихъ душа». Выраженіе Гнѣдича, хотя и книжное, но лучше.

д) Орд.: «молвила» — προσήρδα = обратилась съ такой рѣчью, сказала ...

е) βροτολογέ у Орд.: переведено лучше: «пагуба смертныхъ» [хотя слово «смертный» принадлежит не простонародной рѣчи, а книжной].

ж) Выразительнѣе, чѣмъ у Орд.: «стѣвъ осаждагель» [τεχουπλήτα]; хотя это послѣднее опять есть выраженіе книжное, а непростонародное. Такой же характеръ книжности получаютъ всѣ почти гомеровскіе эпитеты, если ихъ переводить ближе къ подлиннику.

з) «Убійствомъ оскверненный» [μαφόνε], запачканный, занятнанный кровью.—Выраженіе у Орд. опять дѣланое!

и) У Орд.: «ужъ не покинуть ли намъ»? То и другое выраженія заимствованы изъ обыкновеннаго разговорнаго яз.!

і) «Да присудимъ» — не точно. Вѣрнѣе Орд.: «кому славу пошлетъ»... к) Орд.: «на муравистомъ Скамандрѣ».

Сдѣланнаго нами считаемъ достаточнымъ, чтобы показать, въ какой формѣ и съ какими задачами можетъ быть производимо, по назначенію учителя, сличеніе переводныхъ текстовъ, особенно для выясненія ихъ характера и отношенія къ подлиннику. Мы думаемъ, что такая работа, какъ она ни кажется мелочною, если её задавать ученикамъ въ небольшихъ размѣрахъ, будетъ для нихъ весьма производительна: она заставитъ ихъ задумываться надъ каждымъ словомъ, сличать нѣсколько текстовъ. Слѣдь этихъ размышленій и соображеній остается тотъ, что ученикъ разовьетъ въ себѣ необходимую ему наблюдательность, вдумчивость въ явленія языка, пріобрѣтетъ много литературнаго вкуса и навыка къ точному выраженію своихъ мыслей языкомъ образованнаго человѣка.

Для сличенія переводныхъ текстовъ съ подлинникомъ нѣтъ надобности останавливаться на переводахъ, которые трудно отыскать (какъ наприм. переводъ В. Н. Ордынскаго). Для этой цѣли можетъ служить цѣлая серія переводовъ классическихъ писателей прошлаго и начала настоящаго столѣтія, писателей, давно уже устарѣвшихъ по своему языку. Наконецъ, мы уже упоминали, что и въ современной намъ русской учебной литературѣ переводовъ древнихъ писателей расплодилось такъ много, что сдѣлалось трудно въ нихъ и разобраться! Большинство ихъ, впрочемъ, имѣютъ чисто рыночный, торговолубочно-промышленный характеръ, какая благодать для опытнаго преподавателя! Постараемся же и это зло превратить въ добро для нашихъ дѣтей!

А. Ляловъ.

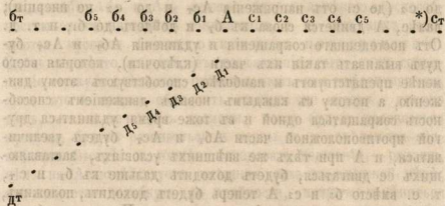
ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ ЗВУКОВЫХЪ ИЗМѢНЕНІЙ РЪЧИ ИЗМѢНЕНІЕМЪ РАБОТЪ ОРГАНОВЪ.

(Окончаніе).

Общія замѣчанія.

Въ главѣ „Раскрытіе рта и результаты этого движенія“ было уже указано, какимъ образомъ изъ простаго движенія раскрытія рта могли развиться всѣ тѣ разнообразныя движенія органовъ, которыя необходимы для артикуляціи звуковъ. Но такъ какъ разсужденія, высказанныя въ этой главѣ, представляютъ основаніе почти всего того, что до сихъ поръ говорилось, поэтому не будетъ излишне представить здѣсь эти разсужденія и болѣе отвлеченно, и болѣе точно и, на сколько возможно, понятно.

Предлагаемъ такой рисунокъ:

Здѣсь А означаетъ какую нибудь часть организма, напр., клѣточку или соединеніе клѣточекъ; кругомъ А находятся другія части организма, хотя бы и одинаковыя съ А, но такія, однако, которыя позволяли бы А двигаться по направленію къ бт и ст, т. е. двумъ противоположнымъ точкамъ отъ А. Пусть это движеніе происходитъ по какой либо, хотя бы внѣшней, причинѣ, напр., вслѣдствіе простаго давленія на эту часть; допустимъ, что это давленіе происходитъ въ одномъ направленіи, на одномъ мѣстѣ

*) Въмѣсто латинскихъ буквъ: А, b, c, d, m—здѣсь ошибочно напечатаны русскія: А, б, с, д, т; отъ этого суть дѣла, однако, ничуть не измѣняется.

и то усиливается, то ослабляется или прекращается совсѣмъ. Теперь, если по этой причинѣ А будетъ двигаться, то первоначально это движеніе будетъ сравнительно невелико и медленно, а потому инертность А будетъ невелика и будетъ производить самые ничтожные результаты на части, смежныя съ А. Когда же съ теченіемъ времени движеніе будетъ совершаться чаще и сильнѣе, то инертность А увеличится; тогда, если А двинется, положимъ, къ b_t и дойдетъ до b_3 (до b_2 отъ дѣйствія внѣшней, или какой другой силы, а далѣе по инерціи), то A_{c_t} (равное теперь b_{3c_t}) напряжется, и A_{b_t} (равное b_3b_t) ослабнетъ, поэтому А двинется къ c_t какъ бы сама по себѣ, помимо дѣйствія всякой другой внѣшней причины, и дойдетъ, положимъ, до c_2 (до c_1 отъ напряженія A_{c_t} и до c_2 по инерціи); далѣе, А двинется снова къ b_t и дойдетъ до b_1 , и т. д. Отъ постепеннаго сокращенія и удлиненія A_{b_t} и A_{c_t} будутъ выживать такія ихъ части (кѣточки), которыя всего менѣе препятствуютъ и наиболѣе способствуютъ этому движенію, а потому съ каждымъ новымъ движеніемъ способность сокращаться одной и въ тоже время удлиняться другой противоположной части A_{b_t} и A_{c_t} будетъ увеличиваться, и А при тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ, заставляющихъ ее двигаться, будетъ доходить далѣе къ b_t и c_t , т. е. вмѣсто b_3 и c_2 А теперь будетъ доходить, положимъ, до b_4 и c_3 , потомъ до b_5 и c_4 , и т. д. И эта способность останется и тогда, когда причины, ее вызвавшія, ослабнутъ или совсѣмъ исчезнутъ и замѣнятся другими.

Когда А будетъ доходить, положимъ, до b_4 , A_{c_t} будетъ стремиться сократиться съ того мѣста, до котораго А доходило предъ этимъ раньше, т. е. съ b_3 ; поэтому сокращеніе A_{b_t} будетъ вызывать сокращеніе A_{c_t} раньше, чѣмъ А доходило бы до той точки, до которой оно можетъ дойти вслѣдствіе дѣйствія внѣшней силы, вслѣдствіе инертности А и вслѣдствіе противодѣйствія (напряженія) A_{c_t} , — А не будетъ теперь подвигаться все далѣе и далѣе съ относительною силою и быстротою, такъ какъ къ простому напряженію A_{c_t} будетъ все болѣе и болѣе прибавляться еще способность этой части сокращаться; и хотя А и такъ мо-

жетъ доходить только до извѣстныхъ предѣловъ, на сколько этому не будутъ препятствовать другія части организма, все-таки увеличивающаяся способность одной части къ сокращенію будетъ позволять двигаться A въ противоположную сторону только до извѣстнаго мѣста, ближе того, до чего она могла бы дойти, если бы не было сокращаемости. Въ числѣ движеній, которыя будутъ происходить послѣ этого, одни будутъ больше, а другія меньше, а напряженіе Ab_t и Ac_t будутъ только при самыхъ большихъ, поэтому громадное большинство случаевъ будетъ такое, когда A будетъ двигаться въ обратную сторону только вслѣдствіе одного сокращенія извѣстной части, безъ ея напряженія. Отсюда слѣдуетъ, что съ теченіемъ времени простое удлиненіе и напряженіе Ab_t и Ac_t должно будетъ замѣниться способностью этихъ частей къ сокращенію, т. е. изъ нихъ разовьются мускулы (антагонисты въ пространствѣ). Здѣсь не мѣсто входить въ разъясненіе того, какъ сокращеніе мускула сдѣлается произвольнымъ или рефлексивнымъ, хотя это и можно объяснить такимъ же путемъ, именно тѣмъ, что съ теченіемъ времени, когда будутъ развиваться мускулы, будутъ развиваться и нервы, т. е. сдѣлаются способными быстрѣе и точнѣе передавать движеніе,—раньше, чѣмъ на A подѣйствуетъ внѣшняя сила въ прежней мѣрѣ; она можетъ ослабнуть до крайности, можетъ замѣниться другою, а способность сокращаться все-таки останется и будетъ вызываться причинами, несравненно слабѣйшими первоначальныхъ и, повидимому, не имѣющихъ съ ними ничего общаго.

Вслѣдствіе большей сокращаемости Ab_t и Ac_t части ихъ (клеточки) будутъ по инертности стремиться остаться ближе къ b_t и c_t , потому что если A двинется съ b_4 къ c_t съ силою, равною b_4c_3 , то отойдетъ отъ c_3 только съ силою c_3b_2 . Изъ этого слѣдуетъ, что части частей Ab_t и Ac_t могутъ при обратномъ движеніи A отодвигаться меньше того, на сколько онѣ придвинулись къ b_t и c_t , а потому сокращенное состояніе мускула по инертности будетъ продолжаться дольше того, сколько A двигалось въ ту и другую сторону; при частыхъ и сильныхъ движеніяхъ A

сокращенное состояніе Ab_t и Ac_t можетъ не прерываться, слѣдовательно явится тоническое состояніе мускуловъ, т. е. постоянная работа того и другого. Кромѣ того, такъ какъ при движеніи A отъ b_t или c_t , т. е. при „обратномъ“ движеніи, остаются ближе къ b_t или c_t только тѣ части, которыя хотя и придвинулись къ b_t или c_t вмѣстѣ съ A , но не получили обратнаго толчка, то слѣдовательно, наиболѣе утолщенная и способная къ сокращенію часть мускула (головка) будетъ находиться ближе къ началу (b_t или c_t), а не къ мѣсту прикрѣпленія (A), гдѣ находится хвостъ мышцы. Впрочемъ, это зависитъ также отъ силы и быстроты движеній, какъ и длина той и другой мышцы: чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе толчокъ, тѣмъ A двинется дальше, и чѣмъ энергичнѣе, тѣмъ сдавленность (сокращенность) смежныхъ частей будетъ больше.

Положимъ, что внѣшняя сила заставляетъ двигаться A къ b_t ; въ такомъ случаѣ, какъ это не трудно вывести изъ сказаннаго выше, будетъ происходить такое соотносительное развитіе Ab_t и Ac_t : 1) прежде всего сильнѣе будетъ развиваться Ab_t ; 2) развитіе Ab_t будетъ вызывать развитіе Ac_t , пока они не будутъ равны; 3) развитіе Ab_t , быстро шедшее сначала, будетъ ослабѣвать, но все-таки продолжится до тѣхъ поръ, пока длина и сокращаемость Ab_t не будутъ болѣе или менѣе приноровлены къ дѣйствию внѣшней силы; 4) развитіе Ac_t будетъ увеличиваться и и отодвинетъ на второй планъ развитіе Ab_t .

Не мѣшаетъ къ уясненію сейчасъ сказаннаго обратить вниманіе на то, что съ увеличеніемъ силы и быстроты сокращенія Ab_t и Ac_t A вслѣдствіе своей инертности не будетъ въ соответствующей степени сразу подвигаться дальше, — сперва ея движеніе все-таки попрежнему будетъ довольно медленно, а между тѣмъ на столько же ускоренное и усиленное сокращеніе противоположной мышцы потянетъ A уже обратно, и A не дойдетъ до того мѣста, до котораго дошло бы при болѣе медленной работѣ.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ можетъ получиться A , какъ нѣчто отдѣльное отъ окружающаго, и вслѣдствіе какихъ причинъ оно можетъ двигаться. Во-пер-

выхъ, А можетъ находиться снаружи и быть прямо точкой приложенія внѣшней силы; когда же при такихъ условіяхъ разовьются $Аб_т$ и $Ас_т$, то сила можетъ дѣйствовать на $с_т$, — въ такомъ случаѣ $Ас_т$ ослабѣваетъ и А двигается къ $б_т$ уже вслѣдствіе сокращенія $Аб_т$, такъ что сокращаемость $Аб_т$ замѣнитъ внѣшнюю силу; во-вторыхъ, А можетъ получиться и въ томъ случаѣ, если сила будетъ дѣйствовать на $с_т$, — именно, при движеніи $с_т$ къ $б_т$ части, ближайшія къ $с_т$, будутъ сдавливаться, а потомъ, вслѣдствіе упругости, двигаться обратно, тогда какъ нѣкоторая, наиболѣе отдаленная часть, хотя и получитъ толчокъ къ $б_т$, но этотъ толчокъ будетъ слабѣе, а потому упругость смежныхъ частей меньше, и слѣдовательно обратнаго движенія этой части или совсѣмъ не будетъ, или оно будетъ очень незначительно и наступитъ сравнительно поздно, такъ что движеніе этой части не будетъ совпадать съ движеніемъ $с_т$, т. е. эта часть станетъ въ условія А. Нѣчто подобное происходитъ въ томъ случаѣ, если ударять по куску дерева, при чемъ тѣ слои дерева, по которымъ ударяли, даже отдѣляются совсѣмъ. То же самое мы найдемъ въ звуковыхъ волнахъ.

Теперь, что касается развитія двухъ параллельныхъ (или почти параллельныхъ) мышцъ, антагонистовъ во времени, то его можно представить себѣ такъ: такъ какъ А при своемъ движеніи къ $б_т$ ослабляетъ не только $Аб_т$, а также и $Ад_т$, то и эта часть должна также развиваться и сдѣлаться мускуломъ; когда А двинется къ $б_т$, то $Ад_т$ сократится меньше (по интенсивности), чѣмъ $Аб_т$, и если А придетъ, положимъ, въ $б_з$, — $Ад_т$ сократится на $Ад_у$, равное $Аб_у$ ($Аб_т : Аб_з = Ад_т : Ад_з$; положимъ, $Ад_з$); $Аб_т$, значитъ, уложится на $б_т б_з$, а $Ад_т$ на $д_т д_з$. Когда же А дойдетъ послѣ этого до $с_з$, то $Ад_т$ удлинится также относительно меньше, чѣмъ $Аб_т$. Отсюда развитіе $Аб_т$ и $Ад_т$ не будетъ все время идти параллельно другъ другу: когда $Аб_т$ дойдетъ до своего maximum'a, $Ад_т$ будетъ развиваться дальше и порознь отъ $Аб_т$, т. е. явятся два мускула, антагониста во времени. И такое развитіе возможно особенно тогда, когда вслѣдствіе

измѣненія относительнаго положенія А къ б_т, с_т и д_т, или же вслѣдствіе какихъ либо другихъ причинъ, А будетъ двигаться то по направленію къ б_т, то къ д_т, при чемъ то Аб_т будетъ больше сокращаться, чѣмъ Ад_т, то наоборотъ. Однимъ словомъ, развитіе двухъ мышцъ, дѣйствующихъ параллельно, или подъ угломъ, происходитъ точно такимъ же образомъ, какъ и развитіе мышцъ, дѣйствующихъ противоположно другъ другу.

Если сравнимъ теперь сказанное сейчасъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ дѣйствительномъ устройствѣ органовъ рѣчи, то увидимъ, что прежде всего на мѣстѣ А можно поставить нижнюю челюсть, тѣмъ болѣе, что раскрытіе рта, т. е. движеніе нижней челюсти, мы приняли за основное движеніе при артикуляціи *) звуковъ. Далѣе, на мѣстѣ А станутъ подъязычная кость и языкъ, а нижняя челюсть будетъ уже на мѣстѣ с_т. Вслѣдъ за тѣмъ на мѣстѣ с_т станетъ подъязычная кость, а щитовидный хрящъ займетъ мѣсто А, пока, наконецъ, этотъ хрящъ самъ не будетъ с_т для гортанныхъ мускуловъ, у которыхъ мѣсто А займутъ хрящи пирамидальные... Здѣсь сходство такъ ясно, что найти, напр., мѣста для б_т или д_т въ общемъ расположеніи органовъ рѣчи для читателя не представитъ особенныхъ трудностей, поэтому вступать въ болѣе подробныя указанія будетъ излишне,—тѣмъ болѣе, что и ранѣе, въ главѣ „раскрытіе рта и результаты этого движенія“, сказано объ этомъ достаточно. Нелишне будетъ только упомянуть, что лучше было бы по общему ходу измѣненій органовъ третью группу мускуловъ назвать первой и первую третьей, а не наоборотъ, какъ это сдѣлано ранѣе.

*) Хотя терминъ «артикуляція» еще недостаточно хорошо выяснился въ фонетикѣ, но не мѣшало бы точнѣе примѣнять его въ томъ случаѣ, когда говорится о движеніи органовъ, а не о работѣ, т. е. о количествѣ мускульной силы, необходимой для даннаго движенія, или артикуляціи;—ясно, что это не все равно

З а к л ю ч е н і е.

Все сказанное выше требуетъ, конечно, болѣе точныхъ и всестороннихъ изслѣдованій, и не книжныхъ по преимуществу, а наблюденій надъ живымъ языкомъ, такъ какъ большинство книжныхъ фактовъ вполне подходитъ подъ тѣ выводы, которые здѣсь изложены, и такъ какъ живой языкъ даетъ гораздо больше и болѣе точныхъ фактовъ для провѣрки и подтвержденія сказаннаго, что нами и было уже замѣчено. Если же и могутъ встрѣтиться единичныя исключенія, то въ большинствѣ случаевъ причина ихъ бываетъ сторонняя, не фонетическая, такъ какъ въ языкѣ кромѣ физическихъ факторовъ и законовъ есть еще факторы психическіе, кромѣ анатомо-фізіологіи есть еще акустика, морфологія, семасіологія и даже еще графика; однимъ словомъ, явился звукъ, сталъ словомъ, стали развиваться и способности, отъ которыхъ зависитъ употребленіе языка, а отъ развитія этихъ способностей не могъ не развиваться и языкъ, уже не подъ вліяніемъ только физическихъ законовъ артикуляціи, а и нѣкоторыхъ другихъ; между тѣмъ мы ограничились здѣсь только разборомъ первыхъ, т. е. физическихъ или фонетическихъ.

Изъ того, что физическіе законы постоянны и однообразны и что вслѣдствіе этого фонетическія измѣненія звуковъ строго опредѣленны, слѣдуетъ, что если-бъ намъ удалось открыть эту опредѣленность въ извѣстныхъ намъ звуковыхъ измѣненіяхъ, то это помогло бы намъ воспроизвести тѣ измѣненія, какія теперь совсѣмъ неизвѣстны. Очень можетъ быть, что раньше звуки и ихъ измѣненія, находясь въ иныхъ условіяхъ среды, въ которой они проявились, были съ той и другой стороны совсѣмъ непохожи на современные, но все-таки, не смотря на это, мы хотя въ общихъ чертахъ могли бы показать, какимъ путемъ развивался членораздѣльный звукъ, если-бъ узнали, подъ вліяніемъ какихъ постоянныхъ причинъ и какъ совершаются извѣстныя намъ звуковыя измѣненія. Кромѣ того, если-бъ намъ удалось объяснить это, мы могли бы судить и о томъ, какимъ образомъ та или другая работа органовъ дѣйствовала на са-

мые органы, и какимъ образомъ они вслѣдствіе этого измѣнялись, развивались и снова заставляли измѣняться звукъ. Наконецъ, хотя и въ гораздо меньшей степени, мы могли бы судить и о развитіи органа слуха, а также и о способности и способѣ человѣка придавать звукамъ значеніе, т. е. превращать ихъ въ слова. Нельзя, конечно, отрицать, что акустическая и семазіологическая стороны звука не имѣли также громаднаго значенія въ исторіи его развитія, но дѣло въ томъ, что онѣ стоятъ особнякомъ отъ первой упомянутой нами причины звуковыхъ измѣненій, такъ какъ являются не внутренними причинами развитія звука, а внѣшними, которыя дѣйствуютъ на звукъ, уже развившійся подъ вліяніемъ причинъ фонетическихъ.

Извѣстно, что раньше, въ началѣ происхожденія рѣчи, а также и въ болѣе поздніе періоды ея развитія, звуки далеко не были, да и не могли быть такъ разнообразны, какъ теперь; даже за тотъ періодъ времени, отъ котораго мы имѣемъ письменные памятники, число звуковъ могло значительно увеличиться, хотя можетъ быть они стали и не такъ рѣзко отличаться другъ отъ друга; впрочемъ, такъ можно говорить только тогда, когда мы будемъ представлять ихъ въ одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, при одинаковомъ развитіи уха; если же мы примемъ во вниманіе, что вмѣстѣ съ развитіемъ рѣчи развивался и органъ слуха, т. е. становился болѣе способнымъ различать болѣе тонкіе оттѣнки звуковъ, то въ такомъ случаѣ выйдетъ, что не смотря на меньшую разницу между современными звуками, она замѣтнѣе, чѣмъ даже прежняя болѣе рѣзкая разница; отсюда слѣдуетъ, что мы вообще можемъ говорить, что современные звуки разнообразнѣе и числомъ ихъ стало больше, чѣмъ это было раньше; конечно, мы можемъ говорить такъ даже въ томъ случаѣ, если бъ оказалось, что въ старинныхъ памятникахъ буквъ было больше, и даже тогда, когда тамъ нашлись бы буквы, означавшія звуки, которые теперь не встрѣчаются, — потому что можетъ быть вмѣсто нѣсколькихъ такихъ звуковъ у насъ явилось большее число другихъ, преимущественно промежуточныхъ, которые теперь ничуть не хуже играютъ роль въ рѣчи, чѣмъ это дѣлали раньше край-

нѣ звуки съ болѣе рѣзкими акустическими или физиологическими признаками. Изъ всего сейчасъ сказаннаго можно вывести, что мы должны допустить одну такую нибудь основную артикуляцію звука, изъ которой развились всѣ другія артикуляціи; за такую артикуляцію можно принять простое раскрытіе рта, такъ какъ безъ этого мы не можемъ себѣ рта и представить; и вѣтъ изъ этого, сравнительно простаго движенія органовъ, при частомъ его повтореніи и при разныхъ условіяхъ могли явиться всѣ тѣ разнообразныя движенія развивавшихся вмѣстѣ съ этимъ органовъ, которыя (движенія) и составляютъ главную причину акустическихъ различій звуковъ; но раскрытіе рта понятіе слишкомъ обширное и сюда вовсе не входятъ тѣ частности артикуляціи, отъ которыхъ преимущественно зависитъ члено-раздѣльная рѣчь; поэтому, если мы и допустили первоначальную, основную артикуляцію, изъ которой могли явиться всѣ движенія, необходимыя для звуковъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что должны также допустить и первоначальный, основной звукъ, — рѣчь могла развиться постепенно, рядомъ съ постепеннымъ развитіемъ органовъ, отъ которыхъ зависитъ ея физиологическая сторона, — такъ что сказать, каковы были первоначальные звуки, очень трудно, — тѣмъ болѣе трудно, что намъ уже совсѣмъ мало извѣстны акустическія и семасіологическія условія первоначальнаго возникновенія рѣчи. Поэтому выше мы не говорили о томъ, какова была первоначальная рѣчь, а указывали и объясняли извѣстныя намъ звуковыя явленія, аналогичныя тѣмъ, каковы должны были быть въ началѣ образованія рѣчи и ея развитія. Это, однако, не можетъ намъ помѣшать представить себѣ въ общихъ чертахъ и понять общій ходъ развитія члено-раздѣльной рѣчи въ томъ видѣ, какъ это представлено выше.

Хотя нельзя не сознаться, что изложеніе здѣсь страдаетъ значительною краткостью, но не желательно, чтобъ вслѣдствіе этого и самые выводы показались кому нибудь поверхностными. Конечно, нельзя не думать, что многое здѣсь придется измѣнить, дополнить или разъяснить, но избѣжать этого въ подобныхъ работахъ очень трудно. Въ крайнемъ случаѣ наша цѣль была бы достигнута, если-бъ при изуче-

ни языка и всѣхъ органовъ рѣчи стали говорить о томъ, какое значеніе имѣетъ ихъ строеніе, и если-бъ при изученіи звуковыхъ явленій говорилось и объ органахъ, результатомъ работъ которыхъ является членораздѣльная рѣчь. Нельзя не видѣть, какая громадная научная польза вышла бы отъ такого объединенія. Правда, за послѣднее время были весьма значительныя попытки къ такому объединенію, но все-таки онѣ еще очень незначительны. Остается только пожелать, чтобы подобныя попытки не прекращались и не уменьшались.

А. Камскій.

ЗНАЧЕНИЕ ГОМУНКУЛА ВЪ «ФАУСТЪ» ГЕТЕ.

Трагедія «Фаустъ» прославилась столько же своими чудными красотами, сколько и трудностями, почти неодолимыми даже для образованнаго нѣмца. Поэта справедливо упрекали за то, что онъ далъ слишкомъ много мѣста символамъ, особенно во второй части, гдѣ они подавляютъ, отуманиваютъ читателя и превращаютъ поэтическое произведеніе въ цѣль непонятныхъ іероглифовъ.

Къ наиболѣе труднымъ мѣстамъ относятъ тѣ сцены, въ которыхъ является Гомункулъ. Объясненія комментаторовъ до того сбивчивы и натянуты, что не только не облегчаютъ, а иногда даже затрудняютъ пониманіе текста. Дюнцеръ, напримѣръ, видитъ въ Гомункулѣ символъ стремленія Фауста въ идеально-прекрасный міръ античнаго искусства: поэтому-де Гомункулъ сопровождалъ героя на классическій шабашъ и долженъ былъ исчезнуть, лишь только Фаустъ достигъ своей цѣли: такъ исчезаетъ всякое стремленіе, когда мы овладѣемъ желаннымъ предметомъ. Удивительная гипотеза! Не странно-ли, что стремленія Фауста отдѣлены отъ его личности, посажены въ стеклянку и олицетворяются существомъ, которое покидаетъ своего господина и дѣйствуетъ совершенно самостоятельно? Не странно-ли, что это существо создаютъ Мефистофель и Вагнеръ, не имѣющіе ничего общаго ни съ идеальнымъ міромъ, ни съ любовью героя къ прекрасному?

Намъ кажется, что ларчикъ открытъ не трудно: стоитъ только держаться твердой почвы фактовъ и избѣгать натяжекъ.

Бросимъ взглядъ на событія жизни Фауста, предшествовавшія появленію Гомункула. — Погубивъ Грехенъ, герой понялъ весь вредъ своей необузданности, понялъ, что жизнь—благо, что человѣкъ живетъ для человѣка, и что земля, производящая существа, подоб-

ныя Маргаритъ,—существа, полныя смиренія и безграничной любви, достойна стать ареною великой дѣятельности. Теперь онъ хочетъ жить для блага человечества и посѣщаетъ дворъ императора, надѣясь найти здѣсь широкое поприще для исполненія своихъ альтруистическихъ плановъ. Но государству грозитъ революція; общество слишкомъ развращено; здѣсь хорошо только Мефистофелю, обольстившему всѣхъ ассигнаціями, а для Фауста закрыта политическая сфера. Что же ему дѣлать? Въ эпохи общественнаго упадка, сильные умы выбираютъ себѣ другіе пути и работаютъ въ области науки и искусства: такъ, напримѣръ, разложеніе римскаго государства совпало съ золотымъ вѣкомъ литературы; послѣдніе годы стараго порядка во Франціи были ознаменованы блистательною дѣятельностью Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ. Такъ же долженъ поступить и Фаустъ. Мы видимъ его въ прежнемъ профессорскомъ кабинетѣ. Герой погруженъ въ міръ искусства. Идеаломъ красоты является дивная Елена, которую Фаустъ ищетъ среди призраковъ античнаго міра, собранныхъ на Фарсальской равнинѣ: эти поиски означаютъ серьезное, всестороннее изученіе классическаго искусства. Новыя занятія разовьютъ духовныя силы героя; искусство покажетъ ему тайну воплощенія безконечнаго въ конечномъ, идеальнаго въ реальномъ и окончательно убѣдитъ его въ необходимости и разумности границъ. Фаустъ долженъ былъ пройти эту ступень развитія, которой требовалъ ходъ дѣла и желалъ Гете, какъ поэтъ, высоко ставившій искусство.

Но у героя есть и другія цѣли. Онъ стоитъ на высотѣ современной науки и интересуется ея высшими задачами. Уже присутствіе бакалавра, ярого поклонника Фихте, указываетъ на то, что въ тихой кельѣ Фауста рѣшались вопросы, волновавшіе современныхъ Гете философовъ. Самое возвращеніе въ рабочій кабинетъ ясно говоритъ намъ о намѣреніи героя снова начать жизнь серьезнаго ученаго; въ этомъ убѣждать насъ и самъ поэтъ, посвятившій научнымъ вопросамъ зна-

чительную часть второго акта: если-бы они не интересовали Фауста, то единство трагедіи было бы нарушено такимъ неумѣстнымъ вторженіемъ въ чуждую поэзіи область. Въ наукѣ конца XVIII и начала XIX вѣка существовали двѣ теоріи относительно предмета необыкновенной важности, а именно образованія земной коры и тѣсно связаннаго съ нею возникновенія и развитія органической жизни. Вулканисты объясняли происхожденіе коры дѣйствіемъ подземнаго огня. Нептунисты считали основнымъ слоемъ почвы гранитъ, на которомъ, при участіи воздуха и воды, постепенно произошли всѣ позднѣйшіе слои, благоприятные для жизни; вулканическимъ же переворотамъ приписывалось второстепенное значеніе. Гете, врагъ всего насильственнаго, внезапнаго, стоялъ за идею постепеннаго развитія и былъ яркимъ нептунистомъ. Въ своей трагедіи онъ осмѣялъ теорію вулканистовъ, готовую поставить вверхъ дномъ всю вселенную и пригодную развѣ только для чертей; по крайней мѣрѣ, Мефистофель пользуется ею по-своему: Богъ-де заключилъ демоновъ въ центръ земли, область вѣчнаго огня; палимые имъ, они стали охатъ съ такою силою, что твердая кора треснула, вылившаяся масса измѣнила земную поверхность, адское дно оказалось наверху, и заключенные въ аду черти вырвались на свободу; самъ Мефистофель былъ при этомъ и видѣлъ Молоха, который строилъ скалы и разбрасывалъ ихъ по землѣ; мудрецы не вѣрятъ и смѣются, но простой народъ знаетъ чортовы камни и мосты (то-есть даетъ имъ такое названіе) и, стало быть, имѣетъ болѣе вѣрный взглядъ на вещи (см. I сцену IV-го акта).

Фаустъ, конечно, нептунистъ, и поэтъ вводитъ его въ научные споры объ этомъ предметѣ съ помощію Гомункула. Нужно было найти пробный камень и на немъ испытать достоинство той и другой теоріи; нужно было взять зародышъ и рассмотретьъ, на кабомъ пути, нептуническомъ или вулканическомъ, онъ достигнетъ надлежащаго развитія. Откуда же взять такое существо?

Средніе вѣка, давніе поэты такъ много матеріала, доставили два способа для рѣшенія этой задачи. Во-первыхъ, народныя повѣрья говорятъ о стихійныхъ существахъ, занимающихъ середину между человѣкомъ и духомъ: это — жители земли — инкубы или кобальды, воды — нимфы или ундины, воздуха — сільфы и огня — саламандры. Трагедія упоминаетъ о нихъ вѣсколько разъ, напр. въ первомъ монологѣ, въ сценѣ за городскими воротами, въ сценѣ заклинанія пуделя; эти полулюди — полудухи подчинены Мефистофелю и, по его приказу, навѣваютъ на Фауста плѣвительный сонъ. Во-вторыхъ, средневѣковые алхимики пытались искусственно создать человѣка путемъ химическаго соединенія разныхъ веществъ; они вѣрили, что такіе «человѣчки» (*homunculi*), обязанные своимъ существованіемъ тайному искусству, должны обладать таинственнымъ вѣдніемъ. Гете соединилъ оба повѣрья и создалъ Гомункула, тѣло котораго склеено изъ разныхъ веществъ, а одушевлено сидящимъ въ немъ стихійнымъ духомъ. Кто же родители этого страннаго существа? Конечно, Мефистофель и Вагнеръ: первый далъ душу, второй — тѣло. Только педанту Вагнеру, благоговѣвшему передъ средневѣковою наукой и считавшему разрѣшимыми всѣ алхимическія задачи, могла притти въ голову сумасбродная идея создать человѣка путемъ алхиміи. Кромѣ того, Гете имѣлъ и другую причину засадить за такую работу Вагнера: онъ хотѣлъ осмѣять одного ученаго современника своего, Юанна Якова Вагнера, который думалъ, что химія когда-нибудь создастъ организмъ съ помощію кристаллизаціи: сходство именъ пришлось, какъ нельзя болѣе, кстати. Такимъ образомъ является Гомункулъ, существо несовершенное и по духу и по тѣлу, механизмъ, желающій сдѣлаться организмомъ, пробный камень для испытанія достоинства научныхъ теорій: онъ сопровождаетъ Фауста, хочетъ стать настоящимъ человѣкомъ и достигаетъ своей цѣли на пути нештуническомъ; странствованія его и постепенное развитіе символически представляютъ разработку живо

трепещущихъ научныхъ вопросовъ, предпринятую самимъ Фаустомъ.

Теперь мы рассмотримъ всѣ сцены, гдѣ выведенъ Гомункулъ: онѣ вполнѣ подтвердятъ наше объясненіе.

Вагнеръ сидитъ въ своей лабораторіи и пристально смотритъ въ реторту. Вдругъ въ стеклянкѣ что-то заблестѣло. Вошедшій Мефистофель не долженъ даже дышать, чтобы не погубить столь нѣжнаго существа. Хитрецъ смѣется, говоря, что въ своихъ путешествіяхъ встрѣчалъ кристаллизованныхъ людей (таковъ, конечно, самъ Вагнеръ, въ идеяхъ котораго не было ничего органическаго), и, чтобы пошутить надъ педантомъ, сажаетъ въ реторту стихійнаго духа: стеклянка зазвучала, и въ ней появился человѣчекъ, насмѣшливо называющій алхимика папашей, а Мефистофеля кузеномъ: стихійные духи причислялись къ темнымъ силамъ. Новое существо не имѣетъ настоящаго тѣла и стѣснено стеклянкой, но зато, какъ сказано выше, обладаетъ таинственными знаніями (эта побочная черта внесена только для полноты представленія). Поэтому Вагнеръ спрашиваетъ вѣщаго Гомункула о загадочной связи души и тѣла, а Мефистофель, предвидя роль этого малютки въ занятіяхъ Фауста, отворяетъ дверь въ сосѣднюю комнату, гдѣ герой грезитъ о чудныхъ образахъ античнаго искусства. Вѣщій Гомункулъ разгадалъ эти грезы, грезы о прекрасной матери Елены, Ледѣ, соединившейся съ лебедемъ-Зевсомъ. Онъ хочетъ жизни, стремится къ органическому развитію, и поэтому ему противна окружающая его нелѣпая средне-вѣковая обстановка, хотя онъ и способенъ примѣняться къ обстоятельствамъ, какъ неопредѣлившійся еще зародышъ; тѣмъ болѣе тяжела она герою, очарованному античнымъ міромъ. Кто хочетъ достигнуть цѣли, долженъ дѣйствовать въ соответствующей сферѣ, и потому Фаусту нужно посѣтить Грецію, а именно окрестности Фарсала: здѣсь нѣкогда Цезарь побѣдилъ Помпея (48 г. до Р. X.), и съ этого рокового момента началось паденіе античнаго міра; поэтому въ годовщину боя сюда собираются

всѣ призраки греческой мнѳологіи, чтобы повеселиться въ послѣдній разъ и затѣмъ оплакать свою погибель. Это торжество происходитъ въ такъ называемую классическую Вальпургіеву ночь. Гомункулъ ѣдетъ вмѣстѣ съ Фаустомъ, чтобы отыскать точку надъ *i*, превращающую простой штрихъ въ букву, тоестъ ему нужно развиться и стать настоящимъ существомъ.

«Классическая Вальпургіева ночь» показываетъ постепенное развитіе греческаго искусства и рѣшаетъ споръ непунистовъ съ вулканистами; страствованія Фауста въ поискахъ за Еленой и Гомункула въ надеждѣ на дообразование означаютъ предпринятую героемъ серьезную разработку эстетическихъ и научныхъ вопросовъ, при чемъ первые имѣютъ для него важнѣйшее значеніе: вотъ причина, почему онъ занятъ Еленою гораздо болѣе, чѣмъ Гомункуломъ. Мы займемся только тѣмъ, что касается упомянутыхъ вами теорій, и потому прямо обратимся къ сценамъ, происходящимъ у верховьевъ рѣки Пеней.

Богъ землетрясенія, вулканистъ Сеисмосъ, въ одну минуту выстроилъ здѣсь высокую гору и надѣется вызвать на ней веселую жизнь. Дѣйствительно, изъ разрытой и обезображенной поверхности земли показались новорожденные существа. Но все это ужасная дрянь, которая не дѣлаетъ чести своему создателю: во-первыхъ, пигмеи (люди ростомъ съ кулакъ), во вторыхъ, дактили (люди съ палецъ) и, въ третьихъ, муравьи. Эта мелюзга замышляетъ избіеніе водяныхъ птицъ, сторонницъ непунизма. Цапли перебиты, но Ивиковы журавли, возмущенные этимъ злодѣяніемъ не меньше, чѣмъ насильственною смертью прославленнаго Шиллеромъ поэта, разлетаются съ страшнымъ крикомъ и призываютъ къ мести за погибшихъ. Итакъ непунисты побѣждены, но посмотримъ, что будетъ дальше: вѣдь конецъ вѣнчаетъ дѣло. Мы видимъ, что, по крайней мѣрѣ, всѣ старожилы стоятъ на сторонѣ непунистовъ: напр. сирены славятъ спасительную силу воды; мудрые, серьезные сфинксы, представители вѣчной, чисто еги-

петской неподвижности, не боятся сердитаго Сеисмоса и спокойно остаются на мѣстѣ; горная нимфа (ореада) авторитетно говоритъ, что новая вулканическая гора не похожа на скалы вѣчнаго Пинда, видѣвшія бѣгство великаго Помпея: она—пустой призракъ, который исчезнетъ при первомъ крикѣ пѣтуховъ.

Появленіе горы привлекаетъ двухъ философовъ и дѣлается причиною горячаго спора. Первый, Фалесъ, признававшій воду началомъ вещей, является защитникомъ вептунизма. Второй, Анаксагоръ, изучалъ землетрясенія и метеоры, и потому стоитъ на сторонѣ противной партіи. Фалесъ уступчивъ, но что же дѣлать, если его упрямый противникъ твердъ, какъ скала, которая отбрасываетъ даже обнимающія ее волны! Вѣдь только изъ влажнаго, сырого возникаетъ жизнь; природа чужда насилія и идетъ впередъ медленно, постепенно; вулканическія образованія, подобныя этой новой горѣ, имѣютъ мало значенія и не нарушаютъ всеобщей правильности. Но упрямый Анаксагоръ всюду видитъ дѣйствіе подземнаго воздуха и огня, увѣренъ въ возможности быстрыхъ переворотовъ и ссылается на появленіе горы, которую невозможно же вывести въ одну ночь изъ ила. Этотъ фанатикъ вулканизма любитъ все, что связано съ его теоріей. Споръ философовъ привлекъ Гомункула, желающаго узнать отъ нихъ, когда и какъ разбить стѣснительное стекло и сдѣлаться человекомъ. Анаксагоръ любитъ на новыхъ обитателей и намѣренъ дать короля этой мелюзгѣ; карликъ Гомункулъ, скромно сидящій въ своей стеклянной кельѣ, кажется ему вполне пригоднымъ для этой роли. Но проницательный Фалесъ не совѣтуетъ связываться съ такою дрянью: съ малыми можно исполнить только малыя дѣла, а съ великими великъ будетъ и малый; кромѣ того, пигмеи, дактили и муравьи скоро погибнуть: вотъ уже приближаются мстительные журавли, которые истребятъ этихъ застрѣльчиковъ вулканизма. Чтобы спасти своихъ любимцевъ, Анаксагоръ, огорченный полнымъ равнодушіемъ къ нимъ вулканическихъ силъ, проситъ

помощи у луны; онъ вѣритъ преданію, что Тессалійскія вѣдьмы сводили чарами мѣсяць, не сомнѣвается въ успѣхъ своихъ заклинаній и уже видитъ нисходящій, пламенѣющій гнѣвомъ ликъ Гекаты; ужаснувшись послѣдствій своей мольбы, боясь за море и землю, помѣшанный фантазеръ падаетъ ницъ. Но упала не луна, а громадный аэролитъ, подавившій пигмеевъ и совершенно измѣнившій форму горы. Поэтъ нарочно вставилъ этотъ эпизодъ, насмѣшливо противопоставляя вулканистамъ другую, столь же нелѣпую, теорію образованія горъ съ помощію аэролитовъ. Умный Фалесъ считаетъ все происшедшее призракомъ и совѣтуетъ Гомункулу махнуть рукою на этотъ вздоръ и отправиться на морской праздникъ, гдѣ малютка можетъ достигнуть своей цѣли.

Такимъ образомъ осмѣяна теорія вулканистовъ: всѣ усилія Сеисмоса образовать гору и дать ей обитателей кончились пустяками; Анаксагоръ оказался сумасбродомъ, у котораго нечему было научиться.

Дальнѣйшія сцены показываютъ намъ полное торжество нептунизма. Поэтъ ведетъ насъ къ устью Пеней и скалистымъ бухтамъ Эгейскаго моря. Тамъ ежегодно происходитъ чудный праздникъ по случаю пришествія морской красавицы Галатеи. Для ея встрѣчи собрались всѣ морскія существа, и по ихъ породамъ можно судить о разумномъ и постепенномъ ходѣ развитія органической жизни, которая начинается на морѣ и подъ его мягкимъ, благотворнымъ вліяніемъ достигаетъ высшаго идеала.

Первую, низшую степень представляютъ nereиды и тритоны, эти полурыбы—полулюди; тельхины родоскіе стоятъ на высшей, уже человѣческой ступени, а еще выше прекрасныя дориды, за которыми слѣдуетъ перлъ созданія, идеаль красоты, сама чудная Галатея.

Фалесъ приводитъ Гомункула на берегъ моря, совѣтуя ему обратиться за указаніями къ мудрому морскому старцу Нерейю, представляющему разумность, проникающую весь ходъ органическаго развитія. Нерей от-

сылаетъ его къ измѣнчивому Протею и тѣмъ указываетъ на необходимость превращеній, благодаря которымъ низшіе виды существъ постепенно поднимаются къ идеалу. Протей, постоянно перемѣняющій свой видъ и мѣсто, видитъ какое-то странное существо въ стклянкѣ и приближается къ нему въ образѣ черепахи. Но Фалесъ прикрылъ Гомункула и удовлетворить любопытство Протея только тогда, когда послѣдній приметъ человѣческой видъ. Старикъ согласенъ. Фалесъ объясняетъ, что Гомункулъ хочетъ развиваться; у него нѣтъ настоящаго тѣла; его полъ еще не опредѣлился, такъ что онъ похожъ на гермафродита. Богъ превращеній, Протей, находитъ, что тѣмъ удобнѣе выбрать путь развитія, когда органы еще не обозначились, и совѣтуетъ начать дѣло на морѣ, глотать сперва малыхъ, а потомъ большихъ рыбъ и такимъ образомъ вырастать постепенно. Восхищенный Гомункулъ уже чувствуетъ пріятный морской запахъ. Протей иронически относится къ землѣ и земной дѣятельности, считаетъ земную жизнь мукой, хвалитъ море, превращается въ дельфина и хочетъ везти Гомункула въ область вѣчныхъ водъ. Фалесъ надѣется, что малютка найдетъ тамъ свою цѣль и, развиваясь по вѣчнымъ законамъ, путемъ быстрыхъ превращеній, будетъ человѣкомъ. Но Протей совѣтуетъ не торопиться: человѣческой образъ—идеаль развитія, дальше котораго идти нельзя; поспѣшность приблизить къ идеалу, но зато сократить срокъ жизни. Но вотъ плыветъ сама Галатея, вѣнецъ, перлъ красоты, высшее совершенство, до котораго можетъ достигнуть органическая жизнь. Фалесъ славитъ красоту, славитъ источникъ жизни—воду и радостно торжествуетъ триумфъ нештунизма. Гомункулъ видитъ теперь, что жизнь и красота вышли изъ моря, и, увлекаемый Протеемъ, быстро приближается къ колесницѣ Галатеи: это значить, что онъ, непрерывно развиваясь, болѣе и болѣе подходитъ къ идеалу. Онъ восторженно блещетъ и звенитъ своей рѣторкой, видитъ цѣль своихъ стремленій и, желая завершить развитіе, разбиваетъ стѣсняющее стекло. Море озарилось чуднымъ

блескомъ, и общій хоръ гремитъ торжественный гимнъ во славу четырехъ стихій и могучаго Эроса, то есть ихъ таинственной связи.

И такъ Гомункулъ—зародышъ, который развился путемъ нептуническимъ и своею судьбою доказалъ справедливость уважаемой поэтомъ теоріи. Пользуясь этимъ символомъ, Гете высказалъ также свой взглядъ на развитіе органической жизни.

А. Костицынъ.

ЖАНЪ-ЖАКЪ РУССО.

І

XVIII-й вѣкъ во Франціи представляетъ самый замѣчательный періодъ жизни французскаго общества. Это была пора господства разсудка и утопическихъ теорій. Много было передумано и перечувствовано. Никогда не предпринималось такого кореннаго перерожденія всей жизни, какъ въ эту пору. Не оставалось ни одного вопроса, который не былъ бы затронутъ въ это столѣтіе. Касаются всего: философіи, точныхъ наукъ, наукъ общественныхъ, поэзіи, политики, искусствъ, народной жизни—и къ концу этого вѣка жизнь французскаго общества измѣняется кореннымъ образомъ.

Не одинъ вѣкъ не можетъ похвалиться тѣмъ обиліемъ талантливыхъ личностей, которыхъ выставилъ XVIII-й вѣкъ во Франціи. Достаточно вспомнить Вольтера, Руссо, Д'Аламбера, Дидро, Монтескье, не говоря уже о цѣлой вереницѣ талантовъ, менѣе крупныхъ.

Изъ массы этихъ личностей ярко выдѣляются два замѣчательныхъ оригинальныхъ мыслителя и писателя: Вольтеръ и Жанъ-Жакъ Руссо. Остановимся только на послѣднемъ изъ двухъ корифеевъ вѣка.

Знаюкъ XVIII-го вѣка Джонъ Морлей такъ отзы-
вается объ этой личности: «Если въ настоящее время кто-нибудь считаетъ потеряннымъ тотъ день, въ который онъ не подумалъ о тяжелой жизни на чердакахъ и въ лачугахъ, о заброшенныхъ дѣтяхъ, о женщинахъ, втоп-
танныхъ въ грязь грубою безсердечностью большихъ городовъ, этимъ обязаны мы Руссо, который подалъ сигналъ къ новой великой борьбѣ изъ-за интересовъ всего человѣчества. Объ немъ справедливо сказано, что онъ заставилъ бѣдняковъ гордиться бѣдностью».

II.

Жанъ-Жакъ Руссо родился въ Женевѣ 1712 года, въ простой строго-набожной, демократической семьѣ, въ домѣ работающаго и честнаго гражданина. Отецъ его былъ—натура безпокойная, запальчивая; мать—женщина простая, добрая, отличалась излишнею чувствительностью. Рожденіе сына было причиною ея гибели. «Я стѣбилъ моей матери жизни», писалъ Руссо:—«и мое рожденіе было первымъ изъ моихъ несчастій». Руссо родился полумертвымъ и на всю жизнь тѣлосложеніе его оставалось слабымъ и болѣзненнымъ. Отъ отца маленькій Жакъ заимствовалъ страсть къ чтенію романовъ. Семилѣтній ребенокъ и зрѣлый мужчина отецъ просиживали цѣлыя ночи на пролетъ за чтеніемъ. Отецъ занимался поправкою часовъ, а сынъ читалъ ему или фантастическіе романы, которыми оба увлекались, или Плутарха, герои котораго производили особое впечатлѣніе на мальчика. Мальчикъ, читая Плутарха, воображалъ себя то грекомъ, то римляниномъ, и самъ превращался въ ту личность, которая своею твердостью и неустрашимостью внушала ему восторженное сочувствіе. Съ героями Плутарха онъ до того сживался, что, рассказывая однажды за обѣдомъ исторію Сцеволы, онъ всѣхъ перепугалъ тѣмъ, что изъ подражанія герою рассказа сталъ держать руку надъ раскаленнымъ блюдомъ. Кромѣ Плутарха онъ читалъ и Библію и всегда стремился къ самому Божеству, избѣгая всѣхъ догматовъ и обрядовъ. Эта черта унаслѣдована была отъ той среды, которая его окружала въ первые годы младенчества: отецъ его былъ человѣкъ религіозный, каждая изъ трехъ его тетокъ была въ извѣстной мѣрѣ добродѣтельна и набожна.

Плодомъ всего этого была склонность къ преждевременному возбужденію фантазіи. Руссо говоритъ впоследствии: «Я не имѣлъ никакого понятія о реальныхъ предметахъ, но всѣ чувства уже были мнѣ близко знакомы. Все, что доходило до меня, доходило не путемъ размышленія, а путемъ впечатлѣній. Эти смутныя ду-

шевные волненія, охватывавшія меня одно вслѣдъ за другимъ, не извратили разсудка, котораго у меня еще не было, но мало-по-малу развили во мнѣ разсудокъ въ иномъ направленіи и характерѣ и придали мнѣ странныя и романтическія понятія о человѣческой жизни, отъ которыхъ я никогда не былъ въ состояніи отдѣлаться ни путемъ размышленія, ни путемъ опыта». Въ десять лѣтъ Руссо отдали въ школу сосѣдней деревни Боссе подъ надзоръ одного пастора. Здѣсь оставался онъ недолго. Въ силу несправедливости пастора онъ скоро покинулъ школу. Въ школѣ Боссе онъ познакомился съ добромъ и зломъ. Несправедливость пастора сильно подействовала на его впечатлительную дѣтскую натуру. «Здѣсь», говоритъ Руссо, «былъ конецъ яснымъ днямъ моей молодости. Съ этого момента я пересталъ наслаждаться полнымъ счастьемъ, и на этомъ пунктѣ прекращаются воспоминанія о радостяхъ моего дѣтства.»

Покинувъ Боссе, Руссо очутился въ Женевѣ и, проживъ около 2-хъ лѣтъ у своего дяди, былъ отданъ въ контору нотаріуса. Эта профессія показалась ему отталкивающей и невыносимой. Его помѣстили къ граверу, человѣку грубому, отъ котораго онъ не мало вытерпѣлъ. Здѣсь, какъ говоритъ Руссо, «самыя скверныя мошенническія продѣлки замѣнили мои невинныя забавы, не оставляя позади себя даже малѣйшей идеи. Не смотря на то, что я получилъ самое дѣльное воспитаніе, во мнѣ неизбѣжно должна была зародиться сильная склонность къ нравственной испорченности».

Разъ послѣ одной праздничной прогулки, Руссо, боясь, что его накажетъ хозяинъ за позднее возвращеніе, бѣжалъ отъ гравера: «Еслибъ этого не случилось», писалъ впоследствии Руссо: «я провелъ бы на лонѣ моей религіи, моей родины, моего семейства и моихъ друзей пріятную и безмятежную жизнь, соотвѣтствующую моимъ склонностямъ среди однообразныхъ занятій, приходящихся мнѣ по вкусу, и въ обществѣ людей, приходящихся мнѣ по сердцу. Я былъ бы хорошимъ христіаниномъ, хорошимъ гражданиномъ, хорошимъ отцомъ се-

мейства, хорошимъ другомъ, хорошимъ ремесленникомъ и во всѣхъ отношеніяхъ хорошимъ человѣкомъ. Я любилъ бы мои занятія и даже, можетъ быть, возвысилъ бы ихъ въ общемъ мнѣніи, а проживши всю жизнь въ неизвѣстности и простотѣ, но спокойно и пріятно, я умеръ бы среди близкихъ мнѣ людей. Меня, конечно, скоро бы позабыли, но во всякомъ случаѣ обо мнѣ сожалѣли бы, пока сохранилось бы обо мнѣ какое-либо воспоминаніе». Очутившись безъ пріюта, Руссо повелъ скитальческую жизнь. Изъ Женевы онъ перешелъ въ Савойю. Здѣсь онъ познакомился съ однимъ католическимъ священникомъ, который, какъ и всѣ Савойскіе католическіе священники, всѣми силами старались обращать въ католицизмъ всякаго попавшагося имъ протестанта. Ласками и благосклоннымъ отношеніемъ священнику удалось убѣдить Руссо принять католичество. «Въ сущности», по замѣчанію Морлея, «онъ вовсе не предполагалъ перемѣнять вѣру; его ошибка была похожа на кокетничанье тѣхъ порядочныхъ женщинъ, которыя, ничего не дозволяя и ничего не обѣщая мужчинамъ, даютъ ему поводъ ожидать болѣе того, что онѣ намѣрены были допустить и все это ради достиженія какихъ-нибудь постороннихъ цѣлей.» Для подготовленія Руссо къ принятію новой религіи, священникъ отправилъ его къ нѣкой богатой г-жѣ Варенсъ, которая жила въ Аннеси и считалась очень ревностной католичкой. Руссо думалъ встрѣтить въ г-жѣ Варенсъ доживающую свой вѣкъ старушку, и очень былъ удивленъ, когда увидѣлъ передъ собою 28-ми лѣтнюю даму съ очаровательной улыбкой и нѣжными взорами. Черезъ два дня съ рекомендательнымъ письмомъ г-жи Варенсъ Руссо отправился въ одинъ изъ Туринскихъ монастырей, гдѣ его должны были подготовить къ переходу въ католичество. Бѣдный, безпріютный Руссо изъ желанія добыть себѣ пищу, одежду и теплый уголь принялъ католичество. Туринскіе монахи, сдѣлавъ свое дѣло, собрали въ пользу новообращеннаго 20 франковъ и выпроводили его на всѣ четыре стороны. Нѣсколько дней онъ бродилъ по улицамъ Турина. Скоро

изъ 20 фравковъ у него ничего не осталось, нечего было ѣсть, и онъ принужденъ былъ принять мѣсто лакея у вдовы Верчелли. Черезъ 3 мѣсяца г-жа Верчелли умерла, и Руссо снова очутился на улицѣ. Шестъ недѣль проводилъ онъ ночи на чердакахъ и въ подвалахъ, пока снова не очутился въ должности лакея въ домѣ аристократа Гувона. Скоро и отсюда его выгнали за то, что онъ слуга—плебей вздумалъ объясниться въ своихъ иѣжныхъ чувствахъ одной изъ дочерей Гувона. Снова началось бродяжничество. Осенью 1729 года безъ пенса въ карманѣ, въ лохмотьяхъ прибылъ Руссо въ Аннеси къ своей прежней покровительницѣ г-жѣ Варенсъ. Эта женщина была чрезвычайно милостива къ бѣднымъ, сострадательна къ несчастнымъ и охотно прощала зло, она обладала очень многими хорошими качествами. Руссо говоритъ: «У ней была такая красота, которая долго сохраняется, потому что заключается скорѣе въ выраженіи, чѣмъ въ чертахъ лица». Эта женщина занялась образованіемъ молодого Руссо. Скоро онъ помѣщенъ былъ въ семинарію, съ цѣлью выучиться латинскому языку, для того чтобы быть священникомъ. Семинарскіе преподаватели рѣшили, что изъ него никакъ нельзя сдѣлать священника по причинѣ его слабыхъ умственныхъ способностей. Тогда г-жа Варенсъ накупила книгъ и сама стала заниматься его образованіемъ. Здѣсь начались и первые уроки музыки. Руссо привязался къ этой женщинѣ. «Я чувствовалъ», говоритъ Руссо, «всю силу моей привязанности къ ней только тогда, когда она исчезала изъ моихъ глазъ. Покуда я смотрѣлъ на нее, я былъ просто доволенъ, но моя тоска въ ея отсутствіе доходила до того, что становилась мучительной. Скоро ему случилось отлучиться изъ дома Варенсъ, по возвращеніи же въ Аннеси, онъ не нашелъ уже своей благодѣтельницы: она отправилась на время въ Парижъ. Началась опять скитальческая жизнь. Побывалъ онъ въ Фрейбургѣ, Нювѣ, Лозаннѣ, гдѣ взялся за преподаваніе музыки, не умѣя разобрать ни одной аріи, не имѣя ни малѣйшаго понятія о правилахъ му-

зыкальнаго творчества, былъ въ Невшателѣ, встрѣтилъ съ однимъ греческимъ архимандритомъ, разъѣзжавшимъ по Европѣ для сбора пожертвованій на возобновленіе Гроба Господня и присталъ къ нему въ качествѣ переводчика. Черезъ нѣсколько дней французскій посланникъ, жившій въ Солотурнѣ, взялъ его у греческаго архимандрита, чтобы послать въ Парижъ въ качествѣ слуги при одномъ офицерѣ. Знаменитый Парижъ обманулъ его ожиданія, и онъ скоро устремился опять на югъ къ г-жѣ Варенсъ. Относительно своихъ странствованій Руссо говорить: «Никогда я не размышлялъ такъ много, не жилъ такъ много, и не былъ въ такой степени самимъ собою, какъ во время тѣхъ странствованій, которыя я совершилъ одинъ и пѣшкомъ. Въ ходьбѣ есть что-то такое, что оживляетъ и развеселяетъ мои мысли. Я почти не въ состояніи думать, когда я неподвиженъ; чтобы привести мой умъ въ движеніе, надо привести въ движеніе мое тѣло. Красивая мѣстность, виды, смѣняющіеся одни другими, открытый воздухъ, хорошій аппетитъ, свобода и отсутствіе всего, что заставляло бы меня чувствовать себя въ зависимости, или напоминало бы мнѣ о моемъ положеніи,— все это заставляло меня дышать свободно и придавало смѣлости моимъ мыслямъ. Я располагаю всей природой, точно будто я ея властелинъ; мое сердце, переходя отъ одного предмета къ другому, смѣнивается и обращается въ одно съ тѣмъ, что его прельщаетъ, сливается съ прелестными образами и приходитъ въ упоеніе отъ нѣжныхъ чувствъ... Идеи приходятъ, какъ имъ угодно, а не такъ, какъ мнѣ угодно; онѣ или совсѣмъ не приходятъ, или приходятъ толпою, подавляя меня своимъ числомъ и своею силою. У меня не было никакой заботы о будущемъ. Я лежалъ на открытомъ воздухѣ, и, проводя ночи, растянувшись на землѣ или на какой-нибудь деревянной скамейкѣ, чувствовалъ себя такъ же спокойно, какъ если бы я лежалъ на постели изъ розъ. Я вспоминаю, какую провелъ я прелестную ночь внѣ города Ліона на дорогѣ, которая идетъ вдоль Роны или

Саоны, — которой изъ этихъ двухъ рѣкъ не припомню. На насыпи, окаймлявшей другую сторону дороги, танулись сады. Въ теченіе всего дня было очень жарко, а вечеръ былъ прелестный; роса смочила сухую траву, ночь была совершенно тиха, воздухъ былъ свѣжъ, но не холоденъ, отъ солнечнаго заката остались на небѣ красноватые пары, придававшіе водѣ красноватый оттѣнокъ, деревья насыпи служили пріютомъ для соловьевъ, которые обмѣнивались пѣснями. Я продолжалъ мой путь въ какомъ-то восторженномъ состояніи, предаваясь всѣмъ сердцемъ и всѣми чувствами наслажденію тѣмъ, что меня окружало, и только испускалъ вздохи сожалѣнія о томъ, что я наслаждаюсь одинъ. Углубившись въ сладкія мечты, я продлилъ мою ходьбу далеко за полночь, не замѣчая, что я утомился. Наконецъ, я почувствовалъ, что не въ силахъ итти далѣе. Я преспокойно улегся въ углубленіи стѣны; занавѣсомъ для моей постели служили окружавшія ее верхушки деревьевъ; соловей усѣлся прямо надъ моей головой, и я заснулъ подъ звуки его пѣсни. Мой сонъ былъ самый сладкій, но еще слаще было мое пробужденіе. Уже было совершенно свѣтло и когда я открылъ глаза, я увидѣлъ воду, зелень и прелестный ландшафтъ. Я всталъ и отряхнулся; мнѣ захотѣлось ѣсть, и я весело направился къ городу съ намѣреніемъ издержать на хорошей завтракъ двѣ послѣднія оставшіяся у меня монеты. Я былъ въ такомъ веселомъ расположеніи, что дорогой все время громко пѣлъ». Благодаря своему бродяжничеству, Руссо имѣлъ случай познакомиться со всѣми лишеніями, несчастіями и горемъ бѣдняковъ. Этимъ отчасти объясняется его страстность въ нападкахъ на старые порядки. Въ 1732 г. Руссо прибылъ въ Шамбери и поселился у г-жи Варенсъ. Онъ убѣдилъ Варенсъ промѣнять шумъ городской жизни, на скромную сельскую жизнь среди полей. Скромный загородный домикъ, въ который они переселились, существуетъ и до сихъ поръ.

«Не проходитъ дня», писалъ Руссо, уже въ послѣдній годъ своей жизни: «чтобы я не вспоминалъ съ

удовольствіемъ и сладкимъ волненіемъ объ этой единственной въ своемъ родѣ и краткой порѣ моей жизни, когда я былъ вполнѣ самимъ собою безъ всякой примѣси или гнета, и когда я могъ сказать, что я жилъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ теченіе этихъ немногихъ лѣтъ я дѣлалъ то, что хотѣлъ, и былъ тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ». Здѣсь, среди полей и полного довольства, Руссо предавался умственнымъ занятіямъ. Здѣсь онъ прочелъ произведеніе Вольтера «Англійскія письма» и почувствовалъ къ нему непреодолимое влеченіе. Впослѣдствіи онъ дѣлается врагомъ Вольтера. Въ особенности онъ заинтересовался философіей. Онъ прочелъ Локка, Лейбница, Декарта, учился всему, хватался съ жаромъ за изученіе всѣхъ наукъ. Но скоро блаженная жизнь у г-жи Варенсъ кончилась. Произошла размолвка, и Руссо съ грустью оставилъ счастливый уголокъ. Скоро мы видимъ его въ Лионѣ въ качествѣ наставника. Будущій авторъ трактатовъ о воспитаніи не умѣлъ воспитывать другихъ. Пока шло дѣло хорошо, онъ былъ ангеломъ, но когда дѣло принимало дурной оборотъ, онъ становился дьяволомъ. Когда ученики не понимали его, онъ приходилъ въ бѣшенство; когда обнаруживали упрямство, онъ готовъ былъ убить ихъ.

Черезъ годъ онъ бросилъ педагогику и снова направился къ г-жѣ Варенсъ. Разговоръ съ нею убѣдилъ его, что прежнее счастье уже кончено навсегда. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ съ проэктомъ новаго метода нотной системы отправился въ Парижъ искать тамъ счастья. Въ Парижѣ онъ провалился съ своимъ проэктомъ. Руссо впадаетъ тогда въ праздность. Въ Парижѣ его знакомятъ съ нѣкоторыми знатными дамами, онъ начинаетъ за всѣми ухаживать и писать любовныя письма. Одна изъ его покровительницъ доставила ему мѣсто секретаря при французскомъ посланникѣ въ Венеціи, и Руссо отправился въ Венецію. Начальникъ его графъ Монтегю былъ человѣкъ не далекаго ума, скряга и часто вступалъ въ пререканія съ своимъ секретаремъ. Черезъ 1½ года Руссо бросаетъ свою дипло-

матическую карьеру и снова возвращается въ Парижъ. По прїѣздѣ онъ поселился въ маленькой грязной гостинницѣ. Тамъ кухаркою была 22 лѣтняя дѣвица Тереза-де-Вассеръ. Сама хозяйка гостинницы, жильцы и посѣтители отличались грубостью и безнравственностью. Руссо почувствовалъ состраданіе къ дѣвушкѣ, попавшей въ такую грязную среду. Состраданіе скоро перешло въ любовь. Между ними произошло сближеніе, которое продолжалось 25 лѣтъ. Онъ считалъ ее прекрасною женщиною, съ добрымъ и мягкимъ сердцемъ. Достоинво удивленія то обстоятельство, что Руссо такое долгое время питалъ самыя нѣжныя чувства къ дѣвушкѣ, стоявшей на самой низкой ступени умственнаго развитія, положительно тупоумной. Она никакъ не могла выучиться читать, не была въ состояніи заучить, въ какомъ порядкѣ мѣсяцы слѣдуютъ одни за другими, не могла сосчитать никакой суммы денегъ, болѣе мѣсяца употребила, чтобы изучить часы по циферблату. Друзья Руссо отзывались о ней, какъ о женщинѣ пошлой, ревнивой и прожорливой. «Съ моею Терезой», пишетъ Руссо, «я жилъ такъ прїятно, какъ будто она была самымъ совершеннымъ гениемъ во всей вселенной». Замѣтимъ въ скобкахъ, что милая Тереза, послѣ смерти Руссо, вышла за-мужъ за конюха.

III.

Лѣтомъ 1749 г., въ одинъ жаркій день, Руссо шелъ изъ Парижа въ Венсенъ. На дорогѣ онъ купилъ газету и нашелъ тамъ объявленіе Дижонской академіи о темѣ, предложенной на премію. Академія предложила слѣдующую тему: «Возрожденіе наукъ и искусствъ содѣйствовало-ли очищенію нравовъ»? «Когда я прочелъ объ этомъ, говоритъ Руссо: во мнѣ произошло нѣчто похожее на внезапное вдохновеніе. Передо мной вдругъ заблестѣли тысячи искрившихся огоньковъ; массы яркихъ идей тѣснились въ моей головѣ съ такою силою

и въ такомъ смятеніи, что я пришелъ въ неописанное волненіе; я чувствовалъ, что голова моя кружится точно отъ опьяненія. Я задыхался отъ сильнаго біенія сердца; не будучи въ состояніи идти далѣе, я легъ подъ однимъ изъ деревьевъ аллеи и пробылъ въ этомъ положеніи съ полчаса въ такомъ возбужденномъ состояніи, что когда я всталъ, весь перёдъ моего жилета былъ вымоченъ моими слезами, хотя я самъ и не сознавалъ, что я плачу. Ахъ, еслибъ я могъ описать только четвертую часть того, что я почувствовалъ подъ этимъ деревомъ, я бы ясно доказалъ всѣ противорѣчія нашей соціальной системы; тогда-бы для всѣхъ стало ясно, что человѣкъ отъ природы хорошъ, и что его дѣлаютъ дурнымъ учрежденія».

Это восторженное состояніе было началомъ его литературной дѣятельности, а диссертация на тему Джонской академіи была началомъ его популярности. Заглавный листъ своей диссертации Руссо снабдилъ рисункомъ, который объясняетъ все ея содержаніе. Виньетка изображала Прометея, приносящаго людямъ божественный огонь. Подлѣ него стоитъ Сатиръ и хочетъ прикоснуться къ огню, не слушая предостереженій Прометея, который даетъ ему понять, что онъ поплатится за неосторожность. Смыслъ этой картины таковъ: Сатиру, т. е. необразованной и еще нетронутой массѣ, не слѣдуетъ прикасаться къ огню просвѣщенія. Въ своей диссертации Руссо громогласно провозгласилъ, что наука приноситъ одинъ только вредъ и ведетъ къ порчѣ нравовъ. Общая мысль Руссо та, что науки, искусства и литература заглушаютъ въ человѣчествѣ сознаніе его свободы и научаютъ его любить рабство. Для доказательства своей парадоксальной мысли онъ беретъ историческіе примѣры. Когда-то могущественный Египетъ, лишь только сдѣлался разсадникомъ философіи и изящныхъ наукъ, немедленно завоевывается Камбизомъ, потомъ греками, римлянами, арабами и, наконецъ, турками. Лишь только въ Греціи наступило развитіе искусствъ, началась испорченность нравовъ, а вслѣдъ за этимъ и

Македонское иго. Избранный Богомъ народъ Еврейскій никогда не занимался науками, а когда былъ введенъ новый законъ, Христось передалъ свое ученіе и свою власть не ученымъ людямъ, а простымъ и незнатнымъ рыбакамъ и ремесленникамъ. «Если вы хорошо вникнете въ результаты того знанія», восклицаетъ Руссо, «которыми вы такъ гордитесь, вы увидите, что они подтверждаютъ выводы изъ исторіи. Напримѣръ, астрономія возникла изъ суевѣрія, геометрія изъ желанія прибыли, физика изъ пустаго любопытства, а всѣ эти науки, вмѣстѣ взятая, равно какъ и мораль—изъ человѣческой гордости». — «Увлеченіе искусствами ведетъ къ роскоши, а роскошь, какъ всѣмъ извѣстно, подкапывается не только подъ воинскія добродѣтели, оберегающія независимость націй, но также и подъ тѣ нравственныя достоинства, благодаря которымъ независимость націй стоить того, чтобы ее оберегали. Ваши дѣти посѣщаютъ дорого стоящія заведенія, гдѣ ихъ учатъ всему, кромѣ ихъ обязанностей. Они остаются въ незнаціи своего собственнаго языка, хотя и научаются говорить на чужомъ языкѣ, который въ цѣломъ мірѣ вигдѣ не употребляется; они приобрѣтаютъ способность сочинять стихи, едва-ли понимая, что пишутъ; если имъ говорятъ о Богѣ, это слово возбуждаетъ въ нихъ скорѣе ужасъ, чѣмъ благоговѣйный страхъ». Взамѣнъ такого воспитанія Руссо хотѣлъ-бы поставить спартанскую систему, развивающую здоровую душу въ здоровомъ тѣлѣ. Относительно вліянія женщинъ на дѣла Руссо говоритъ, что оно вредно, но тутъ же добавляетъ, что оно вредно не по существу; хорошо направленное оно можетъ приносить громадную пользу. «Люди», говоритъ онъ, «не достаточно понимаютъ, какія выгоды проистекаютъ для общества, когда будетъ дано лучшее воспитаніе той части человѣческаго рода, которая правитъ другою ея половиною. Вѣдь мужчины всегда будутъ стараться быть такими, какими могутъ нравиться женщинамъ: если вы хотите, чтобы онѣ стали великими и добродѣтельными,

научите женщинъ, въ чемъ состоитъ величіе души и добродѣтель».

Успѣхъ диссертациі Руссо былъ изумителенъ. Онъ сталъ предметомъ всеобщаго поклоненія. Его стали посѣщать для бесѣдъ съ нимъ, приглашали въ салоны, онъ сталъ предметомъ разговора и всеобщаго интереса. Но вотъ прошелъ первый годъ, и всѣ увидѣли, что диссертациа даетъ богатый матеріалъ для возраженій. Перья заскрипѣли не только во Франціи, но и въ Германіи: появилась масса возраженій. «Это была такая же комета» — говоритъ одинъ изъ возражателей Руссо про его диссертацию — «какія бываютъ и на небѣ: появилась она, изумила всѣхъ, вызвала споры, а потомъ пришло время, когда самъ Руссо стыдился вспоминать объ ней, считая ее односторонней и слабой».

Послѣ грандіознаго успѣха своей диссертациі, превзошедшаго всѣ его ожиданія, Руссо дѣлается неузнаваемымъ: вель себя онъ крайне оригинально. Скоро Руссо переселяется въ деревню, живетъ среди природы, вдали отъ людей и вполне отдается своимъ любимымъ занятіямъ. Одиночество, отшельническая жизнь превратили его въ ипохондрика. Онъ бросаетъ всѣхъ друзей, никого не желаетъ видѣть, воображаетъ, что всѣ люди ненавидятъ его. Разъ къ этому отшельнику, совершенно случайно, заблудившись, въ мужскомъ костюмѣ верхомъ на лошади, заѣхала графиня Удетто. Это была женщина не особенно красивая, но очень симпатичная, живая, веселая, она могла плакать самымъ непритворнымъ образомъ и въ тотъ же моментъ разражаться смѣхомъ. Эта женщина до того подѣйствовала на него, произвела на него такое впечатлѣніе, что онъ бродилъ по лѣсу днемъ и ночью, плакалъ и говорилъ длинные чувствительные монологи. Онъ не можетъ жить безъ нея, она кокетничаетъ съ нимъ, и это кокетство невыразимо его терзаетъ. Любовь эта ничего не принесла ему, кромѣ терзаній, но за то она сильно отзывается на его «Новой Элоизѣ». Скоро Руссо изумилъ и поразилъ пуб

лику. Руссо, который относился къ роману крайне неодобрительно, считалъ его порчею нравственности, самъ, наконецъ, написалъ романъ «Новая Элоиза».

IV.

Въ «Новой Элоизѣ» Руссо все поражало читателя. Прелесть и живость языка, лирическій беспорядокъ, картины природы, философскія мысли, новые вопросы, затронутые въ романѣ, пламя необыкновенной страсти. Успѣхъ романа превзошелъ всѣ ожиданія Руссо. Нѣсколько первыхъ изданій положительно были расхвачены. Книгопродавцы не были въ состоянii удовлетворить требованій покупателей. Романъ отдавался въ книжныхъ магазинахъ для прочтенія по 12 су за каждый томъ и съ тѣмъ, чтобы книгу не держали долѣе одного часа. Увлекались всѣ: и придворные и солдаты, и юристы и торговцы. Дамы плакали отъ восторга. Увлечение ихъ дошло до того, что онѣ клялись въ томъ, что ни одна по истинѣ чувствительная женщина не задумалась бы посвятить ему свою жизнь, еслибъ только она была увѣрена, что будетъ вознаграждена за это его привязанностью. Одна аристократка—дама, одѣвшись на балъ, взяла эту книгу въ руки въ ожиданii той минуты, когда будетъ пора ѣхать; она читала до полуночи, а когда ей докладывали, что карета готова, она не отвѣчая ни слова, продолжала читать до 2 часовъ. Наконецъ въ 4 часа она приказала отложить лошадей, раздѣлась, легла въ постель и провела остальную часть ночи за чтеніемъ. Увлекающіяся женщины отождествляли себя съ героинями романа, писали автору анонимныя письма, являлись къ нему, взглянуть на замѣчательнаго автора. Г-жа Латуръ мимоходомъ, можно сказать, видѣла Руссо только три раза и воспыдала къ нему такую страстью, что была предана ему во всю свою жизнь, не смотря на всю холодность къ ней Руссо. Она до конца дней своихъ печалилась о горькой судьбѣ

Руссо. «Новая Элоиза» дѣйствовала зажигательнымъ образомъ на сердца женщинъ. Руссо сдѣлался кумиромъ всего прекраснаго пола. Не оставались равнодушными къ этому роману и великіе философы, мыслители, знаменитые писатели и даже враги Руссо. Не могъ не поддаться увлеченію и знаменитый философъ Кантъ, и знаменитый писатель Байронъ. «Я посѣтилъ», сказалъ Байронъ, съ «Новой Элоизой» въ рукахъ всѣ мѣста, которыя были описаны у Руссо, и я былъ невыразимо пораженъ силою и точностью его описаній и красотою ихъ реальностей». Положительно всѣ были заинтересованы романомъ и личностью автора.

Вотъ въ самыхъ краткихъ словахъ фабула романа. Плебей Сень-Пре состоитъ учителемъ молоденькой дѣвушки изъ высшаго аристократическаго круга Юліи д'Этанжъ. Скоро учитель влюбляется въ свою ученицу. Юлія питаетъ къ нему тоже чувство, хотя до поры до времени и не дѣлаетъ ему никакихъ признаній. Сень-Пре во избѣжаніе затруднительныхъ отношеній рѣшается разстаться съ нею. Юлія не соглашается. Страсть влюбленнаго Сень-Пре увеличивается до того, что онъ рѣшается лишиться себя жизни. Происходитъ горячее, страстное признаніе въ любви со стороны Юліи. Юлія извѣщаетъ о своей страсти родственницу Клару. Клара сильно встревожена: она очень хорошо знаетъ, что отецъ Юліи, закоренѣлый и упрямый аристократъ во взглядахъ, никогда не согласится выдать дочь свою за бѣднаго плебея Сень-Пре. Между тѣмъ Сень-Пре не доволенъ своей судьбой: ему кажется, что у Юліи нѣтъ серьезной и глубокой къ нему привязанности. Юлія признается ему, что рѣшительно имъ однимъ только и живетъ. Она сознается, что призналась во всемъ ему только вслѣдствіе своего неправильнаго нравственнаго воспитанія: «Я была воспитана столь въ суровыхъ правилахъ, что самая чистая любовь представлялась высшей степенью безчестія. Все мнѣ говорило или заставляло предполагать, что первое нѣжное слово, вырвавшееся изъ устъ дѣвушки, губило ее навсегда; мое сму-

ценное воображеніе смѣшивало преступленія съ признаніемъ въ страсти; борьба скромности казалась мнѣ борьбою нравственной чистоты. Я приняла мучительное молчаніе за порывы желаній. Я думала, что погибну, какъ только скажу слово, а между тѣмъ нужно было или сказать, или васъ погубить». Юлія проситъ своего возлюбленнаго слѣдовать во всемъ ея совѣтамъ, такъ какъ она убѣждена, что съ этихъ поръ для нихъ невозможно быть счастливыми порознь. Сень-Пре въ восторгѣ и начинаетъ излагать Юліи свои новые планы умственнаго ея развитія.

Отецъ былъ удивленъ познаніями дочери, но страшно былъ недоволенъ, когда узналъ, что учитель—плебей. Юлія знала, что будущее для нихъ безнадежно, а между тѣмъ чувствовала, что любить его страстно, безумно; разумъ ея помутился, чувственность взяла свое. Скоро пріѣзжаетъ въ гости умный и дѣльный англичанинъ Эдуардъ Бометонъ, является нѣкто І. Орбъ, который ищетъ руки Клары. Сень-Пре начинаетъ бояться, чтобы Бометонъ не женился на Юліи, но она его увѣряетъ, что этого никогда не будетъ, и что она будетъ принадлежать или ему, или никому. Скоро Бометонъ и Сень-Пре дѣлаются друзьями и остаются ими на всю жизнь. Первая часть заключается сценою, въ которой аристократъ отецъ объявляетъ дочери, что напелъ ей жениха, а дочь также твердо отвѣчаетъ, что ни за что не выйдетъ за него. Въ бѣшенствѣ отецъ избилъ дочь до того, что Юлія слегла въ постель. Клара, успѣвшая уже вступить въ бракъ съ Орбомъ, и Бометонъ на время стараются удалить Сень-Пре. Онъ увѣзжаетъ вмѣстѣ съ Бометономъ.

Во второй и третьей части влюбленные главнымъ образомъ оплакиваютъ свою разлуку. Положеніе Юліи въ домѣ отца невыносимо: ей грозитъ или бракъ съ нелюбимымъ человѣкомъ, или проклетіе и ненависть отца. Наконецъ Юлія соглашается исполнить просьбу отца, который на этотъ разъ перемѣняетъ тактику. Онъ становится на колѣни и со слезами на глазахъ гово-

рить ей: «дочь, пощади твоего несчастнаго сѣдого отца, не своди его въ гробъ, какъ ты свела ту, которая родила тебя; неужели ты хочешь лишить жизни все твое семейство?» Юлія входитъ въ сдѣлку съ своею совѣстью и выходитъ замужъ за стариннаго друга своего отца Вольмара. Скоро Юлія убѣждается, что разлюбить Сень-Пре не въ ея силахъ. Она опасно заболѣла. Старый ея мужъ былъ челоуѣкъ очень честный и добрый. По выздоровленіи она увидѣла, что и безъ любви къ мужу она можетъ быть счастлива. Несчастному Сень-Пре до того опротивѣла жизнь, что онъ рѣшается покончить съ собою. Аргументы Бометона удержали его отъ самоубійства. Сень-Пре пускается въ кругосвѣтное путешествіе.

Въ четвертой части Юлія открывается во всемъ своему мужу. Вольмаръ не только не въ претензіи за это, но напротивъ приглашаетъ своего соперника переѣхать къ нимъ на жительство. Сень-Пре переѣхалъ.

Пятая часть посвящена описанію домашняго быта семейства Вольмаровъ. Тутъ же разсматривается вопросъ о различіи классовъ общества и о нищенствѣ. Эта часть заканчивается вопросомъ о воспитаніи. Въ послѣдней части затрогивается вопросъ о свободѣ челоуѣка и о безбрачій. Романъ оканчивается смертію Юліи. Юлія отъ простуды и душевнаго потрясенія умираетъ и поручаетъ Сень Пре воспитаніе своихъ дѣтей.

Начало романа относится къ той порѣ, когда Руссо жилъ среди природы въ домѣ г-жи Варенсъ. Разъ онъ, блуждая по окрестностямъ Аннеси, провелъ весь день въ обществѣ двухъ дѣвушекъ и одною изъ нихъ увлекся. Это будущая героиня романа Юлія и ея подруга Клара. Вспомнимъ, какимъ метеоромъ счастья для Руссо была графиня Удетто; этою порою жизни Руссо объясняются отношенія Сень-Пре къ Юліи. Въ завязкѣ романа сказывается средневѣковая исторія Элоизы и Абеяра. Чувствуется вліяніе романовъ Ричардсона, которые вліяли на Руссо своимъ замысломъ, затрогивающимъ сословныя предрассудки, а также и самою формою изложенія. Весь романъ въ сущности распадается на

двѣ части: первая занята описаніемъ возникновенія и развитія страсти, вторая—обузданіемъ ея и восхваленіемъ семейной жизни. Помимо этого романъ полонъ всевозможныхъ отступленій. Тутъ есть и оцѣнка Платоновой республики, и обрисовка положенія женщинъ, и обзоръ великихъ характеровъ мыслителей и политиковъ древней Греціи и Рима, и политическія идеи Монтескье, и масса новыхъ вопросовъ, затронутыхъ авторомъ. Выдвинуть вопросъ о неравенствѣ сословій, выставлена на видъ вся несостоятельность гордости происхожденіемъ, восхваляется естественное состояніе чело-вѣка и въ особенности быть земледѣльцемъ, сказано нѣсколько словъ въ защиту безыскусственной народной пѣсни, подвергнутъ анализу вопросъ о самоубійствѣ, высказаны симпатіи къ природѣ, намѣчены воспитательные взгляды Руссо.

Въ «Новой Элоизѣ» есть нѣсколько только разсужденій о воспитаніи. Болѣе полное выраженіе педагогическихъ теорій Руссо представляетъ намъ другое его произведеніе: «Эмилъ».

«Все хорошо, что вышло изъ рукъ Творца міра; все выражается въ рукахъ чело-вѣка. Онъ заставляетъ почву питать несвойственныя ей произведенія, дерево приносить несвойственные ему плоды. Онъ идетъ наперекоръ климатамъ, стихіямъ, временамъ года. Онъ уродуетъ свою собаку, лошадь, раба. Онъ все ставитъ вверхъ дномъ, все искажаетъ. Онъ любитъ безобразіе, отвращается отъ всего естественнаго и даже самого чело-вѣка надо выдрессировать для него, какъ манежную лошадь, исковеркать на его ладъ, подобно садовому дереву». Такими словами начинается Руссо свое замѣчательнѣйшее произведеніе вѣка. Выводъ изъ этихъ словъ простой: воспитаніе должно быть естественнымъ развитіемъ тѣхъ добрыхъ инстинктовъ, которые вложены въ душу ребенка отъ природы. Воспитаніе, по мнѣнію Руссо, должно быть свободно отъ всякаго сословнаго и профессиональнаго характера. «Пусть мой воспитанникъ» — говоритъ Руссо, «назначается родителями къ какой-угод-

но карьерѣ, мнѣ до этого нѣтъ дѣла; жить—вотъ профессія, къ которой я хочу прежде всего его приготовить». Счастье человѣка, по мнѣнію Руссо, состоитъ въ приведеніи силы и воли въ совершенное равновѣсіе. «Живите согласно съ природой, будьте терпѣливы», говоритъ Руссо, «и удаляйте отъ себя докторовъ; вы не избѣгнете смерти, но вы подвергнетесь ей только одинъ разъ, между тѣмъ какъ доктора будутъ ежедневно выставлять ее передъ вашимъ встревоженнымъ воображеніемъ, а ихъ ложное искусство, вмѣсто того чтобъ продлить ваши дни, лишь только помѣшаетъ вамъ наслаждаться ими. Страдайте, умирайте или выздоравливайте, но главное живите,—живите до вашего послѣдняго часа».

Изъ основнаго положенія—естественнаго развитія—вытекаютъ и всѣ частности теоріи Руссо. Онъ желаетъ, чтобы мать сама кормила свое дитя, чтобы отецъ самъ воспитывалъ своего сына; вооружается противъ варварскаго обычая пеленанія ребенка. Дитя слѣдуетъ приучать къ чтенію, но только въ извѣстномъ періодѣ; при выборѣ книгъ слѣдуетъ быть крайне осмотрительнымъ: давать книги нужно только хорошія. Ребенку слѣдуетъ показывать не все: одно только хорошее, отъ всего дурнаго необходимо его отвращать.

Въ періодъ отъ 12 до 15 лѣтъ слѣдуетъ заботиться о развитіи любознательности. Можно сообщить въ этотъ періодъ элементарныя свѣдѣнія изъ астрономіи и физической географіи, выучить какому нибудь ремеслу, сообщить понятіе о Всемогущемъ существѣ, о неравенствѣ людей, о бѣдныхъ и угнетенныхъ. Въ періодъ отъ 15 до 20 лѣтъ слѣдуетъ познакомить съ исторіей человѣчества и съ религіей; къ этому времени слѣдуетъ постараться развить юношу умственно и нравственно.

На воспитаніе и образованіе дѣвушки Руссо также обратилъ вниманіе. Онъ желаетъ видѣть женщину существомъ здоровымъ, способнымъ переносить всякаго рода несчастія и огорченія въ жизни. Воспитаніе женщины, по мнѣнію Руссо, должно быть тождественно съ воспитаніемъ мужчины, исключая тѣхъ различій, кото-

рыя вытекають изъ разности половъ. Женщина должна быть хорошей хозяйкой, хорошей матерью. Онъ желаетъ, чтобы женщина была знакома съ лучшими произведеніями литературы и науки. Въ концѣ концовъ, Руссо высказываетъ очень дѣльный взглядъ на бракъ. Онъ говоритъ: «Въ лицахъ обоего пола я усматриваю два дѣйствительно различныхъ класса людей; къ одному классу принадлежатъ люди, которые размышляютъ, а къ другому люди, которые не размышляютъ, и это различіе почти вполнѣ происходитъ отъ воспитанія. Мужчина, принадлежащій къ первому изъ этихъ классовъ не долженъ жениться на особѣ изъ втораго класса, такъ какъ онъ не найдетъ самой бѣльшей прелести общежитія, если, имѣя жену, все-таки долженъ будетъ размышлять наединѣ. Только развитой умъ дѣлаетъ сношенія пріятными, а для отца семейства, любящаго домашнюю жизнь, было бы очень неприятно, еслибъ онъ былъ принужденъ оставаться глазъ на глазъ съ самимъ собою и не имѣть подлѣ себя никого, кто въ состояніи его понимать. Сверхъ того, какъ могла бы воспитывать своихъ дѣтей женщина, не привыкшая размышлять?»

У.

Многіе очень недовольны были мыслями Руссо. «Эмилъ» былъ торжественно сожженъ рукою палача, а Руссо изгнанъ изъ Франціи. Съ этого времени начинаются его скитанія. Его гонять отовсюду. Изъ Франціи Руссо отправился въ Швейцарію. Переѣхавъ Французскую границу, Руссо вышелъ изъ экипажа, бросился на землю, цѣловалъ ее и воскликнулъ: «О благое небо, прибѣжище добродѣтели! Восхваляю тебя,—я въ странѣ свободы». Восторгамъ его насталъ конецъ, когда и здѣсь произведенія Руссо объявлены были запрещенными; «Эмилъ» сожженъ рукою палача и самому автору предложено было въ 2-хъ недѣльный срокъ оставить Швейцарію. У Руссо явилась мысль отдаться подъ по-

кровительство Фридриха Великаго. Онъ пишетъ ему слѣдующее письмо: «Я говорилъ объ васъ много дурнаго и, можетъ быть, буду говорить еще больше, но изгнанный изъ Франціи, изъ Женевы, изъ Бернскаго кантона, я пришелъ искать убѣжища въ вашихъ владѣніяхъ. Быть можетъ, я дурно сдѣлалъ, что съ этого не началъ; это похвала, которой вы достойны, Государь! Я не заслужилъ вашихъ милостей и не ищу ихъ, но я полагаю, что обязанъ увѣдомить Ваше Величество, что нахожусь въ вашей власти по доброй волѣ. Вы можете поступить со мною, какъ хотите».

Фридрихъ Великій изъявилъ свое полное согласіе. Руссо жилъ въ Невшательскомъ княжествѣ спокойно въ продолженіе трехъ лѣтъ, постоянно мѣняя свое жилище. «Письма съ Горы» были причиною его бѣгства изъ Невшателя. Руссо очутился на прелестномъ островкѣ св. Петра. «Я велъ тамъ жизнь», пишетъ Руссо, «столь согласную съ моимъ душевнымъ настроеніемъ, что рѣшился окончить тамъ мои дни. Я желалъ, чтобы превратили это убѣжище въ вѣчную для меня тюрьму, чтобы меня заперли тамъ на всю жизнь и чтобы, отнявъ у меня возможность и надежду выйти оттуда, запретили бы мнѣ какія-бы то ни было сношенія съ остальнымъ міромъ, такъ чтобы я не зналъ ничего, что дѣлается въ немъ и, позабывъ о его существованіи точно такъ, какъ всѣ позабыли-бы о томъ, что я существую». Однако черезъ двѣ недѣли ему приказано было оставить прелестный островокъ. Руссо отправился въ Страсбургъ, откуда скоро принужденъ былъ бѣжать. Онъ рѣшился направиться въ Англію. На дорогѣ онъ познакомился съ англійскимъ философомъ Юмомъ, который и сопровождалъ его въ Англію. По прибытіи въ Лондонъ, Руссо сдѣлался героемъ дня. Имъ всѣ интересовались, всѣ желали взглянуть на него. Приглашали его въ салоны и во всевозможные кружки. Руссо въ минуты хандры называлъ Юма хозяиномъ звѣринца, показывающимъ рѣдкаго звѣря. Нужно замѣтить, что Руссо не любилъ большихъ городовъ, а потому не удивительно, что шумъ сто-

личной жизни скоро надоѣлъ ему. Онъ уѣзжаетъ изъ Лондона и скитается по англійскимъ деревнямъ, переходя изъ одной въ другую. Въ деревнѣ жизнь Руссо ничѣмъ не отличается отъ жизни крестьянина.

Гоненія, постоянныя скитанія такъ подѣйствовали на него, что онъ сдѣлался мрачнымъ, подозрительнымъ. Ему казалось, что враги составляютъ заговоръ противъ его жизни, что за нимъ зорко слѣдятъ, письма его вскрываются и читаются, прежде чѣмъ достигнуть Лондона и прежде чѣмъ будутъ отправлены оттуда далѣе. «Я вижу», писалъ Руссо: «что приближается мой послѣдній часъ; я рѣшился идти ему на встрѣчу, если это окажется нужнымъ и погибнуть или сдѣлаться свободнымъ; другого выбора теперь уже нѣтъ». Руссо задумалъ бѣжать, но куда? Гдѣ уже ни перебивалъ этотъ несчастный скиталецъ!

Неожиданно онъ получаетъ нѣсколько приглашеній изъ Россіи и Польши. Президентъ Петербургской академіи Разумовскій предлагалъ ему переселиться въ одно изъ его малороссійскихъ имѣній; графъ Орловъ манилъ его къ себѣ въ имѣніе близъ Петербурга. Одинъ польскій магнатъ (Тизенгаузъ) наивно предлагалъ ему поселиться въ Бѣловѣжской пущѣ, знаменитой своими зубрами. Руссо не согласился ни на одно изъ этихъ предложеній. Онъ рѣшилъ искать убѣжища во Франціи. Явился въ Парижъ и скрывался здѣсь подъ чужими именами, днемъ не выходилъ на улицу. Онъ безпрестанно мѣняетъ мѣсто жительства, изѣздилъ почти всю Францію, побывалъ почти въ каждой деревнѣ, и нигдѣ не находилъ спокойствія. Жизнь его проходила однообразно. За это время онъ написалъ нѣсколько мелкихъ произведеній. Работалъ надъ «Исповѣдью»; въ этомъ произведеніи онъ желалъ выставить все свое прошлое. Въ эти послѣдніе годы Руссо влачилъ очень жалкую жизнь. Былъ чрезвычайно бѣденъ, почти нищій, здоровье стало очень плохо. Имъ снова овладѣваютъ тревожныя мысли, гдѣ найти пріютъ для послѣднихъ дней своей жизни. Наконецъ, по приглашенію Жиардена,

онъ переѣхалъ въ Эрменонвилль, помѣстье въ 20 миляхъ отъ Парижа. Черезъ нѣсколько дней 2-го Іюля 1778 г. великаго мыслителя, друга человѣчества, не стало. Онъ умеръ внезапно. Смерть его и до сихъ поръ остается загадочною. Предположеній масса: нѣсколько медиковъ подписали удостовѣреніе о томъ, что Руссо умеръ отъ апоплексическаго удара. Иные причиной смерти считаютъ несчастный случай. Многие, не безъ основанія, утверждаютъ, что Руссо самъ покончилъ съ своею жизнью. За семь лѣтъ до смерти Руссо говорилъ, что человѣкъ имѣетъ право освободить себя отъ бремени своей собственной жизни, если ея горечь не выносима и не поправима.

Въ 1794 году, по распоряженію французскаго правительства трупъ Руссо торжественно былъ перенесенъ изъ Эрменонвилля въ Парижъ, въ національный храмъ великихъ людей.

Ф. Веревскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

С. Θ. Платоновъ. Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. С.-Пб. 1888 г.

Смута XVII в. не могла пройти безслѣдно для московскаго общества. Напротивъ она вызвала, между прочимъ, цѣлый рядъ особыхъ литературныхъ произведеній, которыя были посвящены изображенію и обсужденію событій этого бурнаго времени. Произведенія эти носятъ различныя названія (повѣсти, сказанія, житія, лѣтописцы и т. д.) и имѣютъ разнообразный литературный характеръ. Но не смотря на разнообразіе формъ и приемовъ изложенія, всѣ эти произведенія представляютъ источникъ для изученія смутной эпохи на ряду съ официальными документами и записками иностранцевъ. И они привлекали къ себѣ вниманіе изслѣдователей еще въ прошломъ вѣкѣ. Но до сихъ поръ для русской исторіографіи составляло не выполненную задачу историко-критическое изученіе сказаній о смутѣ во всей ихъ совокупности. Эту задачу и принялъ на себя авторъ названнаго изслѣдованія.

Въ первыхъ двухъ главахъ разсматриваются произведенія, написанныя до окончанія смуты. Въ частности первая глава посвящена подробному разсмотрѣнію состава такъ называемаго Иного Сказанія. По мнѣнію автора, Иное Сказаніе заключаетъ въ себѣ слѣд. составныя части: 1) Повѣсть о времени Бориса Годунова и перваго Самозванца; 2) Собраніе правительственныхъ грамотъ о сверженіи самозванца и воцареніи Шуйскаго; 3) Повѣствованіе о движеніяхъ въ первое время царствованія Шуйскаго, преимущественно же о движеніи Болотникова; 4) Повѣсть о видѣніи въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ въ 1606 г.); 5) Лѣтописныя замѣтки, тождественныя со статьями Хронографа второй редакціи (1617 г.), о взятіи Тулы царемъ Василюемъ и о дальнѣйшихъ событіяхъ до избранія Михаила Θεодоровича на царство; 6) Лѣтописныя замѣтки о времени царя Михаила Θεо-

доровича и о вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича. Авторъ подробно разсматриваетъ каждую изъ указанныхъ частей Иного Сказанія: опредѣляетъ приблизительно время и обстоятельства написанія, дѣлаетъ заключенія объ авторѣ, указываетъ источники и т. д. — Во второй главѣ разсматриваются другія повѣствованія о смутѣ, составленныя до ея окончанія: 1) Повѣсть о честномъ житіи царя Θεодора Ивановича; 2) Новая Повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ; 3) Плачь о плѣненіи и о конечномъ разореніи превысокаго и пресвѣтлѣйшаго Московскаго Государства; 4) Повѣсть о нѣкоей брани, лежащей на благочестивую Россію и наконецъ—два сказанія о чудесныхъ видѣніяхъ 1611 года, бывшихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и Владимирѣ. При разсмотрѣніи этихъ повѣствованій о смутѣ авторъ держится тѣхъ же пріемовъ, какіе указаны выше, когда говорилось о разсмотрѣніи имъ частей Иного Сказанія. „Знакомство съ наиболее ранними произведеніями о смутѣ,—говоритъ въ заключеніи второй главы авторъ,—показываетъ намъ, что исключительныя событія русской жизни начала XVII вѣка немедленно же вызвали рядъ литературныхъ трудовъ самага различнаго характера. Рядомъ съ безстрастными повѣствованіями о различныхъ фактахъ и видѣніяхъ... создавались такія произведенія, которыя имѣли публицистическій характеръ, опредѣленную политическую или нравственную цѣль, въ родѣ Повѣсти 1606 года, желавшей укрѣпленія власти Шуйскихъ, Новой Повѣсти, требовавшей сверженія польской власти, и Повѣсти протопопа Терентія, призывавшей народъ къ нравственному очищенію (стр. 126.).

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ (III. и IV.) говорится о сказаніяхъ, которыя приняли окончательную литературную форму въ царствованіе Михаила Θεодоровича. Въ повѣствованіяхъ, современныхъ смутѣ, не могло быть ни подробнаго и всесторонняго изображенія событій, ни объективности показаній. Больше безпристрастія къ событіямъ и лицамъ смутной эпохи находимъ въ двухъ произведеніяхъ времени Михаила Θεодоровича, которымъ посвящена третья глава изслѣдованія г. Платонова. Произведенія эти—Вре-

менникъ по седмой тысящи отъ сотворенія свѣта во осмой въ первые лѣта дьяка Ивана Тимоѣева и Сказаніе келаря Авраамія Палицына—подробно изслѣдованы авторомъ, особенно Временникъ Тимоѣева. Не смотря на желаніе Авр. Палицына и Ив. Тимоѣева сохранить своими трудами для потомства память о событіяхъ замѣчательной своей эпохи, въ ихъ повѣствованіяхъ нѣтъ фактической полноты и точности. Кромѣ того, внеся субъективный элементъ въ свои повѣствованія, они вышли изъ роли историковъ и вступали на почву публицистическихъ разсужденій. Болѣе хладнокровія и фактичности замѣтно въ трудахъ другихъ виднѣйшихъ писателей о смутѣ времени царя Михаила Ѳеодоровича. Подробными свѣдѣніями объ этихъ писателяхъ и ихъ сочиненіяхъ занята глава четвертая. Изъ писателей называются: князь Ив. Андр. Хворостининъ (соч. его—Словеса дней и царей и святителей Московскихъ, еже есть въ Россіи^а), Ив. Мих. Котыревъ—Ростовскій (соч. Повѣсть о смутѣ, внесенная въ хронографъ Сергѣя Кубасова; Повѣсть Котырева была переработана потомъ подъ именемъ: „Рукопись Филарета“), Сем. Ив. Шаховской-Хоря (соч. его: „Житіе царевича Димитрія, и „Повѣсть о нѣкоемъ мнись, какъ послася отъ Бога на царя Бориса“). Кромѣ того, въ этой же главѣ разсматриваются—„Книга, глаголемая Новый Лѣтописецъ“ и Разрядная книга, извѣстная подъ названіемъ „Столярова Хронографа.“

Последняя (V) глава изслѣдованія посвящена краткимъ характеристикамъ второстепенныхъ и позднѣйшихъ произведеній о смутной эпохѣ. Всѣ эти второстепенныя произведенія о смутѣ авторъ дѣлитъ на три разряда: 1) Памятники біографическаго характера (Сказаніе о поставленіи на патріаршество Филарета Никитича, Сказаніе о рожденіи князя М. В. Скопина, Исторія о первомъ Іовѣ, патріархѣ Московскомъ и др.); 2) Памятники компилятивные (Повѣсть о разореніи Московскаго государства, Книга объ избраніи на престолъ царя Мих. Ѳеодоровича и др.); 3) Сказанія мѣстныя (О взятіи Новгорода отъ Нѣмецъ, Сказаніе объ осадѣ Тихвинскаго монастыря въ 1613 г. и др.) Въ „Заключеніе“ авторъ устанавливаетъ общее представленіе объ исто-

рической пригодности матеріала, доставляемаго древне-русскими сказаніями о смутѣ.

Какъ видитъ читатель, г. Платоновъ разсмотрѣлъ древнерусскія сказанія и повѣсти о смутѣ съ точки зрѣнія пригодности ихъ для исторіи, и его изслѣдованіе относится, собственно говоря, къ области русской исторіи.¹⁾ Но мы позволили остановить вниманіе читателя на изслѣдованіи его потому, что тѣже самыя сказанія о смутѣ могутъ быть предметомъ историко-литературныхъ наблюденій. И самъ г. Платоновъ не разъ касается въ изслѣдованіи литературной характеристики сказаній о смутѣ, но дѣлаетъ это настолько, насколько она могла уяснить общій характеръ и цѣнность фактическихъ показаній того или другого памятника. Не всѣ, конечно, сказанія о смутѣ имѣютъ одинаковое значеніе для историка литературы. Изъ разобранныхъ г. Платоновымъ повѣстей особый интересъ для историка литературы представляютъ произведенія раннія, написанныя въ самую смуту или вскорѣ по ея окончаніи. Мало давая матеріала для исторіи внѣшнихъ фактовъ смутнаго времени, они даютъ обильный матеріалъ для характеристики—литературныхъ мнѣній и движенія общественной мысли въ смуту. Не мало историко-литературнаго интереса представляютъ и болѣе позднія произведенія о смутѣ: на нихъ вполне оправдывается замѣчаніе многоуважаемаго нашего ученаго Θ. И. Буслаева, что лишенная своей миѳической основы русская поэзія приняла въ XVII вѣкѣ историческое направленіе. (О русской поэзіи XVII вѣка). Вообще прекрасная книга г. Платонова имѣетъ большой интересъ и для историка литературы. Мы можемъ только пожелать, чтобы разсмотрѣнныя г. Платоновымъ сказанія и повѣсти о смутѣ XVII в. сдѣлались возможно скорѣе предметомъ историко-литературныхъ наблюденій.

¹⁾ Можетъ быть, историки замѣтятъ по поводу работы г. Платонова, что писать исторію на основаніи указанныхъ имъ произведеній рискованно и опасно.

П. О. Морозовъ. Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII ст. Спб. 1888.

„Судьбы драматической литературы и театра на Руси—такъ начинается авторъ первую главу своего труда—до сихъ поръ еще не были предметомъ такого спеціального изслѣдованія, которое, основываясь на внимательномъ изученіи историческихъ фактовъ, задалось бы цѣлью представить по возможности полную картину развитія нашей драмы.“ Такое-же точно невниманіе къ театру и его литературѣ долгое время замѣчалось и на западѣ. Указавъ затѣмъ на труды Пекарскаго, Тихонравова, Алексѣя Ник. Веселовскаго, Петрова и др. ученыхъ, интересовавшихся вопросомъ о началѣ русскаго театра, г. Морозовъ такъ формулируетъ главную задачу своего изслѣдованія: „Систематическій сводъ... матеріала, какъ стараго такъ и новаго, и строгая фактическая провѣрка прежнихъ свѣдѣній, которая дала бы возможность устранить произвольныя сужденія и основать общіе выводы на несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ. Кроме того, изученіе исторіи русской драмы необходимо разсматривать сравнительно съ произведеніями литературъ западныхъ и этому требованію авторъ будетъ удовлетворять въ своемъ трудѣ.“

Изложивъ въ общихъ чертахъ историческія судьбы русской драматической литературы и театра въ продолженіе того періода времени, которымъ ограничивается изслѣдованіе, авторъ останавливается на народной поэзіи и указываетъ входящіе въ нее драматическіе элементы. Драматизмъ онъ находитъ въ святочныхъ переряживаньяхъ, въ масляничныхъ играхъ, въ нѣкоторыхъ бытовыхъ обрядахъ (свадьба) и нѣкоторыхъ играхъ. Бѣглый обзоръ драматическихъ элементовъ нашей народной поэзіи убѣждаетъ автора въ томъ, что въ старое время у насъ были въ рукахъ всѣ средства для того, чтобы дойти естественнымъ путемъ до своеобразной обработки театралныхъ зрѣлищъ. Но отсутствіе свободы дѣйствія подавило эти зародыши. Поэтому, когда въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. явилась нѣкоторая возможность дальнѣйшаго движенія въ области народнаго драма-

тизма, за зрѣлищами пришлось обратиться на западъ и принять тѣ отбросы европейской драматической литературы, которые были вынесены къ намъ отдаленными волнами цивилизаціи.

Вторая глава начинается перечнемъ тѣхъ русскихъ путешественниковъ XV—XVII вѣк., которымъ удавалось познакомиться съ западнымъ театромъ. Оказывается, что въ то время, когда къ намъ попадали только скудные вѣсти о театральныхъ представленіяхъ на западѣ, въ Польшѣ уже процвѣтала школьная драма, которая перешла затѣмъ и въ южную Русь. Но и въ Московскомъ государствѣ въ XVI и XVII ст. замѣтны попытки ввести драматическій элементъ въ церковное богослуженіе въ формѣ церковныхъ „дѣйствъ“. Указавъ время возникновенія церковныхъ мистерій въ Византійской церкви (VI-ое ст.), авторъ говоритъ, что ко времени появленія христіанства на Руси въ Византійской церкви оставался одинъ обрядъ или дѣйство „умовенія ногъ“. Кромѣ того, въ нашей церкви были и другія дѣйства: „цвѣтоносія или хожденіе на осляти“, „пещное дѣйство“. Но эти начатки богослужебной драмы не получили въ нашей церкви развитія и не переродились въ мистерию, какъ это было на западѣ. Къ намъ западная мистерія проникла въ поздѣйшемъ своемъ видоизмѣненіи, въ формѣ школьной драмы.

Подробному разсмотрѣнію происхожденія этой послѣдней и посвящена слѣдующая (III) глава. Школьная драма возникла на западѣ въ концѣ XV ст. и имѣла первоначально практическую цѣль—упражненіе учениковъ въ латинскомъ разговорѣ.

Быстрому распространенію школьной драмы способствовала особенно реформація, которая пользовалась ею для пропаганды своихъ идей и для полемики противъ папства.

У протестантовъ обычай писать и разыгрывать латинскія пьесы переняли иезуиты и придали школьной драмѣ весь блескъ сценической постановки. Особенно процвѣтала школьная драма въ Германіи въ XVI в. и первой четверти XVII в. Изъ Германіи она перешла въ Польшу, гдѣ въ теченіе двухъ столѣтій она оставалась единственнымъ видомъ

драматической литературы; тутъ она получила и наиболѣе полную литературную обработку. Подъ вліяніемъ же польско-іезуитскихъ акцій создалась и школьная южно-русская драма. Далѣе авторъ разсматриваетъ форму и содержаніе школьной драмы; говоритъ объ интермедіяхъ, (при чемъ приводитъ нѣсколько новыхъ польско-русскихъ интермедій), о вертепѣ, какъ народной ассимиляціи школьной драмы съ ея интермедіями. Въ заключеніи же главы разбираетъ подробно написанную на одинаковую съ вертепомъ рождественскую тему одну южно-русскую школьную драму, именно— „Комедію на Рождество Христово“ Димитрія Ростовскаго. Подробный анализъ этой пьесы приводитъ автора къ заключенію, что она—передѣлка или переводъ съ польскаго; оригинальными являются только прологъ и эпилогъ.

Въ главѣ IV трактуются о кievской школьной драмѣ и появленіи ея въ Москвѣ. Школьная драма въ Кіевской академіи явилась, вѣроятно, одновременно съ курсомъ пѣники, въ которомъ она считалась необходимымъ практическимъ упражненіемъ. Въ большинствѣ случаевъ кievская школьная драма и по языку и по содержанію представляла сколокъ съ польской школьной драмы. Изъ такихъ кievскихъ школьныхъ пьесъ XVII в. называются слѣдующія: „Дѣйство объ Алексѣѣ Божіемъ челоуѣкѣ“ (представленное въ 1673 г., а напеч. въ 1674), состоящее изъ двухъ актовъ. Въ него были вставлены двѣ интермедіи: одна—„играніе свадьбы“ Алексѣя, а другая—и по названію и по содержанію неизвѣстна. 2) Дѣйствіе на страсти Христовы списанное, состоящее изъ 3-хъ актовъ. Ближайшими источниками „Дѣйствія“ авторъ считаетъ двѣ открытыя имъ въ рукописяхъ Имп. Публ. Библ. іезуитскія школьныя пьесы: одна безъ заглавія, другая же называется «*Sepulchrum Jesu Christi*». Близко къ „Дѣйствію“ стоятъ: кievская школьная пьеса нач. XVIII в. „Мудрость Предвѣчная“, „Ростовское дѣйство“ и „Искушеніе челоуѣка отъ паденія его“. 3) Размова во кратцѣ о душѣ грѣшной, судъ принявшей отъ судіи справедливаго Христа Спасителя“. „Таковы старѣйшія изъ извѣстныхъ намъ произведеній южно русской драматической литературы“—говоритъ въ заключеніе обзорнія кievской школь-

ной драмы авторъ. „Всѣ эти школьныя дѣйства отличаются совершенною отрѣшенностью отъ живой дѣйствительности и сухимъ, отвлеченнымъ дидактизмомъ“....

Въ Москвѣ школьная драма появляется въ самомъ концѣ XVII вѣка и входитъ въ обычай въ началѣ XVIII в. Образцы школьной кievской драмы въ Москвѣ далъ Симеонъ Полоцкій, отъ котораго въ его „Риѣмологіонѣ или стихословѣ“ сохранились двѣ комедіи: 1) О Новоходоносорѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ печи не сожженныхъ“ и 2) „Комедія притчи о блудномъ сынѣ“. Въ послѣднюю были вставлены интермедіи, которыя не сохранились. Попытки С. Полоцкаго ввести въ Москвѣ южно-русскій обычай драматическихъ представленій почти совпадаютъ по времени съ появленіемъ у насъ новаго театра при Алексѣѣ Михайловичѣ. Со второй половины XVII в. въ русскую жизнь мало по-малу начинаетъ врывать духъ новой культуры. Нѣмецкая свобода знакомила нѣкоторыхъ русскихъ людей съ новинками западно-европейской жизни, съ новыми иноземными развлеченіями. Между послѣдними театръ занималъ первое мѣсто. Хлопоты по устройству въ Москвѣ постоянного театра начинаются съ 1672 года, и первымъ устроителемъ его является иноземець-пасторъ Іоганнъ Готфридъ Грегори. Въ томъ же году (17 октября) дано представленіе „Артаксерксова дѣйства“, и затѣмъ въ теченіе четырехъ почти лѣтъ представлены слѣд. пьесы: 1) Комедія о Товіи младшемъ; 2) Іудиоъ, или какъ Алаферна царица царю голову отсѣкла; 3) Эсѣиръ, или какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амона по царицыну челобитью и по Мардохееву наученю; 4) Малая прохладная комедія объ Іосифѣ; 5) Малая комедія Баязетъ и Тамерланъ и 6) Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ. Образцомъ для Грегори при составленіи этихъ пьесъ послужили англійскія комедіи, особенности которыхъ и отразились въ первыхъ русскихъ драмахъ. Всѣ названныя пьесы, за исключеніемъ „жалостной комедіи объ Адамѣ и Евѣ“, переведены съ нѣмецкаго языка. Что касается фабулы пьесъ, то всѣ онѣ, за исключеніемъ комедіи о Баязетѣ и Тамерланѣ или „Темиръ Аксакова дѣйства“, заимствованы изъ Библии, что при-

давало имъ благочестивый характеръ; а объединяющая ихъ одна общая нравоучительная идея о возвеличеніи смиренія и наказаніи за гордыню сближаетъ ихъ съ общимъ тономъ тогдашней русской литературы. Но со смертію Алексѣя Михайловича театральныя зрѣлища прекратились. Въ заключеніи главы авторъ касается утвердившагося мнѣнія объ авторствѣ и участіи въ театральныхъ представленіяхъ царевны Софіи Алексѣевны. Оказывается, что подобное мнѣніе плодъ простого недоразумѣнія, простой обмолвки Истомина, виновника указаннаго мнѣнія о царевнѣ Софіи: вмѣсто „царевна Софья“ слѣдуетъ въ извѣстіи Истомина читать „царевна Наталья Алексѣевна“, которая дѣйствительно была большая любительница театра и, быть можетъ, сочиняла разныя дѣйства. Этимъ оканчивается V глава изслѣдованія г. Морозова.

Двѣ слѣдующія главы (VI и VII) посвящены комедіальной хранилѣ Петра Великаго, главнымъ образомъ разсмотрѣнію свѣтскихъ пьесъ. Въ первое свое путешествіе за границу Петръ В. часто видѣлъ театральныя представленія. По возвращеніи въ Россію, у него явилась мысль о возобновленіи давно заброшеннаго комедійнаго дѣйства. Поручено было искать за рубежомъ комедіантовъ, нѣкому Яну Славскому, которому и удалось пригласить труппу Кунста. Но дѣло постройки театра тормозилось, потому что царь хотѣлъ придать театру характеръ общедоступнаго учрежденія, что было дѣломъ необычнымъ. Вскорѣ Кунстъ умеръ, и его мѣсто занялъ Отто Фирстъ. Послѣ переселенія царя въ Петербургъ публичный театръ въ Москвѣ замѣнился частнымъ театромъ царевны Натальи Алексѣевны, а послѣ ея отъѣзда въ Петербургъ же—царицы Прасковьи. Въ Петербургѣ еще до втораго путешествія Петра за границу былъ устроенъ театръ царевной Натальей Алексѣевной; а по возвращеніи на родину Петръ задумалъ завести постоянный русскій театръ. Наконецъ былъ въ Петербургѣ и простонародный театръ. На зарождавшійся при Петрѣ русскій театръ оказала сильное вліяніе нѣмецкая драматическая литература. Въ области же послѣдней въ то время особенно прославился лейпцигскій магистръ Іоганнъ Фельтенъ. Онъ

далъ жизнь многимъ странствующимъ труппамъ. Къ той-же Фельтеновской труппѣ нужно причислить и призванную при Петрѣ труппу Кунста. О репертуарѣ нашего театра въ первые годы XVIII ст. имѣются обстоятельныя свѣдѣнія, благодаря случайно сохранившемуся „Описанію комедіямъ, что какихъ есть въ государственномъ посольскомъ приказѣ мая по 30 число 1709 года“. Изъ комедій, перечисленныхъ въ этомъ „Описаніи“, многія (6) сохранились. Авторъ подробно рассматриваетъ эти 6 пьесъ, указывая отношеніе ихъ къ оригиналу, пересказывая содержаніе и т. д. Въ седьмой главѣ онъ указываетъ и подробно разбираетъ найденныя имъ двѣ пьесы, представляющія попытки самостоятельнаго творчества въ области драмы. Это комедія о Индрикѣ и Мелендѣ, источникомъ для которой послужила извѣстная въ нашей рукописной литературѣ XVIII в. повѣсть подъ заглавіемъ: „Гисторія о великомочномъ рыцарѣ Гендрике курфистре саксонскомъ и о преизящной Мелендѣ дочери Людвига курфистра бранденбургскаго, переведена съ польскаго на славенороссійскій діалектъ“. Другая пьеса носитъ слѣд. заглавіе: „Актъ о царѣ Перскомъ Кирѣ и о царицѣ Скиѣской Тамарѣ“; содержаніе ея заимствовано изъ историческаго разсказа о Кирѣ. Въ концѣ главы рассматривается опера: „Дафнисъ, гоненіемъ любовнаго Аполлона въ древо лавровое превращенная“. Эта опера заслуживаетъ вниманія потому, что представляетъ единственный пока образецъ примѣненія школьныхъ драматическихъ правилъ къ свѣтскому сюжету.

Въ заключительной (VIII) главѣ своего труда г. Морозовъ рассматриваетъ духовныя школьныя пьесы Петровскаго времени. Оказывается, что эпоха преобразования наложила и на школьную драму свою печать. Петръ Великій, преслѣдуя всюду практическія цѣли, и отъ школьной драмы потребовалъ служенія интересамъ дня, и она мало по малу утратила свою отвлеченную сухость. Доказательство своей мысли авторъ находитъ во множествѣ школьныхъ драмъ, появившихся въ началѣ XVIII в., каковы: „Страшное изображеніе втораго пришествія Господня на землю“, „Торжество міра православнога“ и многія другія. Подъ вліяні-

емъ эпохи преобразованія измѣнили свой характеръ и кievскія школьныя дѣйства, что доказывается разборомъ пьесъ Теофана Прокоповича, Теофана Трофимовича и Митрофана Довгалевскаго. Далѣе авторъ нейдетъ, такъ какъ прослѣдилъ исторію нашего театра за указанный въ заглавіи періодъ. Подводя итогъ всему сказанному въ восьми главахъ своего изслѣдованія, авторъ такъ заканчиваетъ свой трудъ: „такимъ образомъ, нашъ старый театръ, духовный и свѣтскій, академическій и площадной, не далъ особенно крупнаго вклада въ нашу литературу, не обогатилъ общественнаго сознанія какими-нибудь новыми плодотворными идеями; но, тѣмъ не менѣе, онъ все-таки сослужилъ культурную службу русскому обществу... театральная потѣха навсегда приобрѣла въ Россіи право гражданства“. Волковъ собираетъ труппу и даетъ спектакли въ провинціи; затѣмъ его вызываютъ въ столицу, и здѣсь при участіи Сумарокова устраивается постоянный русскій театръ. Колыбель этого новаго театра была гробомъ стараго; но въ этомъ гробу таились зародыши новой жизни, которые пробивались на свѣтъ въ произведеніяхъ нашихъ драматическихъ писателей конца прошлаго вѣка и мало по малу оживили нашу сцену. Это были завѣщанныя старымъ театромъ новому животворныя начала народности“.

„Очеркъ“ г. Морозова, содержаніе котораго мы изложили, вскорѣ послѣ своего выхода въ свѣтъ надѣлалъ не мало шума. Причиной было непонятное со стороны г. Морозова умолчаніе о главномъ источникѣ, которымъ онъ много пользовался при написаніи своего труда. Источникъ этотъ—отпечатанныя болѣе 10 лѣтъ тому назадъ примѣчанія ко второму тому соч. Тихонравова „Русскія драматическія произведенія“. Эти примѣчанія не должны были быть допущены въ обращеніе, и г. Тихонравовъ не разрѣшалъ никому пользоваться этимъ трудомъ. Самъ г. Морозовъ въ письмѣ въ редакцію Новаго Времени (№ 4527) призналъ свое знакомство съ трудомъ г. Тихонравова. Такимъ образомъ „Очеркъ“ его—трудъ компилятивный; но онъ имѣетъ свою цѣну потому, что является сводомъ всего, что было сдѣлано другими учеными (Пекарскимъ, Тихонравовымъ и др.) по исторіи рус-

скаго театра за избранный имъ періодъ. Кромѣ того, въ немъ есть нѣсколько новыхъ данныхъ: нѣсколько польско-русскихъ интерлюдій (гл. III) и двѣ драмы (гл. VII)*).

С. В. Преображенскій. Начальная ступень веденія сочиненій въ реальныхъ училищахъ, въ связи съ изученіемъ правилъ русской стилистики. Варшава. 1889г. (Отд. отт. изъ Русск. Филол. Вѣстн.)

Въ брошюрѣ, заглавіе которой приведено нами выше, поднимается вопросъ о веденіи письменныхъ сочиненій по русскому языку въ реальныхъ училищахъ, вопросъ, совершенно не затронутый въ нашей педагогической литературѣ. Если въ гимназіяхъ, не смотря на множество руководствъ и пособій къ веденію письменныхъ упражненій, ученическія сочиненія являются „больнымъ мѣстомъ“, то что сказать о сочиненіяхъ реалистовъ, выборъ сочиненій для которыхъ зависитъ вполне отъ личнаго усмотрѣнія преподавателей. Не разработанъ также и вопросъ о преподаваніи теоріи словесности въ реальныхъ училищахъ. Обыкновенно педагоги реальныхъ училищъ полагаютъ, что улучшение стилистической стороны сочиненій выпускныхъ учениковъ зависитъ отъ цѣлесообразной постановки изученія правилъ русской стилистики. Отсюда возникаютъ вопросы: 1) въ чемъ должно состоять усиленіе изученія правилъ русской стилистики; 2) каковъ долженъ быть объемъ правилъ русской стилистики; 3) въ теченіе какихъ уроковъ можно усвоить этотъ объемъ правилъ рус. стилистики и 4) какими способами эти правила могутъ

*) Акад. Ал. Н. Веселовскій въ своей рецензіи на трудъ г. Морозова (Жур. Мин Нар. Пр, 1888, декабрь) указалъ многіе промахи его въ общихъ воззрѣніяхъ на развитіе драмы и отмѣтилъ нѣкоторые другіе недостатки. Нѣсколько основательныхъ замѣчаній на книгу г. Морозова сдѣлалъ и профес. Соболевскій См. Рус. Филол. Вѣстникъ 1889 г. т. XXI: «Замѣтки по исторіи школьной драмы».

быть усвоены? Принимая во вниманіе необходимость устано-
вить опредѣленные точки зрѣнія, на данные вопросы, авторъ
въ своей брошюрѣ предлагаетъ рѣшеніе ихъ.

И вотъ онъ указываетъ правила русской стилистики,
которыя должны быть усвоены учениками реальныхъ учи-
лищъ на подготовительной ступени къ изученію ими теоріи
словесности (стр. 15). Онъ не соглашается съ мнѣніемъ,
что преподаватель словесности въ реальныхъ училищахъ
долженъ занимать учениковъ стилистическими упражненіями
преимущественно въ V классѣ. По его мнѣнію, основан-
ному на опытѣ, необходимо сосредоточивать вниманіе на
разнаго рода стилистическихъ упражненіяхъ ранѣе пятого
класса, именно необходимо ихъ вести уже въ III кл. Упо-
мянувъ затѣмъ о нѣкоторыхъ благоприятныхъ условіяхъ
успѣха подготовительной ступени и о педагогическихъ пра-
вилахъ ея, авторъ подвергаетъ критикѣ существующій нынѣ
методъ веденія сочиненій, при которомъ и справляются
сочиненія, а не обучаютъ составленію ихъ*). Въ замѣтъ
его онъ предлагаетъ другой, состоящій въ слѣдующемъ:
ученики подъ руководствомъ учителя знакомятся съ опредѣ-
леннымъ путемъ мышленія, заключающимся въ правильномъ
наблюденіи и группированіи матеріала, научаются отличать

*) Критика немного запоздавшая, такъ какъ вопросу это-
му посвящена была статья г. Соломоновскимъ, что извѣстно и
г. Преображенскому. Кромѣ того, намъ думается, что жалоба
автора на неразработанность вопроса о преподаваніи теоріи сло-
весности въ реальныхъ училищахъ должна быть смягчена однимъ
соображеніемъ. Вопросъ о преподаваніи теоріи словесности въ
классич. гимназіяхъ достаточно разработанъ; поэтому нечего бы-
ло поднимать вопросъ вновь для реальныхъ училищъ. Въдъ суть
преподаванія теоріи словесности, указанная Учебными планами
(1877 г. 8 іюня), наглядность и основательность выводовъ о
родахъ и видахъ произведеній на основаніи прочитанныхъ образ-
цовъ, остается одна и таже для классическихъ и реальныхъ гим-
назій. Вопросъ можетъ касаться только нѣкоторыхъ частныхъ.
Такъ, въ виду незначительнаго количества времени, назначенна-
го для прохожденія курса теоріи словесности, можно толковать о
сокращеніи количества свѣдѣній по теоріи словесности и т. д.

дурные способы выраженія отъ хорошихъ, при чемъ свои мысли ученики излагаютъ устно. Далѣе авторъ рѣшаетъ вопросъ о темахъ для ученическихъ сочиненій. Затѣмъ, имѣя въ виду 28 годовыхъ уроковъ, назначенныхъ на письменныя сочиненія въ III кл. реальныхъ училищъ, онъ распредѣляетъ по урокамъ весь тотъ матеріалъ, который необходимо усвоить ученикамъ по части русской стилистики. Таково содержаніе названной выше брошюры.

Прежде всего нельзя не отмѣтить основательнаго знакомства автора съ литературой предмета. Это знакомство помогло ему поставить нѣсколько интересныхъ требованій, въ родѣ требованія давать полные отчеты о сочиненіяхъ выпускныхъ учениковъ реальныхъ училищъ (стр. 13 и 14). Подъ такимъ требованіемъ, полагаемъ, подпишется всякій педагогъ. Но нельзя согласиться съ нѣкоторыми другими требованіями и мыслями автора. Лично мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ планомъ, по которому онъ предлагаетъ вести сочиненія. Такъ въ первые пять уроковъ онъ разбираетъ „утро въ Пятигорскѣ“ Лермонтова, слѣдовательно начинается сочиненія съ „описаній“. Повѣствованіе же у него начинается съ 22-го урока (стран. 50). Напрасно г. Преображенскій не послѣдовалъ г. Бѣлявскому, Истомину и др., которые справедливо считаютъ необходимымъ начинать веденіе сочиненій съ повѣствованій, какъ болѣе легкаго вида сочиненій. Кромѣ того, г. Преображенскій въ примѣчаніи къ стр. 52 своей брошюры приводитъ выдержку изъ книги Анненскаго „Первые шаги въ изученіи словесности“. Онъ не обратилъ должнаго вниманія на тотъ порядокъ, въ которомъ предлагаются въ книгѣ г. Анненскаго темы. И г. Анненскій также на первомъ планѣ ставитъ рассказы.

Не можемъ не замѣтить, что не всѣ тѣ правила русской стилистики, которыя онъ считаетъ необходимыми для учениковъ III кл. (стр. 15), удобно имъ объяснять. Намъ кажется неудобнымъ толковать ученикамъ III класса реальныхъ училищъ о плеоназмѣ, тавтологіи и др. тонкостяхъ. Вообще при чтеніи брошюры г. Преображенскаго, у насъ не разъ являлось сомнѣніе въ томъ, что ведя такимъ образомъ сочиненія, какъ изложено въ ней, онъ усвѣиваетъ при-

вить ученикамъ необходимыя, по его мнѣнію, правила русской стилистики и научить ихъ примѣнять эти правила въ своихъ сочиненіяхъ. Пожалуй, можно повѣрить въ такой успѣхъ дѣла, если будутъ на лицо всѣ тѣ условія успѣха, о которыхъ онъ говоритъ на стр. 18—19. Но кто изъ педагоговъ не знаетъ, какъ трудно правильно организовать чтеніе учениками книгъ, которое г. Преображенскій ставитъ первымъ условіемъ успѣха.

Намъ кажется, что и самъ г. Преображенскій не вполне увѣренъ въ возможности такъ стройно и скоро научить учениковъ III класса правиламъ русской стилистики. Такъ въ началѣ урока шестого (стр. 40) онъ оговаривается: „при немногочисленномъ и понятливомъ составѣ класса вся вышеизложенная (въ ур. 1—5) работа (разборъ „Утра въ Пятигорскѣ“ Лерм.) займетъ не болѣе четырехъ уроковъ; въ противномъ случаѣ придется употребить на нее нѣсколько больше, около пяти уроковъ“. Приведенныя нами слова невольно заставляютъ припомнить поговорку: „скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается“. Ужели въ одинъ урокъ можно такъ много успѣть? Такія сомнѣнія вызвало у насъ чтеніе брошюры г. Преображенскаго, и мы откровенно высказываемъ ихъ ему, такъ какъ вполне согласны съ нимъ въ необходимости сдѣлать ученическія сочиненія „здоровымъ мѣстомъ“, хотя рѣшительно не можемъ согласиться съ нимъ, что рекомендуемый имъ способъ веденія сочиненій поставитъ cadaго ученика въ такое положеніе, чтобы онъ не могъ не овладѣть живою русскою рѣчью, не могъ не постигнуть свойствъ русскаго языка“ (стр. 59). Овладѣть живою „русскою рѣчью и постигнуть свойства русскаго языка“—идеаль недостижимый для учениковъ. Вопросъ заключается въ томъ, какой болѣе удобный путь избрать, чтобы поставить ученика въ желательное положеніе. Намъ показалось, что г. Преображенскій избралъ не лучший путь.

Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Изданъ Историческимъ Обществомъ Нестора лѣтописца подъ ред. А. П. Соболевскаго. Кіевъ 1888 г.

Названный «Сборникъ», представляющій отдѣльный оттискъ изъ II кн. Чтеній историч. Общ. Нестора лѣтописца, состоитъ изъ слѣдующихъ статей: I) Годъ крещенія Св. Владимира, ст. А. П. Соболевскаго; II) Памятники древне-русской литературы, посвященные Владимиру Св., съ замѣчаніями объ этихъ памятникахъ г. Соболевскаго. III) Святой Владимиръ—строитель городовъ, М. И. Бережкова и IV) Крещеніе князя Владимира и Руси по западнымъ извѣстіямъ, Ѡ. Я. Фортинскаго.

Первая статья посвящена установленію года крещенія св. Владимира и Руси, такъ какъ о немъ возникли споры задолго до празднованія 900-лѣтія упомянутаго событія въ Кіевѣ. Авторъ ея стоитъ за лѣтописную дату крещенія Владимира, т. е. за 988-й годъ. Онъ разсматриваетъ свидѣтельства трехъ русскихъ памятниковъ, упоминающихъ о крещеніи Владимира. Первый изъ нихъ—Начальная или Несторова лѣтопись—подъ 988-мъ г. упоминаетъ о нѣсколькихъ событіяхъ, изъ которыхъ крещеніе кіевлянъ, по мнѣнію автора, должно быть отнесено къ слѣд. году. Лѣтописецъ имѣлъ подъ руками какія-то старыя записи, изъ которыхъ извлекъ дату и такого важнаго событія, какъ крещеніе Владимира. Поэтому лѣтописный 988 годъ можетъ быть принятъ за дѣйствительный годъ крещенія. Второй памятникъ—древнее житіе Владимира, дошедшее до насъ и отдѣльно и въ составѣ «Памяти и Похвалы» Владимиру мниха Іакова. Авторъ житія, составленнаго въ концѣ XII или началѣ XIII в., пользовался какимъ-то намъ неизвѣстнымъ древнимъ источникомъ, изъ котораго извлекъ нѣсколько фактовъ и нѣсколько хронологическихъ датъ, отличныхъ отъ датъ лѣтописныхъ. Разобравъ указанія житія, могуція дать опору для заклю-

ченія о годѣ крещенія Владимира, авторъ приходитъ къ выводу, что эти указанія не противорѣчатъ лѣтописной датѣ, т. е. 988 году. Третій памятникъ—житіе Бориса и Глѣба, составленное Несторомъ—дьякономъ въ самомъ началѣ XII в.,—называетъ годомъ крещенія Владимира 987-й, но эта дата, какъ случайная, не можетъ быть предпочтена, по мнѣнію А. И. Соболевскаго, датамъ лѣтописи и житія. Въ заключеніе указывается на то, что лѣтописный годъ крещенія Владимира подтверждается и лучшими иноземными источниками, напр., арабскимъ историкомъ конца X—нач. XI в. Яхъею и др. Сдѣлавъ замѣчаніе о рассказѣ Льва—діакона, авторъ утверждаетъ, что годъ крещенія Владимира (988) можетъ быть принятъ и за годъ крещенія Руси. «Несомнѣнно, говоритъ онъ, Владимиръ крестился не одинъ, а со своею дружиною и войскомъ. Эта наиболѣе важная въ то время часть русскаго народа имѣетъ не менѣе права считаться представительницею всей Руси, чѣмъ кіевское населеніе, крещенное Владимиромъ въ Кіевѣ, по возвращеніи изъ-подъ Корсуня». Тому же автору принадлежитъ и вторая статья «Сборника—Памятники древне-русской литературы, посвященные Владимиру св.», Памятники, посвященные Владимиру, или житія, или похвальныя слова. Изъ житій напечатаны въ сборникѣ: 1) Древнее житіе Владимира, богатое фактическими данными, изложенное просто и составленное, вѣроятно, въ концѣ XII и нач. XIII в. 2) «Память и похвала мниха Іакова. Въ составъ этой «Памяти» вошло и только что названное древнее житіе Владимира, отсюда послѣднее считали только извлеченіемъ изъ первой. Но въ виду того, что все, что говорится въ «Памяти» о Владимирѣ сверхъ житія,—или повтореніе сказаннаго или пустословіе, авторъ думаетъ, что житіе появилось въ свѣтъ раньше «Памяти». А. И. Соболевскій не согласенъ также съ распространеннымъ въ литературѣ мнѣніемъ, что Іаковъ—мнихъ есть авторъ «Сказанія» о мученической кончинѣ свв. Бориса и Глѣба. Поэтому онъ не находитъ возможнымъ считать

«Память» произведеніемъ XI в., отодвигаетъ ее въ XIV в.

3) Обычное житіе Владимира, дошедшее въ двухъ редакціяхъ. Издана первая наиболѣе распространенная редакція. Вслѣдствіе сходства главной части житія, тождественной въ обѣихъ редакціяхъ, съ лѣтописнымъ разсказомъ о Владимирѣ нѣкоторые ученые (Макарій, Голубинскій и др.) видѣли въ житіи источникъ лѣтописи. Но г. Соболевскій утверждаетъ противное: онъ считаетъ лѣтопись источникомъ житія. Что касается времени составленія житія, то авторъ относитъ его къ монгольской эпохѣ, что доказывается языкомъ житія: нѣкоторыя обычныя слова до-монгольской эпохи, находившіяся въ лѣтописи или опущены, или замѣнены другими, какъ непонятныя для автора житія (опущено лѣт. дружина, лѣт. рѣнь = отмель замѣн. сл. берегъ и гора).

4) Проложное житіе св. Владимира, представляющее сокращеніе первой редакціи выше названнаго обычнаго житія; это житіе встрѣчается уже въ прологахъ XIV в.

5) Распространенное проложное житіе, дошедшее до насъ только въ одномъ спискѣ. Оно отъ обычнаго проложнаго житія отличается только нѣкоторыми подробностями, которыя вставлены въ него изъ какого-то древняго и важнаго, не дошедшаго до насъ источника.

6) Южно-русское житіе Владимира, извѣстное въ двухъ спискахъ XVII в. Языкъ и изложеніе памятника показываютъ, что житіе написано или въ концѣ XVI в., или въ первой половинѣ XVII в. и что авторомъ его былъ одинъ изъ кievскихъ ученыхъ. Это житіе почти цѣликомъ вошло въ печатный кievскій Синописисъ (первое изд. 1674 г.), а также было извѣстно, по всей вѣроятности, и автору Густынской лѣтописи 1670 г.—Изъ похвальныхъ словъ Владимиру напечатаны два: одно слово кievскаго митроп. Иларіона, изданное въ краткой редакціи, а другое представляетъ плохую передѣлку слова Иларіона, съ дополненіями изъ Начальной лѣтописи, и свидѣтельствуетъ о томъ вниманіи, которымъ пользовался св. Владимиръ у сѣверо-русскихъ грамотеевъ XVII в. Оно извѣстно, впрочемъ,

только въ одномъ спискѣ, слѣд. не было распространено. Кромѣ того, напечатаны еще: 1) церковный уставъ Владимира и 2) проложное житіе св. Ольги. Церковный уставъ Владимира, дошедшій до насъ въ большомъ количествѣ списковъ и въ нѣсколькихъ редакціяхъ, слѣдовательно, пользовавшійся въ древней руси полнымъ довѣріемъ и авторитетомъ, не принадлежитъ Владимиру; его даже нельзя считать передѣлкою подлиннаго, недошедшаго до насъ устава Владимира. Однако напечатанный уставъ въ древнѣйшей редакціи, второй половины XIII го в., нельзя назвать подложнымъ документомъ; его постановленія извлечены изъ подлинныхъ документовъ Владимира, вродѣ жалованныхъ грамотъ духовенству и Десятиной церкви. Проложное житіе св. Ольги, представляющее сокращеніе древняго подробнаго житія св. княгини, присоединено къ памятникамъ древней письменности, говорящимъ о Владимирѣ, потому что въ немъ упоминаетъ св. Владимиръ.—Вторая статья «Сборника», на нашъ взглядъ, самое цѣнное, что сдѣлано вообще въ нашей литературѣ по поводу празднованія 900-лѣтія крещенія Руси. Третья статья принадлежитъ профессору Историко-Филологич. Института кн. Безбородка въ Нѣжинѣ, М. Н. Бережкову. Въ ней разсматривается дѣятельность св. князя, какъ строителя городовъ. Главной задачей для Владимира была охрана кievской земли отъ печенѣговъ, борьба съ которыми была въ полномъ разгарѣ именно при немъ. Въ связи съ этой борьбой стояла постройка городовъ и укрѣпленій по обоимъ берегамъ Днѣпра. Приведа затѣмъ изъ лѣтописи рассказъ о постройкѣ упомянутыхъ укрѣпленій, подъ 988 годомъ, авторъ останавливается на болѣе подробныхъ извѣстіяхъ той же лѣтописи объ отдѣльныхъ городахъ, сперва на правомъ берегу (Вѣлгородъ, Переяславль, Василевъ, Владимиръ на Волыни), а потомъ и на лѣвомъ (Городецъ и Остерскій городокъ).

Последняя статья «Сборника» носитъ заглавіе: «Крещеніе князя Владимира и Руси по западнымъ извѣ-

стіямъ“. Авторъ ея задался цѣлью пересмотрѣть западныя источники, въ которыхъ можно было бы найти какія либо извѣстія о крещеніи Владимира и Руси. На такую задачу наталкиваетъ наша начальная лѣтопись, которая подъ 996 г. говоритъ объ отношеніяхъ Владимира къ западнымъ сосѣдямъ.

Начинаетъ авторъ свои поиски съ польскихъ источниковъ, потому, что Польша—ближайшій западный сосѣдъ Кіевской Руси. Но никакихъ извѣстій о крещеніи Владимира и Руси не находится ни въ древнѣйшемъ польскомъ историческомъ памятникѣ, описавшіи мученической кончины Войтѣха, ни въ древнѣйшей польской хроникѣ Галла.—Что касается Угріи, другого западнаго сосѣда кіевской Руси, то въ ней нечего и искать какихъ-либо извѣстій о Владимирѣ и Руси, потому что ея историческія памятники составлены такъ же, какъ и въ Польшѣ, иностранными авторами, болѣе всего интересовавшимися своимъ роднымъ западомъ.—Хотя Чехія находилась въ нѣсколько иныхъ условіяхъ, и христіанство въ ней распространялось одновременно и западными, и восточными миссіонерами, но и въ ея историческихъ источникахъ (Косьма Пражскій) нѣтъ извѣстій о крещеніи Владимира и Руси. Въ заключеніе авторъ останавливается на документахъ, относящихся къ исторіи папства въ концѣ X и XI в. Здѣсь находятся два извѣстія о Руси. Одно у продолжателя хроники Решкона подъ 959 г. здѣсь говорится о посольствѣ со стороны русской княгини Ольги съ просьбой поставить для ея народа епископа и пресвитеровъ; другое у Дитмара Мерзебургскаго, который рассказываетъ о пребываніи у Владимира проповѣдника Бонифація Бруно и миссіонера-нѣмца Рейнберна.

Въ заключеніе статьи авторъ говоритъ: «Мы закончили пересмотръ западныхъ памятниковъ, въ которыхъ можно было разсчитывать найти что-либо пригодное для разясненія вопроса о крещеніи Владимира и Руси. Добытые нами результаты можно назвать скорѣе отрицательными, чѣмъ положительными. Но такъ какъ

въ наукѣ имѣютъ нѣкоторое значеніе и отрицательные выводы, то мы и сочли возможнымъ предать ихъ печати.» Въ приведенныхъ словахъ заключается взглядъ на значеніе разсмотрѣнной статьи.

Очерки изъ исторіи западнорусской литературы XVI—XVII вв. А. С. Архангельскаго.—Борьба съ католичествомъ и западно-русская литература конца XVI—первая пол. XVII в. I—II. Москва 1888 г.

Названная книга составляетъ только начало предположеннаго г. Архангельскимъ сочиненія, которое будетъ посвящено изслѣдованію возникшей въ концѣ XVI и первой полов. XVII ст. борьбы между юго-западными православными католиками въ сферѣ литературной. Поставивъ себѣ такую специальную задачу, авторъ въ вышепедшихъ пока двухъ главахъ даетъ, такъ сказать, введеніе и подготовленіе къ самому изслѣдованію. Въ первой главѣ, исходя отъ Люблинской уніи 1569 года, онъ слѣдитъ за тѣми измѣненіями и вліяніями, какія произвела польская культура въ бытовомъ, нравственномъ, умственномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Глава не обнаруживаетъ specialнаго изслѣдованія вопроса со стороны автора; она вся носитъ компилятивный характеръ, и вся оригинальность ея состоитъ въ томъ, что авторъ останавливается, при изображеніи картины избраннаго времени, на такихъ подробностяхъ, которыя пригодятся ему въ слѣдующихъ главахъ сочиненія. Къ сожалѣнію эта особенность не всегда даетъ г. Архангельскому возможность посмотреть на изображаемыя явленія правдиво. Такъ, онъ всецѣло почти приписываетъ польскимъ королямъ упадокъ нравственности среди православнаго духовенства. Если бы онъ обратилъ вниманіе на состояніе польско-католическаго духовенства того времени, благодаря низкому нравственному уровню котораго, такъ быстро распространилось въ пре-

дѣлахъ Польши протестатство, то едва-ли бы сказали то, что имъ сказано на стр. 13 и слѣд. Наконецъ авторъ безъ критики повторилъ ходячее мнѣніе объ отсутствіи школъ и типографій въ этотъ періодъ у православныхъ. Теперь, когда уже есть нѣкоторые фактическія указанія, странно повторять неосновательное положеніе. Безъ сомнѣнія были школы въ разныхъ городахъ юго-зап. Руси и притомъ такія, которыя удовлетворяли современнымъ потребностямъ народа; но о нихъ не упоминали, потому что не было къ тому повода. Если же завели рѣчь о школахъ въ началѣ XVII в., то потому, что въ это время онѣ выступили на первый планъ и приспособились для борьбы съ католичествомъ. Вторая глава посвящена разсмотрѣнію литературы XVI и XVII вв., возникшей благодаря религиозной борьбѣ и потому почти исключительно духовной. Наиболѣе обширный отдѣлъ ея составляютъ книги богослужебныя; затѣмъ идутъ переводы твореній отцевъ церкви, полемическія сочиненія, проповѣди и т. д. Въ довольно обширныхъ примѣчаніяхъ авторъ къ каждому ряду рукописныхъ или печатныхъ книгъ приводитъ перечень ихъ списковъ, составленный довольно тщательно по трудамъ разныхъ ученыхъ, слѣдовательно, опять-таки не самостоятельный. Между прочимъ, эти примѣчанія могли-бы навести автора на мысль, что его заключеніе объ упадкѣ образованія въ южной Руси въ концѣ XVI ст. не совсѣмъ вѣрно. Самъ же онъ на стр. 134 говоритъ: «Таковъ былъ общій объемъ и главныя теченія возникшей западно-русской литературы конца XVI—перв. пол. XVII в. Мы видимъ передъ собою литературу нѣсколькое односторонне, но широко развившуюся и довольно разнообразную»... Но помимо объема и содержанія своего, эта литература имѣетъ и еще значеніе и важность въ глазахъ историка. «Юго-западная литература.» конца XVI и нач. XVII в. говоритъ дальше авторъ, «сослужила великую службу сѣверо-восточной Руси XVII вѣка. Уже съ первыхъ годовъ XVII в. въ Московскомъ государствѣ начинается весьма замѣтно сказываться вліяніе юго-

западної літератури і освіти... Озмѣченное сей-часъ вліяніе юго-западної літератури і освіти було здѣсь, въ Москвѣ, прямимъ подготовленіемъ къ приближавшимся реформамъ»... Дальнѣйшія главы сво-его труда авторъ посвятить спеціальнымъ изслѣдова-ніямъ нѣкоторыхъ сторонъ возникшей літератури.— Добрая половина книги занята «Приложеніями». Тутъ подъ № 1-мъ помѣщено описаніе и извлеченіе изъ «Но-ваго Маргарита Курбскаго; подъ № 2-мъ «примѣчанія кн. Курбскаго» къ переводу твореній Іоанна Дамаски-на, и подъ № 3-мъ помѣщаются заглавія и начальныя слова главъ «Діалектики Іоанна Дамаскина въ перево-дѣ кн. Курбскаго.»

Л. Н. Майковъ. Очерки изъ исторіи русской літератури XVII и XVIII столѣтій. Спб. 1889 г.

Названная книга представляеть сборникъ статей, написанныхъ авторомъ въ теченіе 20 лѣтъ и напеча-танныхъ въ разныхъ періодическихъ и другихъ болѣе спеціальныхъ изданіяхъ. При этомъ авторъ считалъ не-обходимымъ переработать статьи «сообразно современ-ному состоянію свѣдѣній о тѣхъ предметахъ, о кото-рыхъ въ нихъ идетъ рѣчь.» Дѣйствительно, стоитъ срав-нить нѣкоторыя статьи Сборника съ статьями того же названія, напечатанными раньше, чтобъ убѣдиться въ добросовѣстности автора и справедливости его заявле-нія. Одной изъ самыхъ обширныхъ и интересныхъ ста-тей сборника, безъ сомнѣнія, является статья о Симео-нѣ Полодкомъ. Вообще весь сборникъ прочтеться не безъ удовольствія не только специалистами, но и всѣми, ко-му не чужды интересы родной літератури.

Сергѣй Ольгинъ.

Пѣкинъ. 1889 г.

П. О. Морозовъ Очерки изъ исторіи русской драмы
XVII—XVIII ст. С.-Пб. 1888.

С. В. Преображенскій. Начальная ступень веденія со-
чиненій въ реальныхъ училищахъ въ связи съ изуче-
ніемъ правилъ рус. стилистики. Варшава. 1889.

Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси.
Изданъ Историч. Обществомъ Нестора лѣтописца подъ
редакціей А. И. Соболевскаго. Кіевъ. 1888.

Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—
XVII вв. А. С. Архангельскаго.—Борьба съ като-
личествомъ и западно-русская литература конца XVI и
первой полов. XVII в. I—II. Москва. 1888.

Л. Н. Майковъ. Очерки изъ исторіи русской литературы
XVII и XVIII ст. С.-Пб. 1889.

Сергѣя Ольгина.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

Филологическія Записки издаются

въ ВОРОНЕЖѢ. Выходятъ безсрочными выпусками— по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **50** коп. съ пересылкой.
За границу **7** руб.

Подписка преимущественно принимается:

въ ВОРОНЕЖѢ въ Редакціи Филологическихъ Записокъ; также въ извѣстныхъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ и въ другихъ городахъ.

Въ Редакціи можно получать:

Годовое изданіе «Филологическихъ Записокъ» и за прежніе годы, а равно и нѣкоторыя отдѣльныя изданія, а именно:

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Пер. съ фр. А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса-Мюллера.—Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лавренка и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

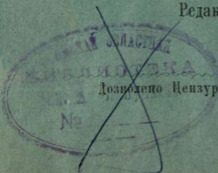
Наука о языкѣ. Выпускъ II, заключающій въ себѣ послѣднія шесть лекцій Макса-Мюллера—VII—XII. Пер. съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

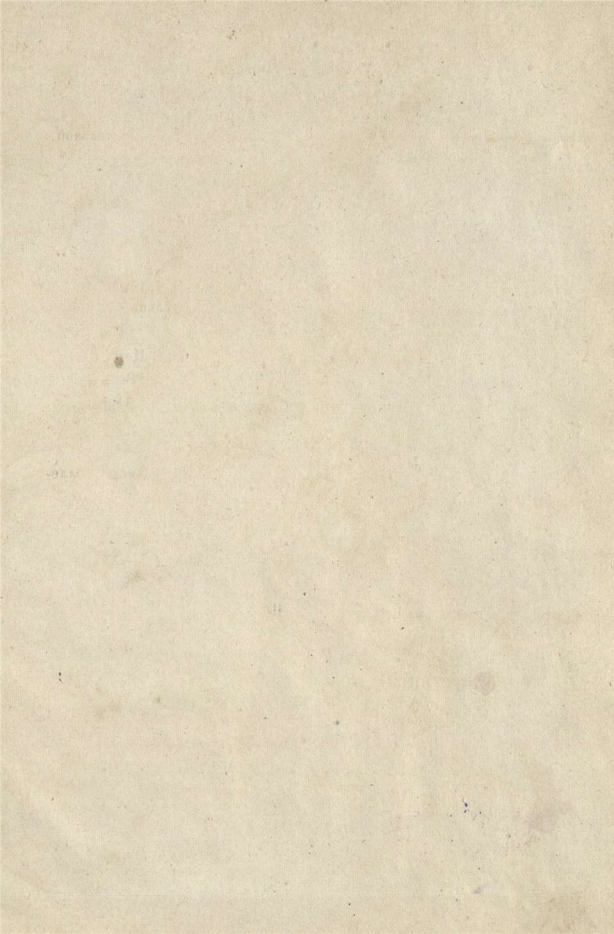
Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тэна. Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц. А. Н. Чудинова. Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

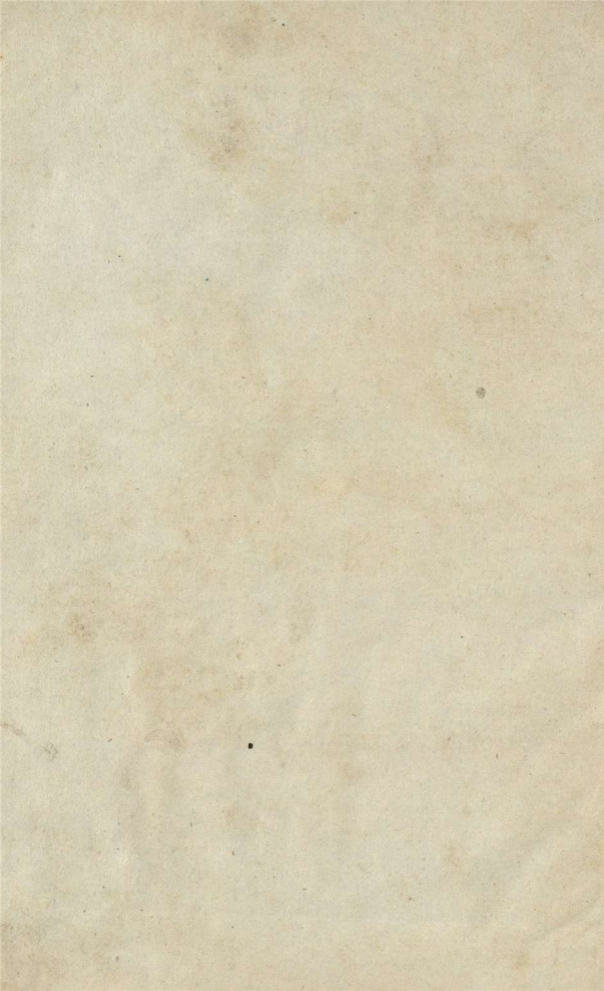
Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній, въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ котораго составляютъ Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи, изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 1875 г. Ц. 2 р. за экз.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій**.

Дозволено Цензурой. Москва, 13 Декабря 1889 г.

1 p.

181 emp.

10 000 -

